

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

ГЕНИЙ ВОЙНЫ АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

Арсений Александрович Замостьянов
Гений войны Суворов. «Наука побеждать»
Серия «Гении войны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4991907

*Арсений Замостьянов. Гений войны Суворов. «Наука побеждать»: Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62465-2*

Аннотация

Его «Наука побеждать» стала настольной книгой любого офицера. Его триумфы вошли в легенду. Его имя навеки вписано в святцы русской воинской славы. Генералиссимус Российской Империи, величайший русский полководец, национальный герой, граф Рымникский, князь Италийский, А.В. Суворов был настоящим гением войны. Недаром в его честь наречен высший полководческий орден СССР, а его портреты висят в каждом военном училище и каждой воинской части. Притом что биография генералиссимуса не вписывается в привычные стереотипы – одержав более полусотни побед, Александр Васильевич не участвовал ни в одной оборонительной кампании! (Не случайно статут ордена Суворова имеет ярко выраженный «наступательный» характер). Это он подавил Польский мятеж и Пугачевский бунт, усмирил хищные ногайские орды и стал единственным военачальником, сумевшим несколько раз подряд разбить революционную французскую армию, а его легендарным переходом через Альпы восхищались даже враги. Суворов не просто разгромил турок, но создал подробный план уничтожения Османской империи, собственным примером доказав непреложную истину: «лучшая оборона – это наступление» и завещав «чудо-богатырям» на все времена: «Мы Русские – какой восторг!», «Мы Русские! С нами Бог!», «Мы Русские – враг пред нами дрожит!».

Эта книга – самый полный рассказ о боевом пути гениального полководца и воспитателя армии, обо всех кампаниях, походах, сражениях и победах Александра Васильевича Суворова.

Содержание

Предисловие	4
Отец Отечества	6
Сын генерала Суворова	8
Семёновец	12
Семилетняя война	15
Полковник Суворов	20
На польском фронте. Война против конфедератов	24
Туртукайские победы	39
Гирсовская виктория	48
Обманутый муж	53
Сражение при Козлуджах	55
Против речёного Емельки	59
Крым, Кубань, Астрахань – на форпостах Российской империи. 1776–1783	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Арсений Замостьянов Гений войны Суворов «Наука побеждать»

Предисловие

*И славы гром, как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род
Прокатится, пройдет, промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов... —*

Так пророчествовал Державин – друг и боевой соратник нашего героя. Под командованием Суворова он служил во время борьбы с пугачевщиной, и он же, будучи признанным поэтом и влиятельным вельможей, стал автором эпитафии полководцу. Державин не преувеличивал. Мерило славы Суворова – вечность.

На огромном материке русской истории, где уживаются герои разных эпох, окружённые ореолами почитания, прошлое не проходит безвозвратно и бесследно. Мы связаны с прошлым и будущим корневой системой, и значение величайших людей России не ослабевает с веками. Гениальная самобытность всегда актуальна, всегда она противостоит штампу и рутине. Таков наш герой – Суворов.

Суворов – верный своему долгу герой счастливой России, России сильной, могущественной и терпеливой. Кроткой и мудрой. И думаю, что он – как легенда и как пример – еще способен принести своей Родине такое счастье, какого она достойна.

Когда – то презрительно, то восторженно – выражением русского национального характера объявляют экстремала, живущего от апатии до эйфории, – это ослабляет нас. Противники хотят видеть Россию слабой и озлобленной, вороватой и агрессивной, в вечной бездельной рефлексии, в пьяных слезах то от умиления, то от зависти. Хотят видеть разобщённость, холерическую агрессию, жестокость. А вот боятся они спокойной уверенности в себе, боятся русского благородства «всемирно отзывчивой души». Боятся бескорыстия. Боятся созидательной имперской идеи, объединяющей страны и народы. Боятся того, что олицетворяет Суворов.

Александр Васильевич Суворов прожил жизнь удивительную – деятельную, героическую, легендарную. И такие суворовские черты, как склонность к самовоспитанию, упорство, могучая внутренняя дисциплина, соседствовали с природным талантом полководца. Суворов никогда не был расхристанным, неорганизованным гением. Из мемуаров Дениса Давыдова мы узнаём, что все суворовские победы начинались с чистой сорочки! («Вдруг растворились двери из комнат, отделённых столовою от гостиной, и Суворов вышел оттуда чист и опрятен, как младенец после святого крещения».)

Недруги, критики, да просто досужие ораторы и при жизни Суворова, и после его смерти нередко приписывали успехи непобедимого полководца одной лишь удаче. Александр Васильевич Суворов, будучи человеком пронизательным до мнительности, знал об этом. Он знал, что не вписывается ни в одну систему, и современникам нет смысла даже пытаться анализировать «беззаконную комету» военной истории. Получить достойное признание в истории Суворову помогла русская культура – и народная, фольклорная, и авторская.

Русский Марс, русский архистратиг Михаил, непобедимый герой-полководец, который и через двести с лишком лет после смерти остаётся наиболее действенным символом российской армии. . . Принципы науки побеждать можно и нужно понимать шире армейского контекста. Это ключ к успеху, окрыляющая мечта, необходимая в каждом деле. Нас уже двести с лишком лет занимает Суворов-мыслитель, Суворов-лидер – личность, вполне реализовавшаяся в учениях, походах и боях. Не менее важна и *легенда о Суворове* – истинном народном герое, которого ещё долго будут переосмыслять, ломая копья. Он стремился к свободной самореализации, к максимальной, нутряной самостоятельности и самобытности. Хватать судьбу за холку – и идти вперёд, это и называется «повелевать счастьем». Это выражение вырвалось у Суворова в очень откровенном, эмоционально открытом письме к Потёмкину. В другой раз, размышляя о достоинствах полководца, Суворов повторит эту сокровенную мысль, с которой не расставался десятилетиями: «Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу».

Наша книга посвящена разным граням суворовского феномена, а лучше сказать – суворовского *чуда*. История терпеливого, кроткого, но в то же время решительного и сильного человека была воистину «полна чудес». Сила Суворова – в верности и православной человечности. Агрессия, вырастающая из низменных страстей человека, меркла перед суворовской простотой, перед его нравственной неуязвимостью. Наше повествование – про человека, сильного верой, духом и – педантичным профессионализмом. Стремительность мысли и действий Суворова поразительна; в истории России Суворов стал символом неуязвимой быстроты.

Исследователи, работавшие после 1917 г. (а среди них было немало блестящих сувороведов!), упускали из виду религиозность Суворова. Мы уделяем внимание и этой важнейшей грани *суворовского чуда*. Вера пронизывает всю жизнь Суворова; читатель заметит, как православная этика проявлялась в жизни полководца и в дни тревог, и в дни триумфов.

Взаимосвязь, существующая между Суворовым и Россией, угадывалась и современниками полководца, и самыми внимательными исследователями суворовского гения. Д.А. Милютин писал: «Суворов по природе был, можно сказать, типом Русского человека: в нем выразились самыми яркими красками все отличительные свойства нашей национальности. . .» Своей судьбой Суворов словно повторял судьбу России, а во многом он попросту предзнаменовал будущность нашей культуры. Национальный (а лучше сказать по-русски – всенародный!) герой и должен быть таким. Он, являясь сокровенным олицетворением народного характера, обречён на повторение достоинств и недостатков (последние – продолжение первых) своего народа.

В этой книге вы найдёте очерки всех побед Суворова – полководца, не знавшего поражений. В том числе и очерки непопулярных в недавние годы побед над поляками, пугачёвцами и ногайцами. Да, Суворов был первой шпагой империи и самозабвенно возглавлял экспансию государства Российского. Где бои – там и учения. Мы постарались уделить внимание и педагогической стороне суворовского поприща. В походах и битвах, в учениях и боях прошла вся жизнь солдата и генералиссимуса.

Книга дополняется и будет дополняться новыми материалами, как дополняется новыми главами история общественного отношения к Суворову, история суворовской легенды. Всматриваясь в суворовский образ, мы понимаем, какой должна быть судьба человека в России. Многие пришлось преодолеть Суворову, чтобы не зарыть в землю свой талант, чтобы всего себя отдать Отечеству. Уповав на Всевышнего, Суворов не покладал рук на пути самосовершенствования. Он осознавал, что во все времена Отчизне нужны настоящие герои, потому и написал однажды: «**Потомство мое прошу брать мой пример: всяко дело начинать благословением Божьим**».

Отец Отечества

Прижизненный биограф Суворова, Иоганн Фридрих фон Антинг, лично служивший под командованием полководца, оставил нам достоверную характеристику полководца, своеобразный «портрет с натуры», относящийся к последнему периоду жизни Суворова, когда полководец был уже человеком пожилым и прославленным:

«Ирой наш, не взирая на то, что в продолжение службы своей сделал превеликое множество самых беспокойных переездов и переходов тяжких, до сорока двух тысяч и более вёрст, не взирая на свои военные изнурения и полученные в боях с неприятелями России раны, имеет ещё и поныне бодрый и моложавый вид не по летам своим. Телесные припадки чужды ему, а причина тому то, что он с самой юности своей приучил к всем неприятностям воздушным и трудам тяжким, наблюдает совершенное во всём воздержание, от чего природное сложение его сделалось весьма крепкое.

Будучи во многом отличным от обыкновенных людей, не менее отличается он весьма и образом жизни своей, так как и препровождением и разделением времени своего. Обыкновенно встаёт он от сна весьма рано, летом и зимой, в поле и в селении, всегда прежде четырёх часов. Постель его – не пуховики изнеженных людей, шёлковые, с таковыми же занавесами, но с давнего времени уже есть самое простое произведение природы, на котором также и утруждённый земледелец почивает, – охалка добрая свежего сена, постланная довольно высоко и широко, покрытая холстинною чистою простынёю, да подушка, а плащ вместо одеяла. Он спит обыкновенно весь раздет донага и не имея на теле ни нитки. Летом и доколе погода и время года дозволяют, он живёт и спит под палаткою в саду. Одевание его поспевает в немногие минуты. Он весьма чистоплотен, обмывается и обливается водою холодною несколько раз в день. Всегда в мундире или куртке военных, но штатского никогда не надевает, как то халата, сюртука, рукавиц, плаща или шубы, какова бы погода ни была, кроме как в дороге, и то известное время, употребляет он из помянутых платьев кое-что: то есть плащ или тулуп».

Эти строки были написаны в годы великой славы Суворова. Его тезисы на разные лады перифразировали преемники Антинга, биографы Суворова, которых интересовали вершины славы русского генералиссимуса. Конечно, Антинг идеализировал своего героя. Кого же ещё восхвалять, если не Суворова? Мы же начнём повествование «от печки», с детских лет полководца.

По древнеримской традиции, лучших своих героев наш народ называет отцами Отечества. Переняла эту традицию и имперская Россия, провозгласив отцом Отечества императора Петра – одного из прямых предков и учителей Суворова в Истории. И относится к ним с сыновней любовью, передавая из поколения в поколение предания о сокровенных героях России. Одним из первых в этом списке всегда будет Александр Васильевич Суворов – русский архистратиг Михаил, солдат и богомолец, генералиссимус и мыслитель. К суворовскому образу мы обращаемся с детских лет – и эта потребность благотворна. Сколько раз пример Суворова вдохновлял нас на большие и малые победы. Сколько раз нам не хватало Суворова – когда, легкомысленно забывая о нём, мы узнавали горький вкус поражений. И конечно, в любом серьёзном рассуждении о «загадочной русской душе» и народном характере не обойтись без суворовского образа.

Суворов – первая шпага России, один из незабвенных отцов Отечества, память о котором помогала Родине и после смерти генералиссимуса. В Отечественной войне 1812 года, в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг... Этот мужественный гений, находивший кратчайшие пути к победе в самых экстремальных ситуациях, как никто дру-

гой, поможет нам в исполнении *нашего долга* – он поможет возродить Россию. Ведь образ Суворова, запечатленный в народной памяти, сочетает военную доблесть и православное смирение, гордость победами и умение учиться, страсть к служению Родине и к образованию, к неустанному пополнению интеллектуального багажа. Для Суворова – бесстрашного солдата – никогда не были второстепенными вопросы морали, нравственности. Он воплощал традиционную православную этику, не принимая приведшую к революционной ситуации в XX в. привычку к элитарной отстраненности дворянства от народных масс. Суворов был отцом и братом для каждого из своих солдат и остается отцом Отечества в наши дни.

Сын генерала Суворова

«Я родился 1730 г. 13 ноября», – писал Суворов в короткой автобиографической записке. Это наиболее достоверная дата рождения Александра Васильевича. Хотя в научной литературе фигурирует и другой год рождения полководца – 1729-й. Граф Дмитрий Хвостов – муж племянницы и закадычный друг Суворова – принял решение указать на надгробном камне 1729 г. ... Церковная запись о крещении Суворова не сохранилась. В XX в. 1729 г. снова возник в суворовской литературе после публикации статьи А.В. Гутора «К вопросу о времени рождения Суворова» в «Суворовском сборнике» 1951 года. И всё-таки большинство исследователей, отталкиваясь от автобиографической записки, признают годом рождения полководца 1730-й.

Отец нашего героя – Василий Иванович – начал службу в юные годы денщиком и переводчиком Петра Великого, будучи воспитанником государя. Дед полководца – Иван Григорьевич Суворов – служил генеральным писарем лейб-гвардии Преображенского полка, а какое-то время занимал эту должность и в Преображенском приказе – то есть в могущественной спецслужбе. Ему доверяли, фактически он руководил штабом полка.

Московская Суворовская улица, впадающая в Преображенскую площадь, предположительно, была названа в честь жившего здесь И.Г. Суворова. В его доме бывал первый русский император – в те времена молодой царь, крестивший Василия Ивановича Суворова. Пётр приблизил к себе способного подростка Василия – одного из тех мальчишек, которые олицетворяли для императора новую, молодую Россию. Россию просвещённую. В инструкции к агенту Адмиралтейства по найму техников К.Н. Зотову Петр говорит о своем крестнике: «Суворова отправить в Мардан, где новый канал делают, также и на тот канал, который из океана в Медитеранское море приведен, и в прочие места, где делают каналы, доки, гавани и старые починивают и чистят; чтобы он мог присмотреться к машинам и прочему и мог бы у тех фабрик учиться». Точных данных об учёбе В.И. Суворова за границей у нас нет. Можно лишь предполагать, что молодой полиглот и книголюб не избежал европейского образования – как и его старший брат Иван Иванович, учившийся в Париже.

При Анне Иоанновне он служил военным прокурором. Не раз расследовал весьма деликатные дела – например, участвовал в судебном преследовании Ивана Александровича Долгорукова. Из песни слов не выкинешь: ссыльного князя, любимца Петра, допрашивали с пристрастием, добываясь признаний в «злых словах» об императрице Анне. После таких экзекуций Василий Иванович впал в нервное расстройство и решил переменить место службы – из военных превратиться в статского.

Во время Семилетней войны В.И. Суворов побывал генерал-губернатором завоёванной Пруссии, проявив себя дельным и экономным политиком. Пётр III назначил его тобольским губернатором, но по неизвестным причинам поездка в Сибирь сорвалась, а пост губернатора занял совсем другой человек. Василий Иванович активно участвовал в екатерининском дворцовом перевороте: в Ораниенбауме он разоружил и арестовал голштинский генералитет. Не удивительно, что при Екатерине он достиг завидных высот военной карьеры, стал генерал-аншефом, премьер-майором Преображенского и подполковником Измайловского полка, всю жизнь служа по юридической части и при Провиантском департаменте и выполняя поручения, о которых до Суворова, уже также бывшего генерал-аншефом в дни составления автобиографической записки, «сведения не доходили». Репутации боевого генерала у Василия Суворова не было. Зато до нас дошли сведения о легендарной *бережливости* Василия Ивановича Суворова, позволившей ему приумножить семейные капиталы. Это качество унаследовал и Александр Васильевич, бережливо относившийся

к солдату, не терпевший житейских излишеств, вникавший в экономику, в хозяйственную жизнь своих поместий. Суворовы довольствовались малым, совершая великое.

Где родился Суворов? На этот вопрос исследователи до сих пор не дали окончательный ответ. Наиболее вероятным местом рождения можно признать дом на Арбате, неподалёку от Серебряного переулочка, возле церкви Николая Явленного. В этом храме, по-видимому, и был крещён младенец Александр Суворов. Нарекли его в честь св. Александра Невского, память которого отмечается 23 ноября. На всю жизнь Суворов сохранил особенно трепетное отношение к своему небесному покровителю – полководцу и подвижнику. Каменный арбатский дом супруги Суворовы получили в качестве приданого от отца невесты, Федосея Семёновича Манукова, вице-президента Вотчинной коллегии. Увы, дом не сохранился.

В 1729–1730 гг. В.И. Суворов служил прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. Известно, что он болезненно относился к засилью иностранцев в командных кругах. В послепетровской истории то и дело засилье европейских офицеров и чиновников переходило границы разумного.

В 1740 г. Василий Иванович Суворов продаёт старый арбатский дом. Детство полководца продолжилось на берегу Яузы, в знаменитой Покровской слободе (нынешняя Бакунинская улица), в приходе церкви Николая Чудотворца. Есть сведения, что Суворовы продали арбатский дом ещё до рождения сына – и он появился на свет в Покровской или в любимом имении Василия Суворова – скажем, в селе Глядкове, что во Владимирской губернии, в Переславль-Залесском уезде.

Покровское расположено далеко от Кремля, и всё-таки этот район нельзя назвать окраинным: там гостевали императоры. Тамошний деревянный храм достался Москве в наследство от села Рубцова. В третьем десятилетии XVII в. эти места облюбовал первый самодержавный Романов, царь Михаил Фёдорович. По царскому приказу на берегах Яузы устроили загородный дворец, заложили и каменную Покровскую церковь, после чего и село назвали Покровским. Официально в пределы Москвы Покровское включили в 1752 г., когда там и жили Суворовы. В 1765–1766 гг. *суворовская* церковь Николая Чудотворца была перестроена в камне, но к тому времени Суворовы покинут Покровку.

Суворовы вели свой род от легендарного предка – шведа Сувора, поступившего на русскую службу в 1622 году. Но это было данью традиции галантного XVIII в. – выставлять на щит иностранного предка. На самом деле фамилия Суворовых русского происхождения, от слова «суворый» – «суровый». И известен благородный род Суворовых по крайней мере со времён первой половины царствования Иоанна Васильевича Грозного. И конечно, были у Суворовых боевые заслуги перед Родиной. В победном казанском походе царя Иоанна Грозного 1544 г. Михаил Иванович Суворов служил четвёртым воеводой полка правой руки. Через пять лет, в Шведском походе он уже третий воевода большого полка. Сам Александр Васильевич Суворов о боевом отечественном предке не вспоминал, повторяя привычную ему сызмальства легенду о шведе Суворе. При этом самоощущение полководца было выражено известными словами: «Горжусь, что я русский!» И в экстремальных ситуациях, поднимая в бой израненные батальоны (как это было, например, в Альпийском походе), Суворов умело и непритворно взывал к русскому патриотизму.

Что касается родственников со стороны матери, Суворов наверняка в детстве с любопытством прислушивался к рассказам о прадеде – Семёне Манукове, который безупречно служил офицером в лейб-гвардии Преображенском полку во времена Петра Великого. Таким образом, и Суворовы, и Мануковы были причастны к великим делам первого русского императора и к русской гвардии.

В детстве будущий генералиссимус слыл болезненным, хилым ребенком. История суворовского превращения в богатыря хрестоматийна – подобным образом исправлял собственное косноязычие будущий великий оратор Демосфен, о котором юный Суворов читал

у Плутарха. Отец, человек осторожный и осмотрительный, и не мечтал о военной славе для любимого сына, но с самых ранних лет Саша Суворов посвятил себя военной славе Отечества, и это был осознанный личный выбор. В доме Суворовых была изрядная библиотека, открывшая мальчику целый мир, который оказался куда увлекательнее реальности. Наш герой десятки раз перечитывал излюбленные страницы, рассказывавшие о военных подвигах героев древней, средневековой и новой истории, мечтая о собственной славе. Уже тогда Суворов понимал: для этого необходимо упражняться физически и умственно. И он воспитывал себя в спартанском духе, отказавшись от мягких перин и теплой шубы, анализируя стратегию великих полководцев прошлого.

После восшествия на престол дочери Петра положение Василия Ивановича укрепилось. Он стал прокурором возрожденной Берг-коллегии – это ведомство управляло горными заводами и рудниками. Для коронации (а она традиционно проходила в кремлёвском Успенском соборе) новая императрица Елизавета надолго прибыла в Первопрестольную. Поселилась она не в Кремле, а по соседству с Суворовыми – в Покровском.

От тех лет у нас осталась легенда о встрече юного Суворова с генералом Ганнибалом – сподвижником Петра Великого и предком Александра Сергеевича Пушкина. Василий Иванович посетовал генералу Ганнибалу, что его сын всему предпочитает уединение в библиотеке. Ганнибал незаметно вошел в комнату Суворова и увидел мальчика, обложенного военными книгами. Они обменялись мнениями о некоторых старинных битвах, после чего Ганнибал сказал Василию Ивановичу: «Оставим его. У твоего сына сейчас собеседники поинтереснее нас с тобой...»

Генерал Ганнибал говорил Суворову: «Если бы жив был наш батюшка Петр Алексеевич, он поцеловал бы тебя в голову и приблизил к себе...» Пройдет время, и Суворов станет величайшим героем, защитником Российской империи, созданной Петром, – подобно тому, как Ломоносов стал ее первым университетом. Но в те годы юный Суворов колебался – с кого брать пример? – между великим Петром и его соперником, шведским королем Карлом. Этот вопрос Суворов считал важнейшим – и много лет спустя учил солдат: «Выбери героя, бери пример с него, подражай ему в геройстве, догони его, перегони – слава тебе!» В конце концов патриотические настроения перевесили: Суворов понял, что Петр Великий воевал за славу Отечества, а Карл Шведский искал личной славы. Значит, Пётр победил заслуженно...

Современники говорили о заурядной, неказистой наружности великого полководца. Да и привычка самого Суворова занавешивать зеркала во всех комнатах, где приходилось ему останавливаться, говорит о том, что Александр Васильевич считал свою внешность не соответствующей канонам героики. Невысокого роста, жилистый, шупловатый... Однако маркиз Дюбокаж – француз, перешедший на русскую службу после революции и служивший в 1794–1796 гг. при Суворове, – считал и внешний образ полководца замечательным: «Наружность фельдмаршала как нельзя лучше соответствовала оригинальности его личности. Это был маленький человек слабого сложения, но одаренный природою могучим и чрезвычайно нервным темпераментом... Не похоже, чтобы он когда-либо, даже в молодости, обладал красивой внешностью. У него был большой рот и черты лица мало приятные, но его взгляд был полон огня, живой и необыкновенно пронизательный: казалось, он все пронизывал и исследовал глубину вашей души, когда останавливался на вас внимательно. Я встречал не много людей, у которых чело было бы больше изрезано морщинами, и морщинами настолько выразительными, что лицо его как бы говорило без помощи слов. Характер у него был живой и нетерпеливый: когда он бывал чем-либо глубоко возмущен и рассержен, лицо его становилось суровым, грозным, даже ужасным – оно выражало все чувства, волновавшие его в эту минуту. Но эти минуты были редки и всегда вызваны основательными причинами, а его суровость никогда не переходила в несправедливость, хотя порой он и бывал чрезмерно едок

и язвителен. Проходило возмущение, и черты его лица вновь принимали выражение обычной доброты, следуя за состоянием его души». Дюбокаж застал Суворова уже старцем: служил адъютантом при фельдмаршале в середине 1790-х гг. Описание Дюбокажа – человека, одарённого литературными способностями, – весьма ценный источник знаний о внешности Суворова. Не производил он впечатление богатырской статью и медальным профилем и в молодые годы, когда начинал службу.

На склоне лет Суворов однажды сказал: в молодые годы я считался первым кавалером. Мало кто понял, что старый полководец иронизирует... Дело было в Швейцарии, в Регенсбурге. На балу принцесса фон Турн-и-Таксис попросила придворного художника написать миниатюрный портрет Суворова. И на следующий день кокетливо попросила старика позволить ей благоговейно носить этот портрет на груди. Суворов картинно вскинул голову: «Портрет не похож!» И принялся «уверять всех, что слыл когда-то в России, а потому и по всей Европе первым красавцем и превосходил нежностью тени (т.е. цветом лица. – А.З.) даже сестрицу свою». Нет, рослым молодцем Суворов не был никогда, и дамы вокруг него начали увиваться только, когда возник над головой полководца ореол славы.

В 22-й день октября 1742 г., двенадцатилетним, Суворов был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, стоявший на Язуе по соседству с Покровским. К тому времени Суворов уже получил начальное домашнее образование, учился, как сказано, «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». После зачисления в полк, по традиции, новобранец получил отпуск для учёбы. Отец лично дал обязательства лейб-гвардии Семёновскому полку «в том, что находящийся в оном полку 8 роты солдат Александр Суворов имеет обучаться во время его от полку отлучения, то есть, генваря по первое число тысяча семьсот сорок шестого году, на своём коште указанным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и часть инженерии и фортификации, також из иностранных языков да и военной экзерциции совершенно, и о том должен я, сколько от каких наук обучится, чрез каждые полгода в полковую канцелярию для ведома рапортовать. *Прокурор Василий Суворов*». Многим наукам отец учил сына самолично: и иностранным языкам, и военным дисциплинам. Скажем, сочинение французского инженера Вобана «Прямый способ укрепления городов», которое Василий Иванович перевёл на русский язык, отец и сын изучали вместе. Для Александра Суворова эта книга стала первым и поистине замечательным учебником фортификации. И всё-таки Суворов остался в истории великим самоучкой – самовоспитание было в его судьбе куда важнее системного образования, важнее родительских наставлений. Отец несколько раз брал Александра в командировки, в которых сын прокурора Берг-коллегии постигал жизнь, узнавал людей.

В документах юношу окрестили «недорослем Александром Суворовым» (недорослями в XVIII в. называли несовершеннолетних дворян, не поступивших на службу), но он был антиподом фонвизинского Митрофанушки. А пять лет спустя началась действительная служба Александра Васильевича Суворова в русской армии, в которой он прошел долгий путь от солдата до генералиссимуса. Впрочем, нижнюю ступень Суворов, как и все тогдашние дворяне, перешагнул, находясь в учебном отпуске, – и действительную службу начал капралом. Этого звания Александра Суворова удостоили 25 октября 1742 г.

1 января 1748 г. вышел приказ: «Явившемуся из отпуска 8-й роты капралу Суворову быть при 3-й роте». Прибывшие из отпусков гвардейцы сдавали экзамены по «указанным наукам». И экзамены вполне строгие. Вместе с Суворовым были приняты в полк и отпущены в учебный отпуск двадцать юношей-дворян. Из них только шесть человек продолжили службу после учёбы, выдержав испытания. Основной причиной отсева были проваленные экзамены. Назовём имена пятерых семёновцев, начавших службу одновременно с Суворовым: три подпрапорщика – Николай Волконский, Николай Ходырев, Александр Шереметев. И два капрала, как и Суворов – два Фёдора, Шереметев и Викентьев.

Семёновец

Суворов прибыл в Санкт-Петербург, в расположение Семёновского полка. Из 8-й мушкетёрской роты Суворова переводят в 3-ю (Семёновский полк в то время состоял из одной гренадерской и двенадцати мушкетёрских рот). Поселился Суворов в обширной Семёновской слободе Петербурга. До 1739 г. славный полк не имел собственной слободы в столице, и семёновские роты размещались в разных районах Северной Пальмиры. А в 1739-м императрица Анна Иоанновна пожаловала полку территорию «позади Фонтанки, за обывательскими дворами». Шефами полка, гвардии полковниками, по традиции значились правящие монархи: сперва императрица Анна, а ко времени суворовской службы в петербургской семёновской слободе – императрица Елизавета. Непосредственным командиром был генерал-фельдмаршал Степан Фёдорович Апраксин – будущий командир русской армии, действовавшей против Пруссии на первом этапе Семилетней войны. Как мы увидим, в сражениях он покажет себя болезненно осторожным, нерешительным полководцем, эдаким историческим антиподом Суворова. В полку он проводил не слишком много времени, но радел за интересы семёновцев, гордился их успехами.

Из 6,5 лет службы в гвардии дольше всего Суворов был приписан к 8-й и 1-й ротам, нередко его на время переводили в 3, 4 и 11-ю роту. Капрал Александр Суворов присутствует при освящении полковой Введенской церкви, которую исправно посещал в течение службы в гвардии. В 1764 г. обветшавшую полковую церковь перестроили на новом месте – на нынешней площади Витебского вокзала. И окончив службу в гвардии, бывая в столице, Суворов посещал Введенский храм, «что в светлицах Семёновских», знал поимённо храмовых певчих.

Жили семёновцы в Слободе с комфортом – на зависть иным полкам. Неподалёку от храма был возведён штаб – полковой двор. Каждая рота получила отдельный участок с собственной парадной съезжей избой. Тесных казарм не было: у каждой роты – по десять изб, в которых жили просторно и чисто. Рядом с хозяевами-дворянами селилась дворня, у некоторых семёновцев – весьма многочисленная. Так, с Суворовым жили двое – Сидор Яковлев и Ефим Иванов. Летом 1748-го Сидор Яковлев ударится в бега, захватив с собой два рубля, и беглого крепостного будут искать.

В праздник Крещения на льду Невы выстраивались все войска столичного гарнизона – полк за полком. Как только архиепископ опускал в прорубь крест – артиллерия салютовала празднику. Первая крещенская церемония навсегда запомнилась Суворову: он тоже салютовал из ружья, ожидая появления императрицы.

В полку Суворов отличался особым усердием, прилежанием к службе. Хоть и генеральский сын, а не избалованный. Среди шумных товарищей он слыл чудачком – за пристрастие к книге. В памяти Суворова осталась его первая награда, рассказ о ней в 1799 г. записал со слов генералиссимуса Е.Б. Фукс: «Ещё и поныне храню я в числе моих знаков отличия и целую ежедневно крестовик, всемилостивейше пожалованный мне блаженной памяти государынею императрицею Елисаветою Петровною, когда я, солдатом лейб-гвардии Семёновского полка, стоял в Петергофе у Монплезира на карауле и отдал ей честь. Она изволила спросить меня, как меня зовут. Узнав, что я сын генерал-поручика Василия Ивановича Суворова, хотела пожаловать мне крестовик, но я осмелился сказать: «Всемилоостивейшая государыня! Закон запрещает солдату принимать деньги на часах». – «Ай, молодец! – изволила сказать, потрепав меня по щеке и дав мне поцеловать свою ручку. – Ты знаешь службу. Я положу монету здесь на землю: возьми, когда сменишься». Как я был счастлив».

Караульная служба в Летнем саду, в Адмиралтейской крепости и в Петергофе была основной обязанностью семёновцев. Они не только охраняли царский покой от возможных

нападений, но и следили за «пожарным случаем», наблюдая на чердаках за печными трубами. Несомненно, он ощущал себя в самом центре родной империи, проникался почётным долгом царёвой охраны. Для людей одержимых, зажжённых героической идеей, гвардейская служба была лучшей школой патриотизма. Распространённой практикой среди офицеров-дворян было отлынивание от караульной службы: они нанимали солдат, которые и отстаивали дежурство за высокородных офицеров. Суворов же относился к дежурствам ревностно, знал наизусть статьи устава, посвящённые обязанностям часового, и, напротив, нередко выручал товарищей, подменяя их на караульном посту. Участвовал будущий генералиссимус и в хозяйственных работах, когда другие дворяне-офицеры только посылали на строительные объекты своих крепостных.

Несколько позже Суворов становится ординарцем генерал-майора Н.Ф. Соковнина, который, будучи также премьер-майором гвардии, фактически командовал Семёновским полком. По инициативе Соковнина Суворова повысили в звании, 8 июня 1751 г. его производят в сержанты. На это время приходится учёба в Сухопутном кадетском корпусе, где Суворов в качестве вольного слушателя пополнил военное образование, полученное в гвардии. Последние два класса корпусных занятий Суворов посещает прилежно, не чураясь и дружбы с однокашниками. В то время в корпусе гремела слава одного из первых кадетов, поэта А.П. Сумарокова. Вместе с молодым кадетом М.М. Херасковым Сумароков основал первое «Общество любителей российской словесности», членом которого был и Суворов. В 1755 г. в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» появился диалог «Разговор в царстве мёртвых между Александром Великим и Геростратом». Через год в том же журнале был опубликован «Разговор между КORTEЦОМ и МОНТЕСУМОЙ». Под первым диалогом стояла подпись – «Сочинения А.С.», под вторым – «Сочинил С.». Долгое время эти произведения считались сумароковскими, но в позднейших исследованиях С.Н. Глинки было выдвинуто смелое предположение, что автором разговоров, загадочным «А. С.» является не кто иной, как Суворов. Глинка вспоминал о разговоре с М.М. Херасковым, в котором поэт рассказал ему, что Суворов читал оба разговора в «Обществе любителей российской словесности». Приводилось даже воспоминание об обсуждении диалогов в кругу Сумарокова с суворовской репликой в ответ на писательские замечания: «Я боюсь забыть, что слышал. Я верю Локку, что память есть кладовая ума; но в этой кладовой много перегородок, а потому и надобно скорее всё укладывать что куда следует». Фраза вполне суворовская: он постоянно задумывался о свойствах человеческого ума, о том, как можно упражнять память и волю. Сам жанр диалогов в загробном мире – популярный в XVIII в. – требует от автора фантазии и артистизма, чего Суворову было не занимать. Пафос диалогов – размышление над образом истинного героя, милосердного и великодушного, над истинной славой и жалким тщеславием – соответствует суворовской идеологии. И всё-таки у современного исследователя немного оснований приписывать эти произведения перу Суворова, как это сделал Кирилл Васильевич Пигарев в своей яркой, талантливой во всех отношениях книге «Солдат-полководец» (1943). Скорее всего, правнук Тютчева, филолог и историк Пигарев поверил в красивую, но не вполне достоверную легенду Сергея Глинки. Суворов никогда не упоминал «Разговоры» в письмах – а факт публикации в авторитетном журнале был бы лестным для внимательного к литературной жизни полководца. Убедительно сказал В.С. Лопатин: «Тяжёлый язык «Разговоров», написанных по канонам высокого стиля, лишь оттеняет живость, точность и красочность языка суворовских писем». И всё-таки из рассказов С.Н. Глинки нам ясно, что Суворов не был пассивным участником заседаний «Общества любителей российской словесности». Он участвовал в прениях, спорил, выслушивал замечания, словом, *учился*.

Формально Суворов не был кадетом, но на мраморной доске в Первом кадетском корпусе имя слушателя занятий, генералиссимуса А.В. Суворова значилось наряду с выдаю-

щимися выпускниками корпуса – фельдмаршалами П.А. Румянцевым-Задунайским, М.Ф. Каменским, А.А. Прозоровским.

Долгих одиннадцать лет (считая пять с лишним лет учебного отпуска) Суворов служит в нижних чинах – с 1747 г. капралом, затем – подпрапорщиком, сержантом, затем – премьер-майором... В 1752 г. ему поручили ответственное задание, требовавшее распорядительности и знания иностранных языков: сержант Суворов был послан с депешами в Вену и Дрезден. Он увидел Европу, увидел будущих противников и соратников. Командировка вышла длинной – аж на полгода. Сержант... Сверстники Суворова – такие же аристократы, как Александр Васильевич, успели обогнать его по службе, но медленное продвижение по служебной лестнице сформировало суворовский гений. Служба в нижних чинах позволила зоркому, усердному исследователю армейской жизни составить объективное мнение о человеческих качествах и профессиональных возможностях русского солдата. Без службы в нижних чинах Суворов никогда бы не стал истинно *народным* генералом. Прославленный герой и в лучшие дни своей великой славы ценил собственную близость к народу, солдатскую простоту, иногда с лукавством называя ее «грубостью». В годы наивысшей славы полководца Суворова российская элита переживала период лихорадочного увлечения европейской, а в первую голову – французской культурой. Именно тогда галльская картавинка стала родовым признаком русской аристократии, которая всё чаще изъяснялась не на родном языке. Суворов со своими солдатскими замашками казался галломанам совсем уж эксцентрической личностью. А для патриотов, для русофилов всех поколений Суворов станет боевым знаменем.

...В начале 1754 г. С.Ф. Апраксин – командир гвардейцев-семёновцев – ходатайствовал перед императрицей о производстве отличившихся унтер-офицеров гвардии в армейские офицеры. И 25 апреля гвардейцы смогли ознакомиться с поимённым списком унтер-офицеров, получивших первые офицерские чины. Таковых насчитывалось 176 человек, большинство из них стали подпоручиками. 35 особо прилежно служивших в гвардии унтер-офицеров сразу были произведены в поручики – и среди них Александр Суворов. Среди подписей под грамотой о производстве Суворова в поручики мы находим и подпись члена присутствия Военной коллегии, бригадира Василия Ивановича Суворова. Теперь Суворов получил право выбрать полк, в котором ему предстояло продолжить военную службу. Молодой поручик выделил два полка – Ингерманландский и Астраханский, прославленные в баталиях петровской Северной войны. И 10 мая он получил назначение в Ингерманландский полк, входивший в дивизию генерала А.И. Шувалова. Этот славный полк связан с героическими днями службы второго российского генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова – полк отличился при Калише, победно сражался при Лесной. Слава полка подтвердилась и в Полтаве. Полтава для русского сердца в те годы была главной рифмой к слову «слава». Победа для России – это всенародная идея, объединяющее начало в идеологии и культуре. Куликовская битва, Бородино, Великая Отечественная... А для империи XVIII в. системообразующей Победой была Полтава – ключевой подвиг основателя империи, Петра Великого. В Ингерманландском полку молодой Суворов впитает полтавские традиции, без которых не было бы науки побеждать.

Семилетняя война

С неиссякаемой любознательностью он постигал, почём хлеб младшего армейского офицера. Однажды Суворов с блеском выполнил задание – проверить снабжение солдат и унтер-офицеров, после чего его и решили использовать в хозяйственных службах и армейской юриспруденции. Сказалось и влияние отца: он считал, что Александру не хватит здоровья, чтобы с преуспеванием тянуть армейскую лямку.

Служба в Ингерманландском оказалась недолгой: Суворова переводят на хозяйственную службу, обер-провиантмейстером, что соответствовало капитанскому чину. Это Василий Иванович пытался пристроить его в обжитых пенатах военно-хозяйственных служб. Новым местом службы стал древний Новгород, а в ведении Суворова оказались продовольственные и фуражные склады-«могазеины» в самом Новгороде, Старой Руссе и Новой Ладоге.

Но молодой офицер видел себя героем, истинным воякой – и побеждал природную хилость ежедневными изнурительными упражнениями. В те годы он уже ежеутренне обливался колодезной водой, совершал долгие пробежки, в любую погоду одевался легко.

28 октября 1756 г. – новое назначение, на этот раз – в военно-судебной области. Суворов становится генерал-аудитор-лейтенантом, в непосредственном подчинении Военной коллегии. Это было повышением по службе: звание генерал-аудитор-лейтенанта соответствовало премьер-майорскому. Отныне в его ведение попали многочисленные армейские уголовные дела. Юридическая специфика не пришлась по душе Суворову, да и продержался он в Аудиторианте недолго: в конце лета Россия объявила войну Пруссии, началась Семилетняя война. А в декабре Суворов сдаёт дела в аудиторской экспедиции и переезжает на новое место службы – в Либаву (ныне – Лиепая), ближе к театру военных действий. Фельдмаршал Бутурлин формировал в Прибалтике войска для выступления в Восточную Пруссию.

Как мы видим, первые месяцы и годы офицерской службы Суворова потребовали навыков быстрого вникания в специфику разных областей армейской науки и жизни. В будущем полководцу пригодится и знание тайных пружин интендантской работы, и компетентность в правовых вопросах. Хотя с этими службами Суворову не раз придётся хлебать горькую кашу интриг, взаимного недоверия, а то и прямой вражды. Подчас полководец будет мнителен к интендантам, но чаще его претензии будут оправданными – и так до последних дней жизни.

Судьба отдаляла молодого офицера от строевой службы. Но Александр Васильевич не желал идти по стопам отца, давно поняв своё призвание боевого генерала, если угодно, нового Тюренна или Ганнибала. А блестящие подвиги молодого генерала Румянцева подавали отечественный, родной пример, за которым хотелось следовать. По письмам и воспоминаниям легко составить портрет Суворова – человека пылкого, самолюбивого, преданного полководческой звезде. С какой же страстью он стремился на поля сражений Семилетней войны – туда, где ковалась европейская слава русского оружия.

В 1758 г. Суворова производят в подполковники, и в его биографию пушечным громом и свистом сабель врывается Семилетняя война. К тому времени Василий Иванович Суворов был уже главным полевым интендантом. Отец (несколько позже) с нескрываемым сожалением напишет о Суворове, обращаясь к самой императрице: «Сын Александр по молодым летам желание и ревность имеет ещё далее в воинских операциях практиковаться». Но он понимал: упрямого Александра не переделаешь и перестал препятствовать его порывам.

Ситуация резко изменилась только в 1759 г. Суворова назначают дивизионным дежурным при армии генерала В.В. Фермора; в этом качестве двадцатидевятилетний подполковник принимает участие в победном для российской армии сражении при Кунерсдорфе. Эта виктория над Фридрихом Великим, конечно, стала ярчайшим впечатлением военной молодости Суворова.

Генерал Фермор вошёл в историю во многом благодаря своему великому ученику, но и без суворовского ореола мы видим честную армейскую судьбу боевого генерала.

Что такое генерал Фермор? Сын выходца из Англии, русский полководец и граф Священной Римской империи. Его звали Вильгельмом, но в те годы более привычным для русского уха показалось сочетание «Виллим Виллимович».

Был адъютантом Миниха, его правой рукой. Отличился в кампаниях 1736–1738 гг., под командованием Миниха, сражаясь с турками. Командовал авангардом, совершал подвиги. Однажды – дело было в 1737 г. – небольшой (в 350 сабель) конный отряд Фермора был окружён турецко-татарскими войсками, раз в десять превосходившими русских численно. Невозмутимый Фермор построил пешее каре и отразил атаку. Был тяжело ранен – и, конечно, этот подвиг заметили, произвели Фермора в генерал-майоры. В 1739 г. генерал Фермор не менее храбро бился при Ставучанах, ворвался в лагерь Вели-паши.

В шведскую кампанию 1841 г. овладел Вильманстрандом, чем существенно упрочил своё положение в армии. Один из главных героев Семилетней войны, в которой участвовал в высоком чине генерал-аншефа.

Осторожность, порой медлительная основательность Фермора не отвечала надеждам Суворова, но служба рядом с опытным и толковым боевым генералом была отменным университетом. Можно было поучиться у Фермора и административным навыкам, умению заботиться об офицерах и солдатах, держать в голове задачи всех армейских служб. Фермор выделял Суворова, доверял ему – и в истории останется изречение будущего генералиссимуса: «У меня было два отца – Суворов и Фермор».

Под командованием Фермора русской армией была занята вся Восточная Пруссия, взят Кёнигсберг. Фермор был одним из русских генерал-губернаторов Восточной Пруссии (в другое время этот пост, как известно, занимал «благородный родитель» Василий Иванович Суворов). Однако осада Кюстрина не принесла ему успеха.

Расчетливый и волевой генерал – один из тех, кто предопределил победные традиции русской армии елизаветинских и екатерининских времён. Суворов учился у него. Главным образом – полководческой дисциплине, воле.

Война быстро охватила всю Европу, воздействовала и на жизнь тех держав, которые в боевых действиях участия не принимали. В историческом контексте Фридрих Великий был в известном смысле прямым предшественником Бонапарта, а Семилетняя война – прообразом будущих Наполеоновских и мировых войн.

Сражение при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г. стало первой крупной битвой, в которой принял участие подполковник Суворов, до сих пор только мечтавший о великих баталиях. В штабе Фермора он был личностью заметной: подполковник, приближенный к командующему. Армия Фридриха была лучшей в Европе по выучке и стойкости, но Суворов, осознавая это, скептически относится к прусской военной системе. Рабское следование военной науке побед не приносит – сражения Семилетней войны это показали. Суворов видел и недостатки русской армии, в которой ещё не хватало грамотных и опытных офицеров, настоящих солдатских воспитателей – нередко военная элита формировалась по принципам знатности происхождения. Позже Александр Васильевич напишет: «На войне нужны другие полковники и другой штаб, армейского происхождения».

Прусское неумение завершать бой штыковой атакой Суворов считал слабостью: решительный штыковой удар вызывал восхищение подполковника. Ведь это – ключ к победе.

Любовь Суворова к штыковой атаке (а он останется ей верен вплоть до последних сражений отряда Багратиона в Альпах) не была лишь блажью или эмоциональной привязанностью полководца. Умело владеющий штыком солдат выбивает из строя от двух до четырёх противников. Суворов любил добавлять, подзадоривая своих воинов: «А я и больше видал». Качества стрелкового оружия во времена Суворова позволяли добиться примерно десятипроцентной точности попадания на расстоянии 300 шагов. Эффект залпового огня достигался на расстоянии 60–80 шагов, которое Суворов намеревался легко преодолеть быстрым броском пехоты, которая штыковым ударом сметает стрелков, готовившихся к новому залпу. Нужно только научиться бежать вперёд под огнём, перебороть страх. Потому-то и говорил Суворов: «Пуля – дура, штык – молодец». Сколько пуль пропадает даром на поле боя! А штык, известное дело, «не обмишуются». Другой изъян прусской системы – неспособность к быстрым маневрам. Итак, выявлялись первые принципы суворовской системы подготовки войск: ускоренные переходы и умелые штыковые атаки.

Осенью 1760 г. Суворов, как офицер, близкий к Фермору, принял участие в рейде на Берлин конного корпуса генерал-поручика Чернышова. Русские войска заняли Берлин 28 сентября, взяв 4000 пленных и 57 орудий, но через несколько дней оставили город, опасаясь наступления многочисленной армии Фридриха.

Армия Румянцева вела осаду Кольберга. Фридрих Великий послал конный корпус генерала Платена, который должен был сорвать блокаду Кольберга. Румянцев выдвинул против него русский конный корпус под командованием генерал-майора Густава Густавовича Берга. Выходит приказ: «Так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала». Конный корпус генерала Г.Г. Берга стал для Суворова наилучшим университетом Семилетней войны. В июле и августе 1761 г. Суворов в составе корпуса Берга участвует в сражениях под Бреславлем, Вальдштатом и Швейдницею.

Первое время в корпусе Берга Суворов действовал в составе легкоконных команд, пользуясь относительной самостоятельностью. Так, сформировав отряд из казаков Донского полка С.Т. Туроверова, Суворов захватывает город Ландсберг. Нападение на прусский отряд было оглушительно внезапным, удалось взять в плен двоих офицеров и тридцать солдат. По приказу Суворова разрушается мост через Варту, чтобы помешать продвижению армии Фридриха. Во всех схватках с прусскими отрядами Суворов выходит победителем, действуя смело и решительно. Рассеяв и потеснив противника, Суворов непременно устраивает преследование, стремится уничтожить врага, ибо «недорубленный лес снова вырастает». Мы снова и снова будем повторять эту максиму Суворова, которой он руководствовался во всех боях.

Наведя понтонный мост, корпус Платена всё-таки форсировал Варту и остановился в Бирнштейне. Берг послал в разведку боем отряд лёгкой конницы – гусар и казаков – под командованием двух полковников (Зорина и Попова) и подполковника Суворова. Дерзкое нападение принесло успех: русская конница разбила три эскадрона, взяла в плен более семидесяти солдат и одного артиллерийского офицера и без потерь ускакала прочь. 4 октября Суворов принимает участие в заметном сражении у деревни Вейсентин. Там расположился прусский отряд майора Подгарли. Берг приказал разбить отряд и взять в плен майора. Суворов с лёгкой конницей смело, яростно атаковал закрепившегося в деревне противника. В плен взяли самого Подгарли. Позже пришло известие, что прусский отряд, шедший на помощь Подгарли, повернул к Грейфенбергу. Суворов с готовностью возглавил преследование и настиг арьергард. С полусотней новых пленных Суворов вернулся на русские позиции. Полный успех! И приказ выполнен, и инициатива оказалась удачной.

Таланты Суворова отметил Румянцев, внимательно приглядывавшийся ко всем русским командирам. «Быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности», – такое румянцевское определение Суворова даёт А. Петрушевский. Таким Суворов показал себя при штурме Гольнау, когда повёл гренадер в штыковую атаку на прусские войска, защищавшие ворота города. Штыками войска Суворова далеко отгеснили врага и перебили многих. В жарком бою Суворов был ранен, ранило под ним и лошадь. Лекаря, разумеется, поблизости не оказалось. Подполковник со спартанским спокойствием промыл рану в речной воде и сам перевязал её.

Уже тогда он в короткие сроки обучал солдат навыкам штыкового боя. Что такое штыковой бой по-суворовски? Атаковали сомкнутым строем. «В двух шеренгах сила, в трёх – полторы силы, передняя рвёт, вторая валит, третья довершает...» Суворов требовал сохранения строевого порядка даже в самом яростном бою. Строем нужно было настичь противника и поразить могучим колющим ударом. Это солдаты оттачивали на плетнях и мешках-манекенах. Добежал – вонзил штык, выдернул, снова вонзил. Суворов сам демонстрировал сноровистую технику штыкового удара. До старости он принимал участие в учениях.

В ноябре 1761 г. подполковника Суворова назначают командующим Тверским драгунским полком вместо заболевшего полковника. С этим полком Суворов участвует в лихих сражениях у Фарцына, в заключительных боях за Кольберг. Командующие в своих реляциях не забывали о подвигах решительного и расчётливого командира. В 1761 г. Суворову удалось достаточно ярко проявить свои таланты на поле брани. Полководец подробно вспоминал о той кампании в автобиографии: «Состоял в лёгком корпусе при генерале Берге и был под Бригом, при сражениях бреславльском с генералом Кноблохом и разных шармицелях, на сражении близ Штригау, при Гросс– и Клейн-Вандриссе, где предводил крылом в две тысячи российского войска». Заметим: Суворову было уже за тридцать, а он только снискал первую – робкую – славу.

Главный же подвиг Суворова в Семилетнюю войну был совершён всё-таки под стенами Кольберга (не забудем и польский вариант названия этого города – Коложбег). Под Кольбергом Суворов принял командование над казачьим полком Туроверова. Штурм Кольберга трудно было позабыть: «Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторою пехотою; я одним гренадерским батальоном атаковал ворота, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусской отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен; я поврежден был контузиєю – в ногу и в грудь – картечами; одна лошадь ранена подо мной». Русский солдат, вступивший в Семилетнюю войну, одолел лучшую армию Европы, показал себя терпеливым и неустрашимым. Чувствуя, что «наша берёт», Суворов осознавал, что не прошли даром уроки Семёновского полка, уроки Сухопутного корпуса и, наконец, уроки тех собеседников, с которыми он не разлучался в отцовском доме – великих полководцев, умевших управлять капризами судьбы. Ведь Александр Васильевич без кокетства признавался: «У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Роллен... и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых...» Впредь Суворов не сомневался в замечательных качествах русского солдата – уверенность, что «русские прусских всегда бивали», не раз помогала Суворову в безнадежных ситуациях. Раны, полученные под Кольбергом, не были последними.

Суворов заметно отличился в кампании 1761 г. – всё чаще его имя упоминается в журнале боевых действий в связи с большими и малыми победами: «Лёгкие войска и с ними подполковник Суворов в погоню посланы, которой неприятелю немалый вред причинил», «Подполковник Суворов весьма храбро поступал и за неприятелем чрез местечко и по мосту

гнался», «Подполковник Суворов... 3 эскадрона неприятельские вовсе разбили, гнавшись даже до неприятельского фронта».

После выздоровления командующего Тверским драгунским полком Суворову вверили другой драгунский полк – Архангелогородский. Вообще в кампании 1761 г. Суворову доверяли командование над различными летучими отрядами, а иногда и над гренадерами. Командиры использовали храбрость Суворова, его склонность к быстрым операциям. Преследование арьергарда противника, разведка боем, прикрытие отступления русской армии – всё это характерные для Суворова задания. Особенно ярко он проявил себя, когда корпус Румянцева под Кольбергом успешно отражал контратаку принца Вюртембергского.

Заслуги великого солдата в Семилетней войне были вознаграждены в 1762 г., когда Суворову, по реляции П.А. Румянцева, присвоили чин полковника. В сражениях Семилетней войны на Румянцева подполковник Суворов произвёл впечатление как способный, энергичный командир кавалерийских отрядов. Реляцию великий Румянцев писал Петру Третьему 6 июня 1762 г.: «Генерал-майора князя Голицына пехотного полку подполковнику Александру Суворову, как он всех состоящих в корпусе моём подполковников старее, да и достоин к повышению в полковники, но что он, хотя в пехотном полку счисляется, однако почти во все минувшие кампании, по повелению командующих Вашего Императорского Величества армию генералов, употребляем был к лёгким войскам и к кавалерии, как и ныне Тверским кирасирским полком, за болезнь полковника командует и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил, в подносимом при сём списке ни в которой полк не назначен и всеподданнейше осмеливается испросить из Высочайшей Вашего Императорского Величества милости, его, Суворова, не состоящую в кавалерийских полках ваканцию в полковники всемилостивейше произвесть».

Нежданно-негаданно Суворова вызвали в столицу. Прошло кратковременное правление Петра Третьего, «сдавшего» русские успехи в Семилетней войне, трон заняла Екатерина, и пришло время чествовать офицеров, отличившихся в последних победных сражениях Семилетней войны. Отец позаботился о том, чтобы Александру приказали доставить депеши в Петербург и представили императрице... Вот тогда Суворов и был произведён в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка.

Иные ровесники Александра Васильевича, не имевшие суворовского боевого опыта, уже ходили в генералах... Но судьба великого героя состояла в неторопливом, заслуженном возвышении. В старости, когда награды сыпались на Суворова как из рога изобилия, он произнес знаменательное: «Я не прыгал смолodu, зато прыгаю теперь...»

Полковник Суворов

Весной 1763 г. Суворов получает новое назначение – он принял в командование Суздальский полк, располагавшийся на древней новгородской земле, под Новой Ладогой.

Заместителем Суворова стал подполковник Яков Трусов – высокообразованный дворянин, прирождённый литератор. Он первым принялся переводить на русский язык «Робинзона Крузо» – и заслужит похвалу императрицы. Зато следующее литературное предприятие Трусова – перевод сатир Готлиба Рабинера – повлекло опалу. Беседы с Трусовым стали для пытливого Александра Васильевича новой страницей в самообразовании.

Россия стала в XVIII в. истинной воинской державой. Дворянство исполняло офицерский долг – хотя вольности, начиная с Петра III, постепенно развращали «опору империи». Солдатство сплошь состояло из потомственных крестьян. Разумеется, помещики старались отдавать в рекруты никудышных работников, подсовывали пьяниц и вертопрахов – и новобранцы представляли из себя тёмную массу. Армия становилась для них школой во всех отношениях – и вопросы воспитания для командиров стояли на первом месте. Таким воспитателям, как полковник Суворов, удалось «натренировать» лучшего в мире солдата – терпеливого, преданного офицерам, крепкого, непобедимого в штыковой атаке.

Нужно заметить, что тогдашняя несправедливость фортуны подчас доводила Суворова до невеселых мыслей, граничивших с отчаянием, но полководец побеждал их своей стоической выдержкой и не унывал. Он квалифицированно и вдохновенно исполнял свой полковничий долг в Астраханском, а затем и в Суздальском полку. Более того – Суворов наслаждался службой, творчески осмысляя каждый нюанс армейской жизни. В те годы он создаёт замечательный литературный памятник военной мысли – «Полковое («Суздальское») учреждение». В этом сочинении Суворов проявил себя не только как яркий теоретик и вдумчивый практик, но и как самобытная личность, настоящий вождь, готовый к подвигам во имя спасения Отчизны.

Семилетняя война заставила многих пересмотреть устоявшиеся воззрения в военной науке и армейской практике. Ранения, дезертирство, болезни вдвое ослабляли армию в годы войны. Суворов видел, как эти прискорбные факты мешали развить успех, добить противника. Критически переосмысляя уроки древних и современных войн, Суворов принялся создавать из вверенного ему полка боеспособную, обученную армейскую силу. Суворов не уставал следить за работой интендантов, за выпечкой хлеба, негодовал, когда задерживалась доставка горячего питания для солдат: «Ужин варить свежее, а когда выедят, того ж часу котёл чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; сие весьма служит для соблюдения здоровья». Патриархальный православный дворянин, Суворов хорошо знал фактуру рекрутской армии, понимал крестьянских сынов. Рекрутов в армию выдвигали крестьянские общины – и в основном из них получались солдаты, тяготеющие к коллективным действиям, к общинной морали. Это была не армия индивидуалистов-наёмников. Параллельно с армейскими подразделениями в армии существовали неформальные солдатские артели, участники которых были связаны круговой порукой. «Сам погибай, а товарища выручай», – сформулировал Суворов действенное правило, изучив общинное нутро русского богатыря. В «Полковом учреждении» Суворов прославляет трудолюбие и называет праздность самым опасным недостатком солдата. И потому полковник придаёт решающее значение учениям, усердной «экзерциции» каждого солдата. Вышколенный суворовский солдат-суздалец мобилен, подвижен, быстр, «ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен». Он же умеет быстро заряжать ружьё, стрелять про-

ворно и метко, своевременно исполняя приказы офицеров. Каждый офицер обязан быть педагогом, учить солдат боевым премудростям. Вот так, например, Суворов очерчивает обязанности ротного командира: «К своим подчинённым имеет истинную любовь, печётся о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всём, что до их должности принадлежащем». Увы, суворовские инструкции времён суздальского учреждения по технике ведения штыкового боя не сохранились. Но выдающаяся роль штыка в современной ему войне в суздальские годы была Суворову вполне ясна. Что касается послушания (Суворов любил и понимал это церковное слово!) и воинской дисциплины – процитируем такой пассаж: «Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая его в отчаяние».

Поговаривали, что Суворов напялил на себя маску эксцентрика, чтобы схватить за хвост неподатливую фортуна. «Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом и Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел петухом, пробуждая сонливых, угомоняя буйных врагов Отечества», – скажет Суворов в пору славы. «Так как с первых шагов на пути славы он встретил соперников завистливых и сильных настолько, что они могли загородить ему дорогу, то и решился прикрывать свои дарования под личиной странности. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, действия быстры. Но в частной жизни, в обществе, в своих движениях, обращении и разговоре он являлся таким чудачком, даже можно сказать сумасбродом, что честолюбцы перестали бояться его, видели в нём полезное орудие для исполнения своих замыслов и не считали его способным вредить и мешать им пользоваться почестями, весом и могуществом», – рассуждал французский посланник граф Сегюр – надо признать, проницательный господин.

Чудачества помогли найти общий язык с солдатами, у которых Суворов сознательно приобрёл репутацию колдуна. Он кукарекал, задавал странные вопросы и давал нарочито уклончивые, даже абсурдные ответы. Таким и запомнили его при дворе – ещё полковником.

С Суздальским полком Суворов немало времени проводил в Санкт-Петербурге, организуя караульную службу. Вспоминались годы службы в Семёновском полку, в гвардии, но тянуло почему-то подальше от столиц. Командира образцового полка представили великому князю Павлу Петровичу – русскому Гамлету, с которым многое будет связано в судьбе Суворова. Сохранился исторический анекдот: «Однажды Суворова пригласили в кабинет к великому князю Павлу Петровичу. Едва войдя в кабинет, Суворов начал гримасничать и проказничать. Павел остановил его: «Мы и без этого понимаем друг друга». Что их объединяло? У обоих руки связаны! Павла отстранили от власти, Суворова не выдвинули в генералы...

В Петербурге ему нездоровилось. Он нечасто впадал в кручину, но в одном из писем написал «Чую приближение смерти. Она меня со свету потихоньку сживает, но я её презираю, позорно умирать не желаю, а желаю встретить её только на поле сражения». Ему предстояло ещё 35 лет провести в учениях и боях!

К тому времени Суворов уже определился в своей неприязни к придворной жизни. С 1765-го по осень 68-го полк дислоцировался в Новой Ладогe, где несколько лет назад Суворову уже приходилось бывать по интендантским делам. Увы, полковой архив давно погиб – и, кроме сравнительно недавно обнаруженного «Полкового учреждения», документы того времени утрачены.

В Новой Ладогe вместе с офицерами и солдатами Суворов построил деревянную церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, а ещё – школу для местных ребятишек. С азартом махал топором, работал наравне с молодыми. По многочисленным свидетельствам

ладожцев, Суворов самолично, прилежно и мастеровито вырезал деревянный крест для храма.

Полк Суворова отличался от любого подразделения тогдашних европейских армий. Это был свой мир, созданный гениальным воином и мыслителем, которого многие считали чуть ли не безумным чудачком. Рассказывают, как Суворов со своим полком приступом брал монастырь, разрабатывая тактику штурма крепостей, как без мундира, сохраняя инкогнито, встречал новобранцев, испытывая их в остроумной пикировке. Эти эпизоды запоминались, о них судачили. А Суворову и нужно было прославиться!

На памятных маневрах 1765 г. Суздальский полк поразил саму императрицу отличной от других, но наиболее эффективной выучкой. Официальные биографы Суворова именно от тех маневров вели начало славы полководца.

Армию тогда вывели в лагерь, на маневры. Главный лагерь разбили у Красного Села, где расположилась тридцатитысячная армия из трёх дивизий. Войска разделили на два корпуса: командование первым всемилостивейше приняла на себя сама императрица. Вторым корпусом командовал Н.И. Панин. Суворов со своими суздальцами угодил под командование Екатерины. Маневры продолжались целую неделю – и стали яркой иллюстрацией к предвоенному усилению Российской империи, в которой армия стала верной опорой императрицы. В том же году вышла в свет книга Д.В. Волкова «Описание лагеря, собранного под высочайшею её императорского величества командой при Красном Селе». В книге, ясное дело, упоминаются громкие имена генералов, принявших участие в маневрах. А из полковников упомянут лишь один, отличившийся более других – А.В. Суворов: «Суворов с пехотой и артиллерией произвёл наступательное движение, занимая высоты одну от другой и очищая путь государыне для осмотра неприятельских позиций». Суворов был душой того наступления – его лёгкий летучий отряд проворно бросал к ногам Екатерины занятые плацдармы... Суворов в те годы не был всероссийской знаменитостью, но репутация одного из лучших полковников Российской армии, способного к неотразимо быстрым действиям, была им заслужена. Отзвуком тех славных маневров стало присвоение Суворову бригадирского чина 22 сентября 1768 г. А с Суздальским полком Суворову предстояло стать грозой польских конфедератов в новой войне. Суздальцы станут основой боеспособной, быстрой, вышколенной суворовской бригады. В «Суздальском учреждении» Суворов с гордостью вспоминает о том, как полк удостоился императорской похвалы: «Не можно забыть высочайшую монаршую милость, которою сей полк недавно удостоен был. Отличность, каковою не один полк по прошествии многих лет славится не может: всем протчим во образец! Но всегда о том воспоминаю, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым ленистым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу». Да, это был знаменательный день, начало суворовской славы – Красносельские маневры. Сохранилась молва о том, как Екатерина называла полковника Суворова после тех учений: «Мой будущий генерал».

Тем временем Василий Иванович Суворов успешно продолжал военно-административную карьеру. В 1768 г. он покупает последний в своей московской жизни дом – у Никитских ворот. Москвичам хорошо известен этот старинный особняк с мемориальной доской ещё дореволюционной, 1913 г., работы. Надпись золотом по белому выдержана в лаконичном стиле суворовской эпитафии – «Здесь жил Суворов». В барельефе, над щитом, мы видим узнаваемое скульптурное изображение Суворова. Суворовы стали прихожанами церкви Феодора Студита, и поныне находящейся неподалёку от дома, в котором теперь располагается посольство Нигерии. Этот храм был освящён в XVII в. другим великим русским пат-

риотом, патриархом Филаретом. В эти годы А.В. Суворов нечасто бывал в Москве, проводя время в походах, но неизменно останавливался в отцовском доме и молился в храме Феодора Студита... Даже из скудного полковничьего жалованья Суворов жертвовал на нужды храма почтенные средства. При церкви похоронена мать Александра Суворова, Авдотья Федосеевна, не дожившая до славы любимого сына. А уж став наследником отцовского состояния и известным на всю Россию генералом, Суворов превратился в активного (и нередко – анонимного) благотворителя. После 1917 г. храм пришёл в запустение. В 1980-е гг. прозвучало предложение превратить приходскую церковь Суворова в музей полководца. Но сегодня, как и в суворовские времена, церковь Феодора Студита является действующим храмом, который недурно отреставрировали в девяностые годы. Память о Суворове жива в этих святых стенах, а музейная участь не подходит церкви.

В 1773 г. генерал-аншеф Василий Иванович Суворов приобретает село Рождествено под Москвой. Долгие годы считалось, что это имение было старинной вотчиной Суворовых, биографы фантазировали о детских годах полководца, проведённых в Рождествене... Это не так. Только в 1770-е гг. бывшая вотчина князей Барятинских стала удобной летней резиденцией Суворовых. В народной памяти это село накрепко связано с образом Суворова. В крестьянской среде и в XX в. ходили легенды о детстве полководца, которое якобы прошло в этих краях. Таково свойство легенд – правдиво привирать... На самом деле под старость лет Василий Иванович преследовал две цели: выгодно вложить средства и женить сына. Человек домовитый, он не понимал холостяцких наклонностей сына, жившего одними интересами армии. Соседнее село – Николо-Прозоровское (Никольское-Прозоровское, Николо-Прозорово) принадлежало, как это ясно из названия села, князьям Прозоровским. Их усадьба, в отличие от дома Суворовых, к счастью, сохранилась до нашего времени. Князь и генерал-аншеф Иван Андреевич Прозоровский, не в пример В.И. Суворову, вёл жизнь блестящую и расточительную. Будучи в долгах, как в шелках, он не мог дать за дочерью и пяти тысяч приданого. А Варваре Прозоровской ко времени сватовства было уже двадцать три года, и шлейф сплетен за ней тянулся. Поговаривали даже о связи с молодым цесаревичем Павлом (уже в наше время жёлтые газеты заговорили о бастарде Павла Симеоне, которого-де родила В.И. Прозоровская до 1773 г.; объявился и современный потомок царя при бороде, со стеклянным взором). Но о браке Суворова речь пойдёт впереди – до сватовства наш герой успеет с победами пройти две войны.

На польском фронте. Война против конфедератов

В 1768 г. Суворова произвели в бригадиры; через год в этом чине он вступит в свою первую польскую войну. Война, и он – почти генерал! Для Суворова – многообещающее поприще. Пришла пора в бою показать преимущества своей учебной системы. О трудах и днях тех польских кампаний стоит рассказать подробнее.

После Семилетней войны, чувствуя огромный потенциал Российской империи, французская дипломатия создаёт приснопамятный «Восточный барьер». Так называлась совместная деятельность Османской империи, Польши и Швеции против расширения российского влияния. Но сколотить по-настоящему боевую коалицию не удалось. Более того, в 1768 г. польский король, ставленник России Станислав-Август Понятовский запросил у Петербурга военную помощь. Дело в том, что большая часть влиятельных польских магнатов не желала видеть Понятовского на троне. Они объединились в так называемую Барскую конфедерацию и начали боевые действия.

Когда в кампанию вступила Россия, конфедераты, поддерживаемые Парижем, заключили военный союз с Турцией. Были у польских событий и другие пружины: в 1767 г. образовалась Слуцкая конфедерация протестантской и православной шляхты, которую поддерживала екатерининская Россия. Слуцким конфедератам удалось добиться законодательного уравнивания в правах католиков, протестантов и православных. Таким образом, поводом для действий Барской конфедерации был и так называемый Репнинский сейм 1767–1768 гг. Этот сейм подтвердил шляхетские свободы, но провозгласил равенство католиков, православных и протестантов в Речи Посполитой. Католическое духовенство вдохновило основную часть шляхты на Барскую конфедерацию и войну не только против короля, но и против не католического меньшинства Речи Посполитой. Разумеется, и Российская империя, на волне поддержки православных, стремилась укрепить свои позиции на Западе, превратить Польшу в послушного союзника.

Перед рассказом о войне против конфедератов необходимо уяснить некоторые геополитические нюансы того времени. Речь Посполитая всё ещё была одним из крупнейших европейских государств, и внутренний политический кризис снёдал её сильнее любых соседей-агрессоров. Население страны к началу военных действий, по наиболее распространённым данным, достигло 14 млн. Ослабевшая после Северной войны, но всё ещё великая восточноевропейская держава Речь Посполитая была союзом, унией двух стран – Польши и Литвы. Российская империя рассматривала всю Речь Посполитую как сферу военно-политического влияния, а территорию Литвы – как пространство для экспансии. Вена стремилась к скорейшему разделу Польши. Свои виды на Западную Польшу были у Пруссии. Россия до 1770-х гг. выступала за сохранение Речи Посполитой как самостоятельного, но зависимого от России государства. Буферного – между Россией и Западной Европой. Схожие цели в 1945 г., в Потсдаме, будет преследовать Сталин. Разумеется, при малейшем изменении политической конъюнктуры петербургская дипломатия готова была перестроиться и проглотить Польшу. Империи во все времена за милую душу съедают то, что могут переварить.

Российская империя к тому времени превратилась, как мы знаем, в государство, необъятное по территории, но весьма малозаселённое. Население страны к тому времени составляло немногим более 30 млн. К концу правления Екатерины Великой подданных империи было уже 37 млн, а по некоторым данным и более, но это после присоединения и освоения Кубани, Новороссии и разделов Польши. А в начале семидесятых всяческих ресурсов у Польши насчитывалось, конечно, меньше, чем у России, но разница не была столь существенной, чтобы Россия легко хозяйничала в столь гордом соседнем королевстве. Однако Польша оказалась в уязвимом положении, оказалась заложницей политических appetitов

России – и это, главным образом, из-за паралича власти и народных смут. К тому же, почувствовав слабость Речи Посполитой, спором «славян между собою» воспользовались Австрия и Пруссия. «За слабость бьют» – как говорил столетия спустя и по другому поводу И.В. Сталин. У Польши оставались все возможности для того, чтобы не попасть в разряд слабых. Не было только политической воли, да царя в народных головах.

Кем был последний польский король, Станислав-Август (1732–1798)? Примечательная личность – обаятельный кавалер, остро слов, яркий оратор. Отпрыск двух знатных польских родов – Понятовских и Чарторыйских. В 1756 г. Станислав-Август прибыл в Россию – стал послом Августа III, курфюрста Саксонского и короля Польского в Санкт-Петербурге. Донжуан, успевший уже поблистать в Париже, стал любовником молодой Екатерины – ещё не императрицы. Пылкий поляк не испугался наставить рога русскому великому князю, наследнику престола. Впрочем, Пётр Фёдорович не ревновал: он был всецело увлечён фаворитками. Понятовского считали наиболее вероятным отцом дочери Екатерины и Петра – Анны, которая в раннем детстве скончалась от оспы. Роман продлился недолго, но дружеские отношения не перегорели. В 1762-м Понятовский покинул Россию, а через два года стал королём Польским – при бурной поддержке Чарторыйских и занявшей российский трон Екатерины. Оппозицию пророссийской шляхте возглавили неутомимые Потоцкие.

На польском троне Станислав-Август не слишком тяготился политической зависимостью от бывшей любовницы. Без особого рвения, но всё-таки пытался отвоевать у шляхты побольше власти – разумеется, не огнём и мечом, но интригами и дипломатией. Оставался донжуаном, покровительствовал искусствам. Он не был прирождённым политиком, не умел использовать энергию масс, не был выразителем коллективных стремлений. Ему даже не удалось консолидировать пророссийски настроенную часть польской элиты. Постепенно привык к королевским почестям. В войне с конфедератами он безоглядно надеялся на Россию, хотя и не мог не понимать, что крепкие объятия с восточным соседом могут обернуться полной потерей власти. Когда ему говорили, что Польша становится всё слабее, что скоро русские, пруссаки и австрийцы отберут у него землю, Станислав-Август отвечал с бравадой опытного ловеласа: «Мне нужно столько земли, сколько уместится под моей треуголкой!»

Суворову было суждено отправиться на войну с конфедератами. Александр Васильевич то и дело тяготился миссией в Польше, временами его с особой силой тянуло к войскам Румянцева, на Дунай. Время от времени наплывали приступы разочарования, характерные для суворовского темперамента. Но именно в польском походе проявилось искусство Суворова-командира, который воспитывал свои войска для быстрых побед с минимальными потерями.

Спервоначала в Польшу направили армию генерал-поручика Ивана Нуммерса. Основные русские войска сражались на Дунае, в действиях против турок, а ударной силой в корпусе Нуммерса стала бригада А.В. Суворова, объединившая несгибаемых суздальцев, а также Смоленский и Нижегородский пехотные полки. В операциях бригаду Суворова усиливали небольшие кавалерийские и казачьи отряды. Бригада быстрым маршем прошла до Варшавы. Суворову удалось в этом походе сберечь личный состав и вникнуть в польскую специфику. В чине бригадира Суворов вступил в сражения на польской земле. Его успехи сразу привлекли внимание. Ужас на конфедератов наводили быстрые переходы. На территории Речи Посполитой Суворов особенно строго боролся с мародёрством, опасаясь выступлений польского крестьянства против русской армии.

Перед бригадиром Суворовым поставлена задача: обосноваться в Бресте и уничтожить крупное военное соединение конфедератов под командованием братьев Пулавских – сыновей Иосифа Пулавского, одного из лидеров Барской конфедерации. Король Станислав-Август Понятовский писал о старшем Пулавском: «Среди негодяев, приложивших руку к несчастьям нашей родины, был некто Пулавский, староста Варки. Адвокат, находившийся

на службе у Чарторыйских. Презируемый Чарторыйскими, Пулавский продолжал служить их противникам... После ареста четверых депутатов Сейма Пулавский возомнил себя особью, упрёки которой могут подействовать в этом деле на Репнина, и, оказавшись с князем наедине, заговорил с ним в таком тоне, что в ответ получил пиннок ногой, заставивший Пулавского вылететь из комнаты». С этого неосмотрительного пинка и началась ненависть Пулавских к русским.

С небольшим отрядом Суворов настигает отряд пулавцев у деревни Орехово и даёт бой, в котором уничтожает до 300 поляков при минимальных потерях ранеными с русской стороны. Неприятной неожиданностью для Пулавских стало организованное Суворовым преследование. У Влодавы отряд Пулавских снова был наголову разбит. Франц-Ксаверий Пулавский погиб в бою, а его брату Казимиру удалось бежать. Он ещё повоюет в Польше, получит несколько суворовских уроков, а после окажется за океаном, в армии генерала Джорджа Вашингтона. Один из любопытных и достойных нашего уважения современников Суворова – Казимир Пулавский, полководец предприимчивый и энергичный.

В окрестностях Бреста конфедератов больше не было: «По разбитии пулавцев под Ореховым вся провинция чиста», – рапортует Суворов. После победы над польскими конфедератами при деревне Орехово (конец 1769 г.) принято решение о производстве Суворова в генерал-майоры. Будущему генералиссимусу шел сороковой год... Он энергично берется за дела в «горячем» Люблинском районе.

Тогда новый командующий, генерал-поручик Веймарн посылает Суворова в эпицентр кампании – в Люблин. Ганс фон Веймарн (1722–1792) – лифляндский аристократ, получивший на русской службе гордое имя-отчество «Иван Иванович». В Семилетнюю войну он руководил штабом фельдмаршала С.Ф. Апраксина, проявил себя убеждённым сторонником прусской военной системы. С 1768 г. командовал русскими войсками в Польше. Тактикой Веймарна в борьбе с конфедератами было постоянное преследование разрозненных польских отрядов небольшими русскими командами. Веймарн был придиричивым и дотошным командующим, требовал от подчинённых постоянных рапортов, не поощрял инициативу и стремился отслеживать каждый шаг действовавших в Речи Посполитой русских генералов и полковников. Суворов не мог сработаться с таким начальником. С первых месяцев своего пребывания в Польше он принялся обдумывать и записывать свои мысли о тактике войны с конфедератами, стремясь теоретически обосновать те или иные свои шаги. Но отстоять суворовскую правду перед Веймарном было непросто.

В городах Люблинского воеводства Суворов устраивает небольшие военные посты по 30–40 солдат. Партизанская война здесь принимает особо жестокий оборот: с пленными русскими конфедераты обходятся жестоко, вплоть до показательных повешений. Они с фанатизмом сражаются за свою землю и веру. В десятке небольших боёв Суворов громит отряды конфедератов. В бою при Наводице суворовский отряд из 400 человек сражается с тысячной польской кавалерией Мащинского, который располагал и шестью орудиями. Артиллерийский огонь полякам не удался: Суворов избежал потерь, лично командуя передвижениями отряда. Дело решила штыковая атака (Суворов с дальним прицелом постоянно обучал войска штыковому бою), а в тыл полякам со свистом и криками ударила кавалерия. До половины отряда Мащинского было уничтожено, сам пан раненым покинул поле боя тайными тропами. Потери суворовцев ограничились двумя убитыми солдатами и десятью ранеными. И это после трёх отчаянных атак. Определение «отчаянный» было у Суворова одним из самых любимых, когда он рассказывал о сражениях – видно, оно точно передаёт суворовское ощущение боя, сопротивления и прорыва. Несмотря на такой фантастически успешный исход боя, Суворов уважительно отозвался о храбрости поляков, которые пытались отстреливаться, удирая. Секрет победы русских заключался в уверенном владении штыком и быстроте маневра.

Несомненно, в войне против конфедератов Суворов стал одной из ярких звёзд русской армии. 1 января 1770 г. ему был присвоен очередной чин генерал-майора. В последнем донесении, посланном из Седлеца в бригадирском звании, Суворов весомо, грубо, зримо передаёт колоритную атмосферу той польской кампании. Он пишет генералу И.И. Веймарну о победных польских приключениях капитана Набокова:

«Вашему высокопревосходительству покорно доношу. По известию, что якобы 300 мятежников в Семятицах за Драгецином 2 мили – я там был, нигде их не нашел, тако ж в Уенгрове и Соколове их ныне нет. А хотели они быть в Семятицы, где мне сказывали, что они около Бялостоку, выжгли Тикоцин; от Семятиц Бялосток 12 миль. Ежели бы не Грабовские, то бы может быть я туда сбегал – однако все неописанно далеко. Надлежит это дело рекомендовать. В Гродне становитца опасно, ныне еще они серокафтанники, командиров их никто не знает. Граб[овских] взял по прозванию Костюшка, литвин сказывают, с ним Ласоцкой коней 40. Их все здесь остерегали, они распоясались и не дрались, после сказывали, что их на дороге и позашибли, а повезли между Пулавы и Модрица. Хотя попустому, а все [ж] я еще пойду на Желехово, Стенжиц, или, как случитца, покорм, около вечеру.

«...» Однако, слава Богу, что притом и шенявцов поколотили, что полковник, думаю то Яниковской, которой поголовничал в Опатове и Сендомире, иному некому быть, давно уже на него зубы грызли. Как не стыдно нашим подкалишским господам, что всё на меня выпускают; я бы и там с ними разделался! Ваше высокопревосходительство покорно прошу простить мою вольность! А в награждение того, изволите прочесть Набокова рапорт, место сказочки из 101 ночи.

Бригадир *Александр Суворов*».

Многое в этом письме проливает свет на сложившийся к тому времени полководческий стиль Суворова. Сразу обращают на себя внимание и смелая «нападательная» тактика, и ненавязчивое упоминание учений. И уверенность в своих силах, готовность разделаться с многочисленными врагами в кратчайшие сроки... Очень по-суворовски звучит и упоминание сказок «Тысячи и одной ночи». Суматошные польские кампании нередко напоминали то восточную, то славянскую сказку. Русская армия тогда не выглядела железным монолитом, разбивающим польские отряды. От командиров требовались богатырская удаль и смелая инициатива.

При этом Суворов с некоторой иронией рассуждает о польских подвигах: всё-таки главные бои шли на Дунае...

Год войны многому научил Суворова. Он пишет «Рассуждение о ведении войны с конфедератами» – ценнейший памятник военной мысли, в котором суворовский дух сохранился для потомков. Всё предусмотрел Суворов: и разведку, от которой требует точных сведений, и милосердное отношение к пленным, много рассуждает о военной тайне. Что касается карательных мер по отношению к шпионам и палачам-катам, которые казнили русских пленных, в письме подполковнику фон Лангу Суворов перечисляет жёсткие наказания, но в конце концов останавливается на самом банальном: «Прикажите... в Люблине городскому кату ошельмовать, положить клеймы, отрезать уши. Буде же таких клеймов нет, то довольно и уши отрезать и выгнать из города мётлами. А лутче всего прикажите его только висеть как-нибудь кнутом, ибо сие почеловечнее». Думаю, в этом письме нашлось место своеобразной суворовской иронии – почти как в анекдоте про сталинского двойника (Сталину доложили, что в Москве появился его двойник, который носит такую же причёску и усы. «Расстрелять», – сказал генералиссимус. – «А может быть, побрить?» – «Что ж, можно и побрить»). Русский генерал считал, что казнями можно только настроить против себя местное население, что в условиях партизанской войны было чревато роковыми последствиями для суворовского корпуса.

Генерал-майор Суворов лично командовал кавалерийскими рейдами против конфедератов. Во главе отрядов в 100–200 сабель он нападал на польские отряды, бросался в сечу. Так, под Раковцами был разбит авангард войск старого знакомого Казимира Пулавского – 500 кавалеристов.

С 1769 г. Суворов следил за действиями гусарского полковника Древица. Иван Григорьевич фон Древиц (1733–1783, позже меняет написание фамилии на более обруселое «Древич»), прусский офицер-кавалерист, в 1759 г. поступил на русскую службу, бросив родную прусскую армию, воевал против соотечественников. Служил в Сербском и Венгерском гусарских полках и пользовался во время войны с конфедератами полным покровительством генерал-поручика Веймарна. Он не без заносчивости вёл себя с генерал-майором Суворовым, отказывался выполнять его приказы (как например, в апреле 1770-го, когда Суворов запросил у Древица сотню казаков) без резолюции Веймарна из Варшавы. В Польше этот полковник был известен крайней жестокостью, он действовал как беспощадный каратель. Ходили слухи о том, как Древиц отрубал кисти рук пленным полякам, возбуждая тем ненависть к России и мстительное ожесточение. В длинном рапорте Веймарну Суворов не скрывает возмущения действиями Древица, который в многословных репликациях преувеличивает значение собственных побед и, не являясь русским ни по рождению, ни по духу, позорит имя России варварством: «Суетно есть красноречие Древица, не прилепленного к России, но ещё клонящееся к продолжению войны её междоусобием, которое тем возгоритца, сколько ещё есть закрытых гултяев, кои тем онамерютца. Славнее России усмирить одной неспокойствы великодушно!.. Хвастливое же выражение г. Древица о его победах мне ни малого удивления не причиняет, то делают Чугуевские казаки, российская пехота и карабинеры, какая такая важная диспозиция с бунтовниками?.. Только поспешность, устремление и обретение их». Суворов прямо писал Веймарну, который оказывал Древицу протекцию, что Россия не нуждается в таких волонтерах-офицерах, имея более достойных, которых, однако, не выдвигают, как фон Древица...

К началу 1771-го отряды конфедератов стали собираться в более крупные соединения. Герцог Шуазель – влиятельный вельможа при Бурбонах – оказывал противникам России всё большую поддержку. Суворов энергично следил за событиями во вверенном ему районе и сообщал из Люблина Веймарну о новых «шалостях» конфедератов, желая всячески обосновать собственную активность по искоренению очагов противостояния. Вот за Вислой был обнаружен отряд конфедератов, собиравших деньги с крестьян деревни Юзефова. Суворов тут же составляет рапорт И.И. Веймарну: «С Крашниковского поста г. порутчик и кавалер Сахаров от 14-го генваря меня рапортует, что командированная с г. порутчиком Железновым до местечка Юзефова команда прибыла, но только бунтовника ни одного не застали, а пошли за Вислу, взявши из Юзефова поголовных денег девятьсот польских злотых и не были в местечке больше дву часов. Помянутые ж бунтовники назывались маршалка бельского, но невероятно, потому что они были в разном платье; гусара ни одного не было, их больше не сочли пятнадцати человек, а стращали обывателей, что за Вислой их же команда до двухсот коней. Однако 14-го числа поутру уведомился из-за Вислы г. порутчик Железнов, что их было коней до сорока. О взятых из Юзефова деньгах и что они назывались маршалка бельского команды, представил при том рапорте с их расписки копию, которую при сем и вашему высокопревосходительству представляю. А как переправились пешками за Вислу, неизвестно в которую сторону пошли, не бравши проводника. Близ Красника и за рекою Соном мятежничьих партиев более не слышать. Генерал-майор *Александр Суворов*». Всё говорило о том, что пришла пора для новых активных действий. Основной задачей стало лишение конфедератов возможностей для пополнения казны. Суворов занялся этим, призвав всю свою изобретательность.

9 февраля 1771 г. отряд Суворова, сметая польские посты, занимает местечко Ландскрону и пытается штурмовать тамошний замок, где к гарнизону присоединились оступившие с позиций поляки. Отметив, что замок тесный, небольшой, Суворов окрестил его «палатами». Но противников в «палатах» засело больше, чем было атакующих русских, а командовал отрядом французский подполковник Левен. Маловато оказалось сил для успешного приступа: удалось потрепать противника, но замок не сдался. Русские офицеры в то время любили форсить в «щегольской» одежде, которую захватывали у поляков в качестве трофея. Привычка оказалась пагубной: по одежде враг распознавал офицеров и поражал их. Суворов запомнит этот урок. Суздальский полк ворвался в цитадель Ландскроны, завязался бой, в котором был ранено несколько офицеров-суздальцев, включая поручика Николая Суворова – генеральского племянника. Пришлось прекратить приступ и отступить на исходные позиции. В бою из пяти орудий, которыми располагали поляки, Суворову удалось две пушки захватить. В письме Шаховскому Суворов расскажет о том деле: «Конницу их разогнали, перелезли, разломали и разрубили их множественные шлагбаумы и рогатки и взяли местечко, разорили их магазейн и отбиша две пушки, отрезавши две, – у них только одна оставалась, – били в воротах на крутейшей горке лежащих Ландскронских палат. Как лучшие офицеры переранены были, овцы остались без пастырей, и мы, дравшись часов шесть, оставили выигранное дело, довольствуясь потом действовать на образ блокады». Суворов был огорчен, что суздальцы не были готовы к решению ландскронского ребуса «с листа». Он сетовал, что за время разлуки с ним, с автором «Суздальского учреждения», полк растерял свои лучшие качества. Нет сомнений, что он высказывал своё разочарование не только в письмах коллегам, но и в разговорах с офицерами и солдатами. И на упрёки суздальцы ответили стойкостью и энергичными действиями уже в февральских и мартовских сражениях. А эти месяцы в Люблинском и Краковском районах выдались горячими. Заметим, что после Суворова Суздальский полк в 1770 г. принял полковник барон Штакельберг, который теперь служил в Люблине под командованием Суворова. Суворов оставлял его вместо себя во главе небольшой люблинской команды во время многочисленных походов по Польше и оценивал боевые качества Штакельберга как весьма и весьма посредственные. В ночь на 22 апреля 1772 г. Штакельберг опростоволосится, будучи комендантом Краковского замка – поляки и французы тогда займут замок, отбить его у них Суворову будет непросто. Суворов тогда не станет делать из Штакельберга показательного виновника неудачи, хотя и будет отзываться о нём с презрением. В одном из писем Бибикову Суворов снисходительно назовёт полковника «бедным стариком Штакельбергом», будучи на год старше этого «бедного старика».

Вскоре в Ландскроне сосредоточилась недурно вооружённая армия в 4000 человек под командованием французского бригадира Дюмурье – будущего генерала Великой армии, который станет умело громить противников республики в Голландии. Шарль Франсуа Дюмурье прибыл в Польшу с французским золотом и французским воинским искусством. Дюмурье составил весьма амбициозный план по активизации действий конфедератов. Он намеревался с помощью денег и пропаганды вчетверо увеличить воинство конфедератов и действовать против группировки Суворова с шестидесятитысячной армией. До таких мобилизационных успехов конфедератам было далеко, но с прибытием Дюмурье их ряды заметно пополнились. Суворов намеревался применить против нового достойного противника свои методы ведения войны, но атака на Ландскрону покамест откладывалась. Как мы видим, обстановка в районе Люблина и Кракова быстро менялась, и Суворову приходилось подстраиваться под обстоятельства.

Один из мобильных партизанских отрядов, на которые рассчитывал Дюмурье, возглавлял Савва Чалый (Чаленко), младший, сын знаменитого мазепинского гайдамака Саввы Чалого, о жизни и гибели которого на Украине до сих пор поют песни. Сына гайдамака чаще

называли на польский манер – Саввой Цалинским. А Суворов в донесениях чаще называл его кратко, по имени – Саввой. В лучшие дни отряд Цалинского достигал десяти тысяч сабель. Во всех походах его сопровождала мать, боевитая вдова гайдамака Чалого. Суворов получил сведения, что отряд Саввы Цалинского движется к Люблину. Суворов был вынужден прервать блокаду Ландскроны и начать длительный поход, в котором места пребывания генерал-майора менялись как в калейдоскопе, и каждые два дня приходилось давать бои. Своими скорыми движениями Суворов прикрывал Люблин, Варшаву и Литву от польских отрядов. Чалого Суворов намеревался разбить в Рахове. Суворов решился ночью напасть на сильный отряд маршалка Саввы Чалого, стоявший под Раховом, – у Саввы было 400 драгун, слывших лучшими воинами конфедератов. В ночь на 18 февраля русская конница смела посты Цалинского, был убит польский ротмистр Мостовский. Начался бой, подоспевшие суздальцы и санкт-петербургские карабинеры оттеснили цалинцев в корчмы. Конфедераты предпочитали защищаться из укрытий, а казаки уже хозяйничали в Рахове. Спешенные воронежские драгуны пошли в штыковую на корчмы. Сам Суворов пребывал на жарких участках боя, однажды даже оказался в опасности, наедине с несколькими польскими драгунами, засевшими в корчме. Казаки по оплошности открыли огонь по корчме, когда Суворов вёл переговоры. Всё обошлось, отряд Чалого был разгромлен, в руки Суворова попал внушительный обоз с провиантом и более сотни пленных. Французы распространяли слухи о том, что Чалый был захвачен в плен Суворовым и умер в плену от жестокого обхождения. Это была неправда: отряд был разбит, но самому Савве удалось бежать с остатками отряда. Отряд Саввы Цалинского уже не был серьёзной боевой единицей, но Суворов ещё получал противоречивые сведения о пребывании неугомонного Саввы в разных районах Речи Посполитой – то с Пулавским, то с другими соединениями. Он уйдёт в Литву, где дважды потерпит поражение от отряда коронного гетмана графа Ксаверия Браницкого. Но всякий раз Савве удавалось избежать плена. Савву Цалинского настигнет только 13 апреля 1771 г. команда премьер-майора Нарвского карабинерного полка К.М. Салемана. Тяжело раненный смелый командир конфедератов умрёт на руках собственной матери.

17–18 февраля, когда Суворов в Рахове бился против Саввы, капитан Суздальского полка Алексей Панкратьев с сотней солдат отразил нападение польского отряда в Краснике и несколько часов держался против новых атак. Суворов 18 февраля прискакал в Рахов, при виде суворовского отряда поляки спешно ретировались. С восторгом выслушал Суворов рассказ о подвиге капитана Панкратьева. В нескольких рапортах Веймарну он будет настаивать на награждении отличившегося офицера. Не так давно Панкратьева обошли наградой: «множество младшее его выходили в майоры». И капитан уже подумывал об отставке. Суворов докладывал о нём Веймарну: «По полку рота его всегда была из первых, как её и ныне соблюл. Служит давно, был всегда храброй и достойной человек, и государыня потеряет в нём одного из лучших майоров». Не забыл Суворов и сержанта Степана Долгова-Сабурова, героически проявившего себя в бою при Краснике. На заслуги этого солдата указал капитан Панкратьев.

1 марта Суворов посылает Веймарну очень странное описание плана ближайших действий против конфедератов под Ландскроной и Ченстоховом. Донесение было зашифровано! «Сей план весь положен на образ наступательной, в разсуждении, что нигде оборонительной против Бунтовников, яко пресмыкающихся и насекомых невозможен. Нигде от них, не токмо укрыться, но и оным дорогу пресечь не можно, а между тем порода их умножается, как Лернейская гидра». Действительно, если вести против конфедератов войну осмотрительную, закрепляясь на определённых позициях и отбиваясь от польских отрядов, – на месте каждой отрубленной головы немедленно вырастали новые. Нужно было разбивать и уничтожать противника, и Суворов чувствовал в себе силы на это. Начиналась Краковская

операция – новый быстрый поход, в котором Суворов будет действовать против Дюмурье и Пулавского скоростными переходами.

Поляки задумали прервать поход Суворова и дали бой на переправе через реку Дунаец. Суворов писал о той схватке: «С хорошею дракою переправились мы за Дунаец, вброд». Опрокинув поляков на переправе, он последовал вперёд с войсками, сохранившими полную боеспособность. Молниеносная краковская экспедиция Суворова продолжалась. На подходе к городу поляки снова безуспешно атаковали суворовский отряд. В Кракове отряд Суворова был пополнен войсками полковника Древица и подполковника Эбшелвица. Теперь отряд Суворова состоял из 3500 человек. Генерал-майор бросил войска Шепелева и Древица на шанцы под монастырём Тынцом. Шепелев овладел редутом – затем конфедераты выбили из редута русских, но по приказу Суворова Шепелев вторично заставил их отступить. Изобретательный Дюмурье пытался контролировать действия Суворова – был он и в Тынце. Посчитав оборону редутов и монастыря бесперспективной, Дюмурье вместе с конным отрядом ускакал в Ландскрону. Взяв у противника две пушки, Суворов также принял решение перенести бой в Ландскрону и прекратил атаку Тынца.

Потрепав польские отряды под Краковом, Суворов получил возможность вернуться к Ландскроне – и скоростной переход от одного пункта к другому был залогом победы. Именно там, в Ландскроне, снова располагались лучшие силы Барской конфедерации во главе с Дюмурье, облюбовавшим эти укрепления. За счёт быстрых переходов Суворову удалось появиться там, когда Дюмурье не ожидал нападения. Ландскронский замок Дюмурье насытил артиллерией, разместил там полуторатысячный гарнизон. Остальные силы заняли удобные высоты возле замка. Одним флангом польские позиции упирались в обрыв, другим – в укрепления замка. Дюмурье считал позицию неуязвимой, но Суворов принял вызов. Гарнизон замка располагал сорока орудиями, что позволяло вести массированный обстрел атакующих. Позиции Дюмурье осложняли лишь разногласия с горделивым Казимиром Пулавским, который не желал подчиняться иностранцу и не поддерживал Дюмурье в Ландскроне.

Роли заводил атаки Суворов отдал конным карабинерам Санкт-Петербургского полка под командованием уважаемого Суворовым полковника Петра Шепелева, которые мощной атакой смяли правый фланг противника. Кавалеристов Древица, подоспевших под Ландскрону, Суворов бросил в бой прямо с марша. Суворов представил Веймарну список отличившихся и достойных награды офицеров, составленный Шепелевым. Отличился в Ландскроне и полковник Древиц. Древиц показал себя в бою лихим кавалеристом, выполнил задачу, поставленную Суворовым, – и разногласия на время были забыты. Суворов, как мы знаем, недолюбливал этого вспылчивого, скорого на расправу офицера, но в реляции отметил, что Древиц «заслуживает весьма императорскую высочайшую отличную милость и награждение». Однако и после Ландскроны взаимоотношения Суворова и фон Древица не стали безоблачными.

Поляки не выдержали кавалерийского напора – и начали паническое бегство. Князь Сапега был убит своими солдатами, когда пытался остановить отступление.

В бою за Ландскрону погибли и другие известные заправилы Барской конфедерации, например маршалок Оржевский.

Что же искусный французский бригадир? Как писал Суворов Веймарну, «Мурье (Дюмурье. – А.З.) управлял делом и не дождавшись ещё карьерной атаки откланялся по-французскому и сделал антрешат в Бялу на границу». Из Бялы он написал гневное письмо Пулавскому и отбыл во Францию. Вспоминая проигранную кампанию, Дюмурье сетовал, что Суворов воевал неправильно, с нарушением постулатов военного искусства, полагаясь только на удаль и быстрый напор, оставляя уязвимыми свои позиции. Подобные упреки Суворов будет выслушивать ещё не раз, как и оскорбительные разговоры о том, что ему,

неискусному полководцу, сопутствует счастье, случайная удача. Под Краковом и Ландскроной Суворов на корню уничтожил угрозу, связанную с планами Дюмуре. Французские ресурсы не помогли конфедератам. Это был важный результат в контексте всей войны.

Конфедераты были разбиты и деморализованы неудачей авторитетного иностранного офицера и лучших своих маршалков. Оставался только Пулавский, едва ли не самый способный и уважаемый Суворовым противник. Он со своим отрядом уже не предпринимал наступательных действий, не стремился уничтожить русские отряды; он рвался в Литву, к новым ресурсам.

За 17 суток успешных метаний между Ландскроной и Краковом отряд Суворова прошёл около семисот вёрст. Петрушевский заслуженно назвал эти сражения Суворова «военной поэмой».

Императрица по достоинству оценила победителя Ландскроны: Суворов получает Св. Георгия 3-й степени. В числе его лавров ещё не было Георгия 4-й степени, но Екатерина посчитала подвиг достойным более высокой награды и «перешагнула» через правила. Из-за этого казуса Суворову так и не удалось стать кавалером всех российских орденов всех степеней. Он получит все высшие степени орденов, а четвёртая степень Георгия ему так и не сверкнула...

Вдохновлённый победой, Суворов принимает самостоятельное стратегическое решение ударить по материальной базе Барской конфедерации: по соляным копям Величек. «Нет соляных денег, из чего возмутителю будет вербовать иностранных?» – пишет генерал Веймарну. Очень скоро в Величках и Бохне уже стояли русские войска, а у конфедерации возникли проблемы со снабжением и оплатой ратного труда волонтёров. В операции по охране соляных копей и запасов соли Суворов снова конфликтовал с полковником фон Древицем, который, чувствуя поддержку Веймарна, продолжал вести себя независимо, манкируя приказами генерал-майора Суворова. В специальном письме Древицу Суворов безуспешно пытается спрятать гнев в предложениях по поиску компромисса: «Рапорт вашего высокоблагородия от ч[исла] 16-го июня получил не первой, в котором усматриваю недостаточное наблюдение предпочтения старшего, по силе ее императорского величества воинских артикулов, но уповаю, что сие происходит или от недовольного знания языка или невежества писарского. Впрочем, что как я приказал, тогда ж местечко Величка не было занято, возмутители между тем воспользовались довольно грабежом соли, а первое искусство военачальника состоит, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию. Суздальская мушкетерская рота взята вашим высокоблагородием без моего приказанья. Она оставлена была в подкрепление Краковского гарнизона, а дозволил я вашему высокоблагородию ее употреблять в мое отсутствие для операций к Ландскрону и к стороне Кракова, следственно в близости...» И так далее. Древиц предупреждениям не внял. Суворов был человеком настойчивым – и новый рапорт с жалобой на Древица послал Веймарну, который был уже несколько раздражён петушиными боями подчинённых. Но суворовские удары по благосостоянию конфедератов оказались весьма действенными. Генерал-майор прибрал соль к своим рукам – и в Варшаве оценили находчивость и энергию Суворова. Веймарну Суворов сообщал о «солевой» операции в подробностях – тем более что и здесь не обошлось без вооружённых столкновений. Бдительность и быстрота – вот что потребовалось для сохранения контроля над польской солью. Именно этих качеств у Суворова было поболее, чем у любого из тогдашних генералов. Мы увидим, что и в будущем Суворов сумеет находить применение своим армейским талантам для административных, полувоенных проектов. По интенсивности вложенной в них энергии эти операции не уступали боевым. Веймарну Суворов писал: «Возмутители беспрестанно подбираются к Бохненской соли, ибо они в великой нужде; чего ради я не могу здесь долго быть, а выступлю в Висниц. Беспокойно нам будет, ежели они хорошою партией отделясь, будут опять пробираться за Дунаец и Вислоку к Сону. Дабы отнять у воз-

мутителей в Бохне приваду на соль, забрана она, всех до тысячи трехсот бочек, и перевезена в Величку и из оной в Краков, уже до пятисот бочек, и запрещено оную в Бохне заготавливать, как и бочки; в Величке же работают, и також в Краков уже оттуда отправлено близ семисот бочек. По недостатку соляного грабежа все здешние возмутители не получали жалованья более месяца и терпят великую нужду, кроме обыкновенной субсистенции. Я подлинно известие имею, что возмутители занятием Величии и отнятием у них Бохны, с истинно отчаяния, хотят все товары и вины, кои в Краков из Венгрии и Австрийской Шлезии отправляются на тракте, так долго задерживать, пока множество сей город заплатит двадцать тысяч червонных контрибуции чистыми деньгами. Однако краковские купцы, усердствуя чужих благ, тех товаров из-за границы вывозить не хотят, о чем писать буду в австрийскую камеру...» Отрезав конфедератов от соли, Суворов упростил себе задачу истребления их отрядов.

До начала лета Суворов намеревался разбить отряд Казимира Пулавского, не теряя ни минуты, хотя некоторый отдых после активных действий при Кракове и Ландскроне его малочисленному, но испытанному огнём отряду был необходим. Пулавский намеревался пробиться в Литву, к новым ресурсам для пополнения отряда. Как пишет Петрушевский, «Суворов погнался за ним, разгоняя и сметая со своего пути встречные партии и совершая весь поход форсированными переходами». Суворову удалось настигнуть Пулавского при Замостье. Заняв с боем Старое Замостье, он писал Веймарну: «Вашему высокопревосходительству доношу. Выступя мы перед светом из Янова, вчера Арцыбашев (с передовыми казаками) а Горайце, в миле, по дороге на Замосць, разбил с передовыми казаками партию мятежников. Убито человек семь, взято в полон 12. Тако следуя, мы к Замосцю прибывши, в Шебрешин выступили пополудни в 10 часов прямо к Замосцю, где уже Пулавскому, сказывают, Квашневский и комендант присягали. Тут, прорвавшись сквозь труднейшие дифилеи, с поражением мятежников обошли мы город по форштату: натурально! Пехота, шедши наперед, одержала оные и дала дорогу кавалерии. Наши три Санкт-Петербургских эскадрона на стоявшую их конницу в местечке по форштату ударили на палашах, потом на их лагеря, и так мы их потрепали и распушили. Сие было пополуночи часов в шесть. Пленных при ротмистре и двух офицеров человек 40, убитых по правде, но лутчих людей больше ста. Накопившихся пленных человек 60 отправляю я в Красностав с ротой пехоты и пушкою, а сам гонюсь далее. Замосць освобожден, пулавцы рассеяны, убытку нам мало, по щастию вашего высокопревосходительства. Было ли чего в наш век труднее». Суворов выделял героев этих сражений: Рылеева, Лемана. Устроив трёпку Дюмурье, с Пулавским Суворов состязался с особым азартом. Пулавский ускользнул – Суворов продолжал погоню. На излёте весны он сообщал Веймарну: «Пулавцы, перешед Дунаец, хотели остановитца отдыхать при деревне Верхославице, но услыша о нашем приближении, бежали день и ночь на местечко Чтувоякубку, Осошин, откуда драгуны пошли к местечку Лиманова. Гусары, почты и пушки пошли на местечко Тынбарк до деревни Добра, откуда потянулись к Ландскрону; намерение Пулавского есть, чтоб забрать миончинцев и тентовать опять счастье на Замосць и в Литву. Около Ландскрона имеет над миончинцами команду Шиц, однако над всем главной командир консилиар Валевский. В Ландскроне комендантом Выбрановской, а в Тинце – Лабадий. Заремба был около Вислицы и Опатовца и потянулся к стороне Краковской. Из Кракова я никаких рапортов, ни писем не получал, хотя туда от себя уведомлял. Сего же числа выступлю я к Краковской стороне. Около здешних мест ни одного бунтовника не слышать».

Именно тогда Казимир Пулавский, отступая, успешно применит военную хитрость, приведшую Суворова в восторг. После поражения при Замостье, где конфедераты потеряли более двухсот человек, Пулавский оставил мысли двигаться в Литву и отступал к венгерской границе – то бишь к границе, разделявшей Речь Посполитую и Священную Римскую империю. Казимир решил пожертвовать своим арьергардом в остроумном маневре: арьергард, по приказу Пулавского, медлил, оставаясь на глазах русской разведки, и отступал по пре-

нему пути. Суворов следовал за аррьергардом конфедератов, а Пулавский тем временем обошёл русский отряд фланговым движением и оказался в тылу Суворова, в Ландскроне... Восхитившись таким изобретательным отступлением, Суворов послал Казимиру Пулавскому свою любимую фарфоровую табакерку – в знак уважения одного солдата к другому, на память о честном соперничестве двух генералов. Ему – врагу, введшему непобедимого Суворова в заблуждение! Имя Суворова уже наводило ужас на поляков, но они же и уважали этого русского генерала за рыцарское благородство. Надолго запомнили поляки великодушные русского полководца, который, гонясь по польским землям за маршалком Пулавским, «попался» на хитрый маневр последнего и принял оставленный Пулавским аррьергард за всю армию маршала. А хитроумный поляк с главными частями своей уцелевшей армии уже отступал к Литве, обогнув войско Суворова... О Пулавских и пулавцах Суворов вспомнит не раз, это были достойные противники, которых русский воин уважал.

В начале сентября к конфедератам официально присоединился литовский великий гетман граф Огиньский, активизировавшийся ещё по прибытии Дюмурье. В июне и июле он вёл переговоры с полковником Албычевым, обещал покориться и распустить свой четырёхтысячный отряд. Однако в ночь на 30 августа отряд Огиньского нападает на русские позиции. Полковник Албычев был убит – этого русские, разумеется, стерпеть не могли. Суворов критически оценивал действия русских отрядов в Литве. Аналогичного мнения придерживался и русский посол в Варшаве К. Салдерн, доносивший Никите Панину в Петербург: «Наше войско в Литве – жалкий отряд, внушающий всем презрение; полковник Чернышев – человек совершенно без головы. Вообще воинский дух, за немногими исключениями, исчез. Оружие у наших солдат негодное, лошади – хуже себе представить нельзя, в артиллерии дурная прислуга» (3 сентября 1771 г.).

Суворов, несмотря на уже привычные колебания Веймарна, принял решение разгромить войско Огиньского, в котором уже было не менее 7000 солдат. Нельзя было допустить расширения армии Огиньского. Суворов из Люблина двинулся в поход. В Бяле Суворов сформировал «полевой деташемент», позаботившись об укреплении каждого поста в Люблинском воеводстве. 5 сентября Суворов с небольшим отрядом выступил из Бялы и в тот же день прибыл в Брест. В Несвиже к отряду Суворова должен был присоединиться отряд полковника Дирина. Войска Огиньского тем временем двинулись из местечка Мир к Столовичам. Суворов своевременно получал информацию о перемещениях войск гетмана.

Ставкой Огиньского стало местечко Столовичи, а это означало, что конфедераты расположились в тылу суворовского отряда. Суворов принял решение изобразить продолжение марша к Несвижу, а сам отдал приказ ускоренно двигаться к Столовичам. Путь к Столовичам проходил по узким, малохоженным дорогам. Суворов писал: «Однако маршировало войско при мне с поспешением и прибыло ко оному местечку на самой тёмной заре». Так и настиг гетмана Огиньского боевой отряд Суворова – 822 человека при пяти орудиях, настиг неожиданно, к чему и стремился Суворов.

Внезапной ночной атакой поляков выбили из Столовичей. Суворов выстроил войска в две линии. В первой линии – пехота, разделённая на два крыла. Правым крылом командовал секунд-майор Карл Фергин, левым – секунд-майор Александр Киселёв. Между смежными флангами пехотных групп Суворов расположил артиллерию, которой командовал капитан Исаак Ганнибал. Выделил Суворов и резерв: неполные роты пехоты, карабинеров и тридцать казачков. Вся остальная кавалерия с казачьими отрядами на флангах расположилась во второй линии. Командовал ею премьер-майор Иван Рылеев. Войска первой линии начали наступление через болото, по узкой тропе. Поляки начали артиллерийский обстрел атакующих. Инициативу взял на себя премьер-майор Киселёв, атаковавший с левого фланга польские позиции. Солдаты Киселева заставили поляков отступить с подступов к Столовичам в

сам городок. Тогда Суворов ввёл в бой вторую линию, конницу Рылеева. Кавалеристы провели мощную атаку, смели нестройные ряды защитников Столовичей, захватили несколько пушек. С рассветом большая половина войск Огиньского панически убегала из Столовичей. Главные силы Огиньского держали высоту поблизости. На рассвете Суворов повёл свой малочисленный отряд на армию Огиньского. Оставшиеся войска построились справа от Столовичей: 500 конников, 500 пехотинцев и оставшаяся артиллерия. Основная часть кавалерии Рылеева преследовала убежавших поляков. Но Суворов приказал Рылееву атаковать поляков на правом фланге. Для удара были сосредоточены минимальные силы: 70 кирасиров. Но стремительным набегом удалось потеснить неприятельскую конницу. Их преследовали несколько вёрст. Войска Киселёва, выйдя из покорённых Столовичей, двинулись на остатки неприятельских войск на правом фланге. Войска Фергина выбивали поляков из укрепленных предместий. Когда возвратившиеся после погони кавалеристы Рылеева примкнули к пехоте Киселёва, отряд Огиньского был окончательно разгромлен. Суворов так и не ввёл в дело резерв: четырёхтысячная армия (главные силы Огиньского!) была разгромлена силами 630 солдат. Даже до Фридриха Великого дошла молва об этой победе – и прославленный император соизволили сказать о Суворове нечто одобрительное.

Русских пленников освободили. К одиннадцати утра армия, в 10 раз численно превосходившая суворовцев, была разбита. Огиньский в сопровождении нескольких гусар бежал. Как прокомментировал Суворов, «гетман ретировался на чужой лошади в жупане без сапогов, сказывают так!» Вся артиллерия и обозы достались победителям. Король Станислав-Август годы спустя так писал об этом сражении: «Огиньский направился в Столовичи Новогрудского воеводства, где его войска были остановлены и наголову разбиты Суворовым, который, чтобы нанести этот удар, мгновенно перебросил свой отряд из Краковского воеводства в Литву. Половина солдат Огиньского была убита, остальные были рассеяны, весь обоз захвачен. Огиньский и ещё двое спаслись, добрались до Данцига, где французский консул снабдил беглеца бельём, одеждой и дал ему и его спутникам денег на дорогу до Франции».

Вскоре Суворов занимает Пинск, захватив штаб и казну бежавшего гетмана. Деморализованные «конфедераты» уже не оказывали серьёзного сопротивления, сдав русским штаб своего лидера вместе с казной. Суворов распорядился не отнимать имений у провинившегося графа. Любопытно, что впоследствии императрица всё-таки передаст имения Огиньского Репнину. Но надменный Репнин проявит жалость к запутавшемуся польскому аристократу (Огиньский славился как поэт и композитор) – и из дохода имений выплачивал литовскому гетману недурной пенсией. Из Пинска Суворов возвратился в Люблин с чувством выполненного долга и в ожидании наград. В реляции Веймарну он пишет: «Божием благословением ее императорского величества войска команды моей под Столовицами разбили гетмана Огиньского. Потерял он всю свою артиллерию, обозы до последнего колеса, легионные все отбиты. На месте и в погоне легло по крайней мере больше трех, а около четырех сот, в полону возмутительской региментарь граф Пузина, от пехоты и кавалерии штаб и обер-офицеров пятнадцать, нижних чинов двести восемьдесят, взято две пары литавр, буздыхан один, двенадцать барабанов. Теперь у него осталось войска тысячи две. Шиферная азбука малого ключа, за подписанием вашего высокопревосходительства, найдена в отбитых его письмах, кои потом к вашему высокопревосходительству перешлю. С нашей стороны убито нижних чинов восемь, лошадей тридцать одна, ранено три офицера, нижних чинов тридцать пять. В атаке неведано кто друг друга перещеголяли, легионные или другие войска». Понимая, что Веймарн может придраться к слишком далёкому походу Суворова за Огиньским, он добавляет в победной реляции: «Теперь пора мне туда, откуда пришел». Веймарн и впрямь желал бы ограничить действия Суворова строго подконтрольными перемещениями вокруг Люблина.

Веймарн был обескуражен самовольным – хотя и столь успешным – походом. Он всё ещё прилежно работал над планом подавления мятежа Огиньского и сетовал на несанкционированный поход Суворова из Люблина. Но его жалобы не возымели действия, да и не были справедливы: Суворов руководствовался приказом Веймарна действовать против Огиньского и информировал командующего о каждом своём шаге, не забывая оставлять посты для контроля над вверенным генерал-майору Люблинским воеводством. Всем был виден результат: в 1771 г. Суворов бил поляков в пух и прах при Ландскроне и при Замостье, а в сентябре 1772 г. под Столовичами разбил корпус гетмана Огиньского. Разве можно было судить такого победителя?

К радости большинства офицеров, командующим вместо Веймарна был назначен генерал Бибиков, человек отменно образованный и прозорливый, позволявший Суворову действовать свободнее. Бибиков считал себя ровней Румянцеву. Когда за десять лет до появления маркиза Пугачёва забурлил заводской люд в Оренбургской и Казанской губернии, именно Бибикова направили усмирять крамолу. Предъявляли свои требования властям лихие казаки, нашлись обиженные люди и среди крестьян. Сформировались отряды, пролилась кровь. Бибиков тогда не сплеховал. Причём проявил себя не просто эффективным усмирителем, но и миротворцем. Он воздержался от кровопролития, арестовал лишь сравнительно небольшую группу зачинщиков – и всё затихло. «Бибиков был остр, смел и забавен», – пишет Державин. Бибикова уважал Фридрих Великий – и русский генерал переводил с французского сочинения прусского монарха.

Императрица тем временем подписала грамоту на пожалование Суворову ордена Св. Александра Невского: «За оказанную Нам и отечеству отличную услугу совершенным разбитием восставшего противу наших войск литовского гетмана Огиньского, всемилостивейше жалуем вас кавалером нашего ордена Святого Александра Невского, которого здесь включённые знаки, самим вам на себя возложая, носить повелеваем. Мы надеемся, что сие Наше Монаршее к вам отличное благоволение послужит вам вящим побуждением посвятить себя службе Нашей».

После победы при Столовичах конфедераты попали в отчаянное положение. Их главные боевые силы уничтожены. Русский экспедиционный корпус и королевские польские войска контролировали большую часть Речи Посполитой. Три потрёпанных отряда конфедератов всё ещё пытались оказать сопротивление: под Краковом действовал отряд Валевского, под Ченстоховой – отряд Пулавского, в Великой Польше – группировка Зарембы.

Оказавшись перед опасностью полного разгрома, конфедераты усилились новым французским контингентом во главе с генерал-майором бароном де Виоменилем, который в Бяле формировал новые отряды. Французы намеревались захватить древний Краков и провозгласить там новое правительство Польши. Бибиков поручает Суворову действовать в Краковском воеводстве – там, где ожидалось основные события заключительного этапа войны. Суворов расположил в Кракове Суздальский полк во главе с Штакельбергом, который не внял требованиям Суворова проявлять бдительность. Конфедераты подкупили краковского трактирщика Залесского, с его помощью лазутчики Виомениля ночью пробили брешь в стене замка – и в ночь на 22 января 1772 г. полковник Шуази повёл войска на захват замка. Авангардный десант из пятидесяти человек уничтожил караульных, на судах к Кракову прибыл отряд из пятисот конфедератов с пятью орудиями. Им удалось овладеть Краковским замком. Штакельберг запросил помощи у подполковника Елагина, стоявшего с отрядом в Пинче. В ночь на 24-е Елагин занял позиции у Краковского замка, прикрывая его от новых возможных атак конфедератов со стороны Бялы и укрепленного монастыря Тынца.

Суворов, соединившись с верными королю польскими кавалеристами Браницкого, выступил в Краков, утром 24 января начав осаду замка. Под командованием Суворова граф Казимир Браницкий, самый влиятельный и удачливый из польских командиров, верных

Станиславу-Августу, действовал успешно. Патрули Суворова перекрыли все пути к замку, рассеяли отряды конфедератов в окрестностях города. Во время осады Краковского замка огорчил Суворова капитан Иван Лихарев, командовавший отрядом из шестидесяти человек. Суворов писал о Лихареве: «Он, увидя вышедших не весьма большое число возмутителей, приступающих только к тому дому, не имея ещё от возмутителей ни сам, ни команда его вреда, пришед в позорную и предосудительную робость, не только на них нападения не сделал, но ниже регулярно поступал, не чиня отпору и не выстреляя пяти раз, сказав команде своей, чтоб только всякий спасал жизнь; сам, оставя пост, от них уехал, почему вся команда рассеялась и в бегство обратилась; и того посту не удержал, но при том случае убито у него мушкетёр два, ранено четыре человека... За что он, Лихарев, содержится под арестом». Трусости на поле боя Суворов не признавал, трудно было обосновать перед Суворовым даже минимальное отступление. Лихарева наказали вполне по заслугам.

Штурм Кракова Суворов планировал провести четырьмя колоннами с четырёх сторон – под командованием подполковников Эбшелвица, Елагина, Гейсмана и майора Гагриня. Но Шуази удалось отразить двухчасовой штурм 18 февраля: он надёжно укрепил брёвнами ворота, и их не удалось взорвать. Суворов убедился, что без тяжёлой артиллерии Краковского замка не взять. Воодушевлённые французы предприняли атаку со стороны Тынца. Конный отряд Сапеги оттеснили кавалеристы премьер-майора Нагеля, которым помогала польская королевская кавалерия. Суворов принял решение блокировать Тынец двумя отрядами – Браницкого и Ланга. 2 марта под Тынцем завязался бой с переправившимся через Вислу отрядом маршалка Зиберга. Получив известие о переправе и перестрелках поляков с казаками, Суворов незамедлительно прибыл на место действия. В трёхчасовом бою русским кавалеристам удалось разгромить этот отряд. Зиберг на пароме переправился к Тынцу.

Попытался прорваться к Кракову из Тынца и другой отряд, но его остановили и рассеяли конники графа Браницкого.

Гарнизон Краковского осаждённого замка железной рукой командовал французский полковник Шуази, готовый к длительной блокаде. Суворов решил лишить конфедератов надежд на победу, уничтожив отряды в районе Бялы. Для поиска на Бялу был сформирован отряд под командованием Браницкого и премьер-майора И.И. Михельсона. 28 марта отряд вернулся в Краков с победой, приведя два десятка пленных, в том числе – французского полковника Мальцана. На следующий день возле Живца был разбит ещё один небольшой отряд конфедератов. В начале апреля Суворову удалось разгромить ещё несколько малых конфедератских отрядов. 12 апреля Шуази, осознавший бессмысленность сопротивления, отправил к Суворову парламентёра с условиями капитуляции. Суворов согласился с условиями Шуази, и 15 апреля русские войска вошли в Краковский замок, разоружив конфедератов. Пленных Суворов под конвоем отправил в Люблин.

Узнав о краковских событиях, разочарованный генерал Виомениль вместе с группой французских офицеров спешно вернулся на родину.

Начиналась весенняя теплынь. Во второй половине апреля Суворов обосновался в Краковском замке. Тогда он рапортовал А.И. Бибикову из занятой польской цитадели: «Войском её императорского величества, состоящим под командою моею, 15 числа сего месяца занят Краковский замок, а возмутительской гарнизон всеми употребляемыми способами принуждён сдаться». Ещё не раз Суворову предстоит скрестить шпаги и с поляками, и с французами – кто знает, может быть, и именно с теми, пленёнными в Кракове...

За эту победу Суворова наградили тысячей червонцев (червонцы – это вам не ассигнации!) – и он энергично продолжил искоренять отряды конфедератов. Теперь было необходимо занять Тынец, где расположился гарнизон из шестисот не сложивших оружие конфедератов. Суворов запросил у командования артиллерию: 4 медные 12-фунтовые пушки и

6 мортир. Получив эти орудия, 9 мая Суворов начал осаду Тынца. Напротив мощной монастырской стены установили батарею, начали бомбардировать стену из 12-фунтовых орудий. В стене была пробита брешь. К этому времени – 22 мая – к русским войскам присоединились австрийцы, которым удалось выждать подходящий момент, наблюдая за взаимным ослаблением Польши и России. Австрийские войска генерал-майора Дальтана вошли в Тынец, не считаясь с мнением Суворова. Россия была вынуждена уступить союзникам часть лавров. Но Суворов продолжал побеждать. Был взят укрепленный город Затор, Суворов (хотя и мечтал служить на Дунае, под знаменами П.А. Румянцева) планировал новые походы, новые поиски в воеводствах Речи Посполитой, но настало время договора о разделе Польши между Россией, Австрией и Пруссией.

Король Станислав-Август так вспоминал о действиях Суворова в войне с конфедератами: «Справедливо здесь отдать должное добросовестности господина Суворова: из всех русских командиров его менее всего можно было упрекнуть в чём-либо похожем на жадность или жестокость». Жаль, что эта оценка не учитывалась позднейшими польскими комментаторами истории последних 35 лет XVIII столетия.

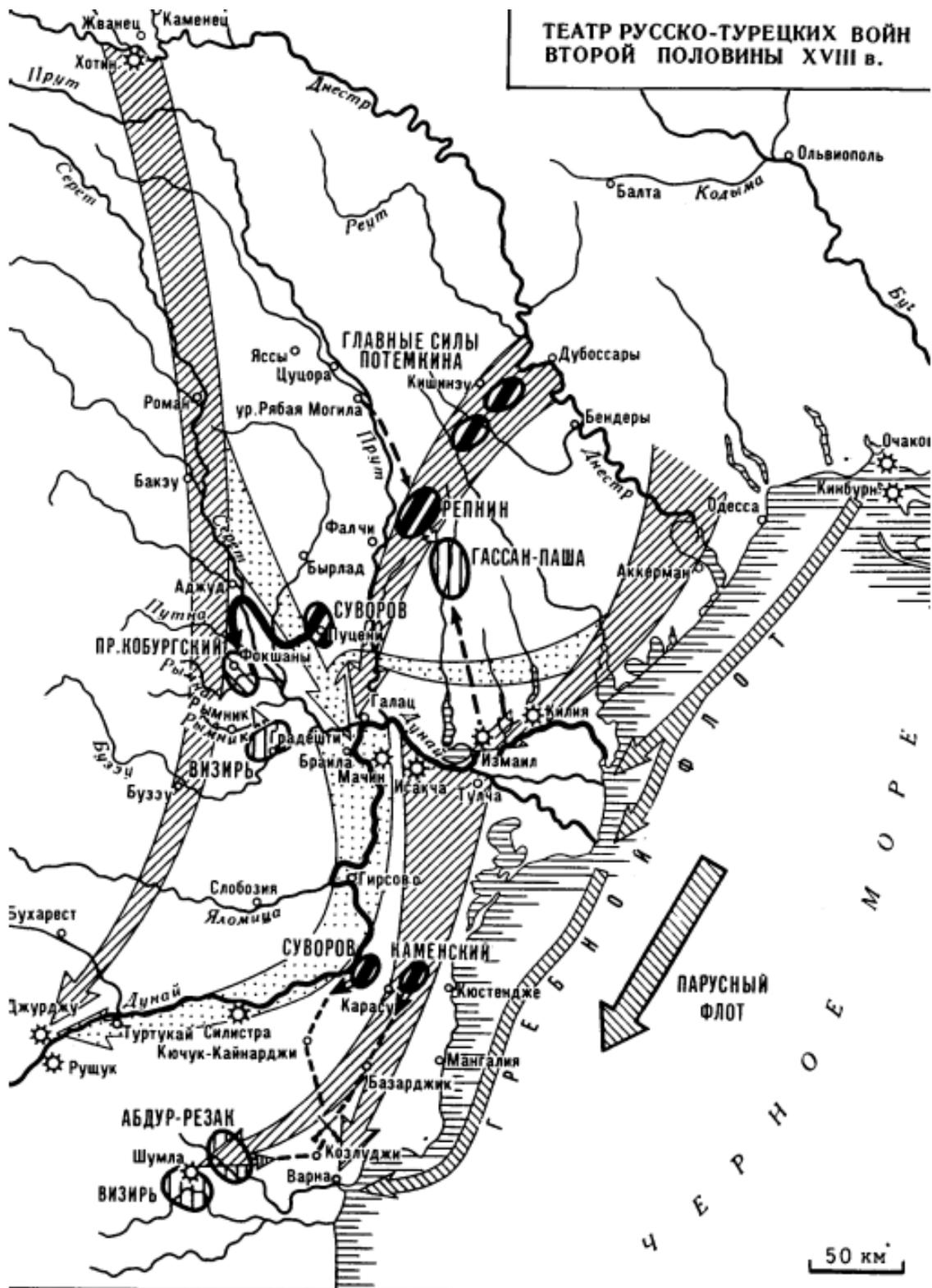
Суворова переводят в Финляндию, где, вблизи Швеции, обстановка казалась предвоенной. Суворов объезжал укрепления, анализировал возможное развитие боевых действий. Но пробыл там недолго. После затишья 1772 г. активизировались боевые действия на Дунае. На этот театр военных действий Суворов рвался давно, и наконец, ему суждено было скрестить клинки с янычарами в армии графа Румянцева, в дивизии генерал-поручика И.П. Салтыкова.

О Суворове мало-помалу заговорили и в Европе, и в Петербурге – это было робкое начало мировой славы. Потому-то его, уже весьма уважаемого генерала, переводят в армию Румянцева, на фронт первой екатерининской Русско-турецкой войны. Суворов еще примет решающее участие в судьбе Польши – но через два с лишком десятка лет. А к тому времени боевые действия уже перешли за Дунай; Румянцева одержал над турками несколько блестящих побед, прежде всего упомянем Кагульскую...

Туртукайские победы

К Дунаю! Туда, где сражались две империи – Российская и Османская. Ещё полвека назад османы были для русских сильным, грозным соперником, который мог поставить вопрос «быть России или не быть». Теперь ситуация изменилась. Россия продвигалась на юг, теснила турок. Османы огрызались, иногда проявляли агрессию, на которую Россия отвечала так, что дипломатам из Лондона и Парижа приходилось немало перьев сломать, чтобы остановить экспансию империи Петра Великого.

На юге, на рубежах военных споров с османами, обессмертил своё имя Румянцев, под чьим командованием теперь посчастливилось служить Суворову. Этому смолоду удачливого полководца после Ларги и Кагула поэты сравнивали с великими римлянами, которые не спрашивали, сколько врагов, а интересовались только: *где враг?* Империя приобретала батальный лоск, возрождала доблесть римских легионов в XVIII в. Уже совершал подвиги на турецком фронте генерал Вейсман, Отто Адольф Вейсман фон Вейсенштейн. Лучший воин из остзейских баронов на русской службе. Он, практически одновременно с Суворовым, создал новую тактику, по-новому вёл войну. Подчас в Вейсмане видят «несостоявшегося Суворова» – и действительно, гибель в 1773 г. прервала блестящую карьеру генерала, освоившего науку побеждать. Суворов видел в нём достойного брата по оружию; в некотором роде Вейсман, раньше Суворова начавший совершать громкие победы, был для Александра Васильевича примером. С завистью и уважением Суворов, находясь в Польше, читал о сражении при Тульче, за которое Вейсман получил Георгия второй степени.

А. Обстановка на правом берегу Дуная в конце мая (стар. ст.) 1774 г. (перед началом наступления Каменского и Суворова к Козлуджи)

- Русские
- Турки

Б. Обстановка к 7-18 сентября 1789 г. (Рымникская операция; положение перед выступлением Суворова из Пуцени)

- Русские
- Австрийцы
- Турки

В. Суворовский план войны с Турцией 1793 г.

- Направление ударов по первому варианту
- Направления ударов по второму варианту

Весной и летом 1773 г. Суворов дважды овладевает Туртукаем. Быстрота и натиск, а также минимальные потери характеризовали первые победы генерал-майора над турками.

Это было время молниеносных действий и событий. В апреле Суворов получил новое назначение, а через месяц И.П. Салтыков был произведён в генерал-аншефы. Судьба благоволила сыну знаменитого полководца Семилетней войны, но к самостоятельной боевой деятельности Салтыков не был готов, предпочитая во всём следовать планам командования. А военная обстановка нередко требовала большей решительности. В Польше Суворов убедился, как важно на войне умение брать на себя ответственность, проявлять инициативу.

Между тем Суворов оставался в генерал-майорах, хотя по заслугам, по авторитету в армии новое звание – генерал-поручика – он заслужил ещё на польской земле. Во время сражения при Козлуджах задержка с производением в генерал-поручики дорого будет стоить Суворову.

Но – обо всём по порядку. Суворов принялся действовать на турецком фронте уверенно и изобретательно, как будто эта местность давно была ему известна.

Получив от пленных сведения о четырёхтысячном гарнизоне Туртукая, Суворов быстро составляет знаменитую диспозицию, чтобы в ту же ночь атаковать Туртукай. В этом памятнике суворовского военного искусства – и точность, и страсть:

«1. *Переправа* будет ниже Туртукая верстах в 3-х. Прежде переправлять пехоте по ее двум кареям одному за другим, потом резерву. Две пушки по причине неровного тамошнего местоположения должны оставатца при резерве и бить сначала сзади. При кареях командиры: в 1-м господин полковник Батурин, во 2-м подполковник Мауринов, в 3-м майор Ребок (резерв).

2. Господин полковник князь Мещерский командует на здешнем берегу и пол[ком] пехоты, что может быть останетца во 2-й транспорт – переправляет конницу, то-сть: прежде казаков, потом карабинер, однако, ежели будет благопоспешно, то при казаках несколько карабинер. Хорошо, ежели можно, люди на лотках, коней в поводах вплавь, а буде нет, то на лотках поелику то можно и нужда будет. С протчею кавалериею оставетца на берегу разделять оную и маскируя по его усмотрению, а казачьими пикетами Леонова тянет цепь к казакам Кашперова.

3. На здешнем берегу для закрытия наших судов и разбивания, как и поражения неприятельских, кои бы в переправу препятствовать покусились, – батарея: 2 единорога и 2 пушки (ядры бьют дале, а гранаты жгут). При сей батарее Кирилов. Пушки должны быть поставлены в способнейших местах и разделенно для крестных выстрелов и для оказания большого числа артиллерии. Зависят от благоучреждения г[осподина] полк[овника] кн[язя] Мещерского. Пехоты при артиллерии надлежащая часть. На той стороне при выгрузке пехоты по рассмотрению.

4. За исправность судов и поспешность в переправе отвечает г. Палкин. Г. п. к. Мещерский всему благопоспешествует.

2

1. *Атака* будет ночью с храбростью и фуриею российских солдат. В разстройки, против правого неприятельского положения, где у них первой незнатной лагерь, потом, пробиваясь до пашинских палат, где у них лагерь поменьше, а наконец и версты 3 оттуда далее до их лагеря побольше. Батарея их при первом за рытвиною, при пашинских палатах и уповательно, что та батарея посильней, непременно надлежит ее сорвать, следуя до третьего их лагеря.

2. Благопоспешнее ударить горою один каре выше, другой в пол горы, резерв по обычаю. Стрелки на 2 половины каждая на 2 отделения. Первая с правого карея, другая с левого

карей, с правого в пол горы, вперед и берегом; с левого, сбоку и спереди, стрелки алармируют и тревожат. Карей обходят рытвину или проходят через нее, где способно.

3. Переправляющаяся конница примыкает к резерву, казаки тоже и могут выезжать на тревоженье и шармицированье или примыкают к ближнему карею.

4. Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собою как и оба карей.

5. Турецкие суда отрезывает и отбирает ближней каре или, буде ближе, то резерв и тот час их спустить в устье Аргиса, против Кашперова.

6. Пушки турецкие отводятца в резерв, чтоб карей в их быстроте ими задержаны не были. А тяжелые и неходкие остаютца до времени, особливо ежели можно, срываютьца в воду. Заряды при пушках отвозятца також в резерв. Порох при пашинской квартире, ежели можно, отвозитца к нашим судам и переправляетца на сю сторону. Буде не можно, то срываетца в воду, дабы после от него не было вреда.

7. Как скоро г. майор Кашперов услышит первой выстрел, то переправляет пеших казаков на остров при командире и тревожит весьма поспешно и отводит.

8. Ежели г. полковник князь Мещерский за благо усмотрит переправить пеших карабинер на ту сторону для действия к Туртукаю, передаютца на его волю. А когда турки между тем учинят на судах паче чаяния какую вылазку на сию сторону, то их рубить, колоть и отрезывать.

Сия есть генеральная диспозиция атаки. Прибавить к тому, что турецкие обыкновенные набеги отбивать по обыкновенному наступательно.

А подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости господ командующих.

1. *Возвращение* по сю сторону быть надлежит по окончании действия и разбития турок во всех местах.

2. Турецкую отбитую артиллерию сколько возможно ставить на суда и к тому времени можно подвезть наш паром, что у Кашперова будет в устье Аргиса. Впрочем топить.

3. Прежде переправляетца конница, карабинеры и казаки, а пехота стоит на выгодном месте для прогона турецких набегов.

4. Между тем Туртукай весь сжечь и разрушить палаты так, чтобы более тут неприятелю пристанища не было.

5. Весьма щадить жен, детей и обывателей, хотя бы то и турки были, но не вооруженные. Мечети и духовной их чин для взаимного пощажения наших святых храмов.

Потом переправляетца и пехота и да поможет Бог!»

К туртукайскому подвигу Суворов готовился вдохновенно, искренне желая закрепить репутацию, заработанную в Польше, придунайскими победами. Суворов начинал изучать психологию турок и понимал, что восточный люд восприимчив к легендам и боится противника, оваянного ореолом непобедимости. Пришло время продемонстрировать туркам этот ореол во всей красе, пришло время сеять панический ужас. Помогла первая стычка с турками – когда тысячный отряд напал на казачьи пикеты, выставленные Суворовым, на отряд есаула Сенюткина. Генерал послал на выручку казакам эскадрон карабинеров Астраханского полка с полковником Мещерским. Атака карабинеров рассеяла турецкую кавалерию – и, как писал Суворов, «неприятель, будучи прогнат до судов, с крайней робостью метался на оные, где потонуло немалое число». А в схватке было порублено 85 турок. О русских потерях Суворов сообщает досконально: они фантастически малы. При нападении турки убили двоих казаков, в дальнейшем ранили ещё пятерых карабинеров и двоих казаков. И это чистая правда, а точнее – результат тщательной подготовки и грамотного управления войсками. В плен попали Бин-паша, два аги и шесть рядовых. От них-то Суворов и получил сведения о туртукайском гарнизоне: свыше четырёх тысяч конницы и пехоты.

После такого сражения турки вряд ли рассчитывали на скорый штурм со стороны небольшого суворовского соединения. Суворов без промедления начал готовиться к наступлению на Туртукай. Расчетливо устроил переправу через Дунай – и... Сам Суворов в итоговой, обстоятельной реляции Салтыкову так рассказал о сражении: «И как переправа началась, то неприятель с главной своей батареей делал беспрестанную стрельбу из пушек по лодкам и когда приближаться стали к берегу, то стоящие на супротивном берегу неприятельские пикеты произвели жестокою из ружей стрельбу по лодкам, но удержать не могли предприятия нашего. И как переправились на неприятельский берег, господин полковник Батурин с первою колонною прямо пошёл на упоминаемую их большую главную батарею, где было больших четыре пушки, бросился сам со всею колонною и ударил в штыки, несмотря на их жестокою пушечную и оружейную стрельбу, где я сам был и видел всё сие наших солдат мужественное происшествие. Батарея же была на вышине и обрыта валом, и крутизна того места была превеликая, где я и сам чрез то место лез и прямо он же, господин полковник Батурин, при мне, напав на первый стоящий их лагерь, который был позади их батареи, начал колоть и гнать. В то же время подполковник Мауринов, бросившись со своею колонною в левый фланг того лагеря и прошёл неприятельский лагерь, ударяя на их состоящую батарею на левом фланге лагеря, где было также 4 больших орудиев и обрыта большим рвом, взошёл на оную и, разив неприятеля, батареею овладел. В то ж самое время господин полковник Батурин, отрядя от себя подполковника Мелгунова с ротою гранадерскою, велел напасть на батарею, закрывающую суда на берегу реки Дуная, которую он, подполковник, сорвав и поразив неприятеля, взял; на ней было пушек три. Майора Ребока командировал я с резервом на левый фланг бывшего города Туртукай, к стороне Рущука, где была сделана батарея для прикрытия их третьего лагеря, а батарею неприятельскую сбил и стал на ней. Я ж господину полковнику Батурину приказал изо всех мест внутри города гнать неприятеля, где, что я сам видел, вышечисанное нападение во всех местах свой успех сделало с неустрашимым духом. Неприятель пришёл в отчаяние и страх, бежал, куда только глаза путь давали. Могу ваше сиятельство уверить: во вверенном мне корпусе как о штаб-, обер- и унтер-офицерах и солдатах, о их храбрости, что крайне страшна была неприятелю, хотя они и сами по батареям держались долго, но противу быстроты нашего нападения держатца не могли, и урон с его стороны простираетца пехоты и конницы до полутора тысячи человек. Солдаты ж, рассвирепев, без помилования всех кололи, и живой, кроме спасшихся бегством, ни один не остался». Похвалил Суворов солдат и за то, что они стремились именно поражать неприятеля, выполнять боевую задачу, а не зарились на его пожитки, на трофеи.

Мирных обывателей Суворов эвакуировал и, не мудрствуя лукаво, дотла сжёг городок. Весть об этом быстро распространилась среди турок, чего и добивался Суворов.

В разбитом Туртукае русский генерал чувствовал себя триумфатором: дело получилось, как он и предполагал, быстрое и победное. Подтверждался польский опыт, укреплялись суворовские воззрения на войну! В тот же день, в пылу сражения, карандашом начертил первую записку Салтыкову – подобные лаконичные первые рапорты в будущем победитель не раз будет отправлять Потёмкину: «Ваше сиятельство! Мы победили. Слава Богу, слава Вам!» (Известен и стихотворный экспромт Суворова: «Слава Богу, слава Вам! Туртукай взят – и я там!») А в следующей записке позволил себе пооткровенничать: «Милостивый государь граф Иван Петрович! Подлинно мы были вчера *veni, vedi, vici*, а мне так первоучинка. Вашему сиятельству и впредь послужу, я человек бесхитростной. Лишь только, батюшка, давайте поскорей второй класс». Речь здесь идёт, разумеется, о Георгиевском ордене второй степени – и в августе Суворов его получит. А слово «первоучинка» так и закрепится в истории за Туртукаем – за первой победой Суворова над турками. При штурме батарей и в бою за Туртукай было убито шесть суворовских солдат. Раненых оказалось около сорока. И это в бою с сильным четырёхтысячным гарнизоном! Состав суворовского корпуса был

невелик: около пятисот астраханцев да двести конников (из них полсотни – казачки). От взрыва турецкой пушки Суворов получил контузию – и запросил у Салтыкова разрешения «съездить в Бухарест на день-другой попарница в бане». Среди трофеев, кроме двенадцати пушек, имелась и речная флотилия из полусотни судов.

Турки не желали расставаться с Туртукаем: вскоре они снова стягивают туда войска и укрепляют разбитый лагерь. Суворов следил за их действиями, ставил в известность Салтыкова и ждал команды. В июне Суворов начинает готовить второй поиск на Туртукай, совершает удачную «разведку боем». Но военный совет отменяет новый поиск – и тогда Суворов пишет Салтыкову страстное, полное обиды письмо, в котором то сетует на лихорадку и другие несчастья со здоровьем, то требует разрешить штурм турецких позиций в сожжённом Туртукае! И снова Суворов смело противопоставляет паркетных генералов боевым – эта тема проявляется у него во всякой конфликтной ситуации, когда командование не проявляет компетентности. Как и в Польше, Суворов стремился воевать на свой лад, тем более – будучи уверенным в успехе. Он не считал боевую задачу выполненной, пока в Туртукае существовал турецкий укрепленный лагерь с многочисленным войском. И видел важность нового поиска в контексте всей войны. В нескольких стычках кавалерия Суворова (в том числе – казаки) попробовала на прочность турок. Корпус чувствовал уверенность в собственных силах, готов был бить турок – и Суворов понимал, что упускать возможности на войне нельзя.

30 мая Суворов с воодушевлением рапортовал Салтыкову о победе над турками корпуса генерал-поручика Потёмкина. Это был не кто иной, как Григорий Александрович Потёмкин, в недалёком будущем – всесильный муж императрицы и администратор России. 27 мая большой отряд турок напал на пикеты Потёмкина. Генерал подкрепил их гусарами и запорожцами и отбросил противника к Силистре. Суворов и Потёмкин были в то время генералами-соседями, сражались с турками плечом к плечу, бдительно охраняя позиции. В конце донесения Суворов сообщает: «На супротивном берегу неприятельских действий и его вновь обращений моими пикетами в прошедшие сутки ничего не примечено, команда здешняя впрочем благополучна».

В то же время Суворову пришлось идти на жёсткие меры, утверждая в войсках дисциплину и субординацию. Герой первого туртукайского сражения полковник Батулин, с которым Суворов быстро коротко сошёлся по прибытии на Дунай, был на пять лет моложе Суворова. Ситуация была щекотливой: сначала Суворов доверил Батулину должность коменданта в Негоешти. Когда же комендант-полковник отпросился по болезни в Бухарест – надеясь на дружеские отношения с Суворовым, он отбыл с позиций, не дождавись разрешения. Суворов понимал, что с таких нарушений дисциплины начинается разложение офицера, он сообщает о провинности Батулина Салтыкову, требуя учинить сатисфакцию. А потом получил подтверждение своим тревогам: во время болезни Суворова, в ночь на 8 июня, сорвалась попытка переправы астраханцев через Дунай. Присмотрев турецкие войска, Батулин проявил малодушие и отступил. Узнав об этом, Суворов пришёл в ярость. В очередном письме Салтыкову звучат отзвуки той бури: «Какой это позор. Все оробели, лица не те... Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся». Он просит отозвать Батулина – и прислать вместо него «смелых, мужественных офицеров». И всё-таки гнев Суворова не имел для полковника тяжёлых последствий, и за первый поиск на Туртукай он вскоре был награждён Георгием четвёртой степени.

За первые две недели лета Суворову удалось расширить свой отряд: теперь под рукой Суворова были два казачьих полка, а также – уже испытанные под Туртукаем астраханцы и апшеронцы, копорцы, ингерманландцы. Наступление поддерживала полевая артиллерия.

В ночь на 17 июня Суворов повёл войска в атаку на турецкий лагерь в разорённом Туртукае, следуя ордеру Румянцева от 6 июня «содействовать предпринятым им противу неприятеля намерениям». В известной степени это было самостоятельное решение.

Суворов совершенствует кольбергскую тактику Румянцева. Во втором поиске на Туртукай впереди трёх каре действовал рассыпной строй стрелков. В арьергарде шли апшеронцы – пехотный батальон секунд-майора Фишера. Во время приступа турки пошли в отчаянную, многолюдную контратаку. Тогда ударили переправившиеся через Дунай казаки, которые гнали отступившего противника пять вёрст. Потери турок были значительны: из семитысячного отряда – более тысячи человек одними убитыми. Погиб двухбунчужный паша Фейзула Сары, Даслан-паша бежал с поля боя с тяжёлым ранением. Суворов потерял шесть человек убитыми и 87 – ранеными.

И реляцию Суворов составлял обстоятельно, прибегнув к помощи соратников. Приведу только финал: «Неприятель, встречен пушками будучи, зачал бежать, а господин подполковник Шемякин и с ним майор Колычев, тотчас врубясь в неприятеля, совсем обратил в самое беспорядочное бегство, где казацкой полковник Леонов и есаул Сенюткин с казаками, последовав за сим и поколов оных немалое число, отбил трехфунтовую медную пушку, послал еще сих же казаков неприятеля далее преследовать, кои преследовав до нижнего их лагеря с подкреплением кавалерии, которая не довольна до лагеря, но и за оной от четырех до пяти верст гналася. Четыре ж роты мушкатер с капитаном Козловым-Угрениным, коему велено было следовать в неприятельской лагерь, которые, поражая неприятеля, привели до такой трусости, что оной, оставив почти весь лагерь с сильным окопным ретранжаментом и девять медных пушек, двадцать пять новых чаек, шесть судов с мачтами и четыре лодки, ушел».

Результаты поиска Суворов описал подробно, во многом – чтобы избежать новых упрёков в самоуправстве: «Паша же убит, что я сам мог приметить, находящимся при мне на ординарии сержантом Горшковым в то время, когда неприятельская конница делала атаку на ретранжамент, да сверх сего он же убил еще трех и много других ранил. Хотя ж объявляют пленные, что их было в Туртукае не менее шести тысяч человек, однако я сего числа верно положить не могу, а как мог я сам приметить, то оных было от трех до четырех тысяч. С нашей стороны убито: сержант один, гранодер один, мушкатер два, карабинер один, казак один. Ранено: Астраханского карабинерного секунд-майор Гранкин контузией, корнет один, Астраханского пехотного капитанов три, порутчик один, сержантов два, капрал один, гранодер двадцать девять, мушкатер восемнадцать, Астраханского карабинерного вахмистр один, карабинер семнадцать, Ингерманландского карабинерного карабинер два, Апшеронского баталиона прапорщик один, гранодер два, мушкатер один, Копорского мушкатер девять, Донского войска сотник один, казаков пять, нововербованных два, Ингерманландского карабинерного строевых лошадей убита одна, ранено семь. В добычу получено пушек медных четырнадцать и один ящик, из коих одна по приказу моему за неудобностию брошена в средину Дуная. Конец же всей сей экспедиции совершился сим, что забрал неприятельские пушки и все вышепоказанное и, сядши в суда, с божиею помощию возвратился на свой берег, куда прибыв, принес всемогущему богу благодарение и, сделав расположение, оставил Ингерманландского карабинерного полку господину полковнику Норову ордер в такой силе, чтоб он взял свой пост поблизости к Негоешту, надзирая Обилештской пост. Копорского ж полку секунд-майора графа Мелина оставил я при Негоештском укреплении с двусотою его командою рекрут, на некоторое время. Сим рекрутам должно отдать справедливость, что оные, будучи в первом еще действии против неприятеля, столь мужественными себя оказали, что заслуживают особую похвалу».

При дворе начала складываться легенда об удачливом, но диковатом чудеке – легенда, без которой суворовский образ непредставим.

Суворов не забывал заботиться о болгарском населении Туртукая, которое неизменно относилось к русским солдатам по-братски, но терпело военную разруху. Сначала Суворов переправил их на другой берег Дуная, о чём написал Салтыкову: «Живущие ж в Туртукае болгары все переправлены на сей берег числом семей 187, в коих мужеска полу 299, женского 364 души». Турки обращались с болгарами в лучшем случае пренебрежительно, а подчас – и жестоко. Болгарские крестьяне сразу почувствовали доброе отношение и русского солдатства, и генерала. Выбрав из числа болгар сильных, ловких, настроенных против турок мужчин, Суворов предложил создать из них гребную команду: «Гребцы ж способные выбраны из вышедших болгаров, которых, снабдя хлебом, обнадёжил как заплатою за труды им денег, так и позволением поселиться, где кто по своему желанию захочет». Требовалось 550 гребцов. Проверив их на деле, Суворов увидел, что и самые физически крепкие из них (а болгары – народ атлетический!) измождены, деморализованы отсутствием пристанища. Они уставали от тяжёлой работы, не было мочи работать вёслами. Пришлось отказаться от болгарской гребной команды... Суворов разговаривал с ними по-русски, по-турецки и, схватывая на лету, по-болгарски – и получил немало сведений о турках, об их местонахождении в Болгарии. Восторженная молва о русском генерале, который и турок побил, и с крестьянами дружбу водил, пошла по болгарским поселениям. Болгары изъявили желание «пользоваться высочайшей протекцией её императорского величества» – и Суворов направил обозы с переселенцами в Молдавию, под охрану российской короны и наших победительных войск. Забота о подпавших под турецкое иго православных народах давала и Суворову, и всему русскому воинству чувство морального превосходства, очень важное на войне. Балканские народы окончательно получают свободу гораздо позже и, разумеется, с помощью русской армии, с помощью потомков Суворова. Но будут помнить и о героях старых Русско-турецких войн, пришедшихся на времена куда более серьёзной военной силы Османской империи, будут помнить и о Суворове.

Тем временем на отдалённом от Суворова участке театра военных действий другое подразделение армии Румянцева попало в трагическое положение. Речь идёт о генерале Вейсмане. Главные силы Румянцева переправлялись у Гуробал. Вейсман отличился в этой операции, своими успешными атаками обеспечив переправу. Под Силистрией, в июне, Румянец узнал о приближении двадцатитысячного корпуса Нуман-паши, который грозил отрезать русскую армию от переправ. Чтобы избежать ловушки, Румянец прервал осаду Силистрии, армия спешно отступала на левый берег Дуная. Прикрывал отступления испытанный корпус Вейсмана.

С пятитысячным корпусом 22 июня генерал Вейсман атаковал Нуман-пашу у Кючук-Кайнарджи. Сражение принесло новую победу, был занят неприятельский лагерь с трофеями, но отважный генерал был смертельно ранен. «Казакки сказывали ещё не верно о Вейсмановой смерти в Гуробалах», – писал Суворов Салтыкову 25 июня. Но трагическая весть оказалась правдивой.

Памятны слова Суворова: «Вейсмана не стало – я остался один». А в письме И.П. Салтыкову Суворов рассуждает о трудностях военной службы на примере судьбы Вейсмана: «Бегать за лаврами неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да ещё хорошо, коли с честью и пользою» (июль 1773). И в Италии, через много лет, в 1799 г., в письме А.К. Разумовскому Суворов вспоминал Вейсмана, сравнивая его – единственного в российской армии – с самим собой: «Вейсмана не стало, я из Польши один бью; всех везде бьют. Под Гирсовым я побил, сказал: «Последний мне удар!» То сбылось, я погибал». Трудно было забыть кампанию 1773-го – и гибель Вейсмана, и победы при Гирсове и Козлуджах, и обида после заключительной победы в той войне.

Мало что остаётся в исторической памяти народа. Вот и имя Вейсмана осталось где-то на третьем плане наших представлений об истории русской армии.

Это было критическое, самое жаркое лето войны. Годы спустя Державин напишет в оде «Водопад»:

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной ночи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью и сквозь роши
Вкруг Измаила ветер шумит,
И слышен стон, – что турок мнит?
Дрожит, – и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И росс в крови их по колени!

Суворов праздновал туртукайскую победу и молитвенно оплакивал боевых товарищей. За смелую инициативу Румянцев хотел примерно наказать Суворова, но молва преувеличила многократно масштабы наказания – чуть ли не до смертной казни! Существует легенда: будто бы именно тогда императрица изрекла: «Победителей не судят». Замечательное крылатое выражение, но к реальной судьбе Суворова оно не имеет отношения.

Гирсовская виктория

Осенью Суворов получает новый приказ Румянцева. Туртукайский победитель возглавляет русское укрепление в Гирсове и, отражая турецкий удар, громит превосходящие силы противника. Об этой замечательной победе стоит рассказать подробнее.

Тактика поисков, в ходе которых уничтожались турецкие части, не позволяла противнику сосредоточить в подбрюшьё позиций российской армии многочисленное войско. Александр Васильевич был сознательным сторонником такой войны. Успехи Суворова в Туртукае позволили другим русским частям приступить к атакующим, истребительным операциям. Но кампания 1773-го не была для России безоблачной. Тот же генерал-аншеф Салтыков терпел чувствительные поражения. И Екатерина по достоинству оценила подвиг Суворова: он был награждён орденом Св. Георгия второго класса. Русские войска отступали на левый берег Дуная, приступая к оборонительным действиям.

Погибает в бою генерал Вейсман. Разбит и пленён полковник Репнин. Неудачи, отступления... Единственной цитаделью Румянцева на правом берегу оставался Гирсов (Гирсово) – важнейший пункт, вокруг которого во многом решалась судьба кампании. Румянцев вызывает Суворова к себе и в личной беседе поручает оборону Гирсова. Ордер о новом назначении генерал-майора Суворова был подписан 4 августа. «Делами вы себя довольно в том прославили, сколько побудительное усердие к пользе службы открывает вам путь к успехам», – писал Румянцев. На этот раз у Суворова были развязаны руки: Румянцев выразил надежду на искусство своего генерала.

Суворов прибыл в Гирсов и без промедлений принялся укреплять местный замок. Ежедневно он объезжал окрестности, изучал местность. В отдалении от замка, в устье реки Боруя, на возвышении, строились шанцы. Это укрепление называлось «Московский ретраншемент» и прикрывало переправу через Боруя, которую освоили наши войска. Другие подходы к Гирсовскому замку отныне прикрывали редуты. В команду Суворова поступили Первый Московский и Выборгский пехотный полки, а также отряд казаков-запорожцев. Некоторое время Суворов держал укрепление с таким малочисленным отрядом. Румянцев был скуп на подкрепления, стремился достигать успеха наименьшими силами. И всё-таки он усилил соединение бригадой генерал-майора А.С. Милорадовича, поступившей в командование Суворова (впрочем, сам Милорадович в те дни был нездоров, и его замещал полковник Д. Мачабелов). Два пехотных полка, три эскадрона гусар, артиллерия – неплохая подмога Гирсову. Эти войска Суворов разместил на правой стороне Боруя, создав своего рода маневренный резерв.

В начале сентября к Гирсову выступил десятитысячный турецкий отряд. Казачьи заставы отступали, огнём турок не встречали: Суворов заманивал противника ближе к укреплениям. Позже казакам было приказано оказывать туркам посильное сопротивление. Турки, уверенные в том, что основные силы русских сосредоточены в замке, подошли вплотную к редутам и к Московскому ретраншементу. Массированную атаку на ретраншемент отразила артиллерия полковника Бахметьева. Турки отступили. Тем временем Суворов сосредоточивал силы для наступления по левому берегу Боруя. В атаку с полковником Мачабеловым пошли Севский и 2-й Московский полк – из войск Милорадовича. После битвы Суворов выделял командира 2-го Московского полка Гагарина, который с берегов Дуная ударил во фланг турецких позиций. Турки были отброшены – и начали беспорядочное отступление. Суворов лично возглавил кавалерийский отряд преследования. Русская кавалерия добивала бегущего противника на протяжении тридцати километров. Осмотрительные действия Суворова в Гирсове, когда вся операция была проведена с образцовым хладнокровием,

без преждевременной атаки и чрезмерного увлечения преследованием противника, опровергают представления о Суворове как о прямолинейном волевом генерале – «сорвиголове». Первым это понял Румянцев, внимательно следивший за положением дел в Гирсове.

Возвратившись в Гирсов, Суворов подвёл итоги дня: «совершенно приобретённая над неприятелем победа». Турки потеряли более тысячи только убитыми. В корпусе Суворова было 10 погибших и 167 раненых. Суворов не забыл упомянуть их по именам в реляции: «В плен взято до двухсот человек, но из них большая часть от ран тяжелых умерли, а 50 живых приведены. С нашей же стороны убиты: Венгерского гусарского полку капитан Крестьян Гартунг, вахмистр 1, капрал 1, гусар 6, мушкатер 1, лошадей строевых 25, казачьих 6; тяжело ранены поручики: Андрей Каширинов и Гаврила Зилов, прапорщики: Василий Ладович и Георгий фон-Блюм, полковой лекарь Штейдель; сержант 1, гранодер 9, мушкетер 31, бомбардир 1, гусар 18, сотник 1, козак 1. Легко ранены: подпоручик Федор Кусаков; прапорщики: Дмитрий Волженской и Алексей Исаков; гранодер 15, мушкатер 46, бомбардир 1, гусар 25, сотник 1, казаков 9, лошадей строевых 38, казачьих 8». О раненых в гирсовском лагере заботились рачительно: так, Суворов отметил, что в отряде князя Мачабелова из ста раненых ни один не умер.

В журнале военных действий первой армии о Гирсовском сражении была сделана обстоятельная запись, достаточно точно отражающая обстоятельства сражения: «От генерал-майора Суворова об одержанной при Гирсове над неприятелем победе получен обстоятельной рапорт следующего содержания:

Сего месяца на 3-е число ввечеру, в расстоянии от Гирсова верст за 20, показалась на высотах неприятельская конница, которой по примечаниям было до трех тысяч, и расположилась тамо на ночлег, не чиня никакого препятствия и нападения на расставленные от Гирсова к Бабадам для сообщения с корпусом генерал-поручика и кавалера барона Унгерна казачьи форпосты. А 3-го числа поутру в 7-м часу, оная неприятельская конница, сделав движение к Гирсову, начала приступать к отъезжим казачьим форпостам так близко, что оные принуждены были от своих постов податься к Гирсову. За сею конницею, по приближении к Гирсову верст за шесть, открылась неприятельская пехота, построенная в три линии, числом, по уверению пленных, более 4000, которой фланги и ариергард прикрываем был конницею, а между тем их кавалерия по несколько, а всей до 6000 начала уже подходить к Гирсовскому укреплению и редутам на пушечной выстрел. Тогда генерал-майор Суворов, не открывая батареи, чтоб тем лучше заманить неприятеля между огней от оных, велел только находящемуся при казаках Выборгского пехотного полку капитану Нелюбову и прапорщику Венгерских эскадронов Ладовичу делать с неприятелем перестрелку и сколько можно его стремление удерживать. Но когда неприятель зачал усиливаться великою толпою пехоты с его артиллериею, то тотчас приказал он, Суворов, гирсовскому коменданту полковнику Думашеву, естли бы неприятель покусился на замок, защищаться, а между тем, стоящие за рекою Баруем бригады генерал-майора и кавалера Милорадовича полки, командовавшему на сей случай оными старшему полковнику князю Мачабелову построить в два карея с резервами и, сняв палатки, состоять к сопротивлению в готовности, також и Венгерским эскадронам. Неприятельская пехота приближалась уже к Гирсову версты за две, а как конница начала подъезжать под самые сделанные у замка редуты, в которых командовали: в 1-м – Выборгского пехотного полку секунд-майор Бутурлин, а на высоте в редуте, того ж полку секунд-майор Пасиет, при устье ж реки Баруя на большой горе с первым Московским полком в ретраншаменте был полковник Бахметьев, то пехота неприятельская, не подходя к замку на пушечной выстрел, стала принимать вправо к высотам по берегу реки Баруя против ретраншаamenta, где заняв один пригорок и поставя свою артиллерию, открыла стрельбу по оному; часть же далкиличев (далкиличи – отборная турецкая лёгкая пехота, вооружённая только саблями. – А.З.) начала рассыпаясь подходить к оному ретраншаменту. В самое сие

приближение неприятельской пехоты полковник Бахметьев открыл батарею и своими как пушечными, так и ружейными выстрелами учинил неприятелю великий вред, так что оной принужден, оставя более ста тел на месте, отступить, а между тем как полки Севской и второй Московской и гусарские эскадроны, переправившись на здешнюю сторону речки Баруя, состояли в готовности встретить неприятеля, то и велено им вступить в атаку, из коих второму Московскому приказал полковник Мачабелов следовать по дунайскому берегу между Гирсова и ретраншамент; полку первому Московскому – против неприятельского левого крыла, а сам с Севским полком и гусарскими эскадронами пошел вниз по речке Баруе в левую сторону ретраншамент долиною на гору против неприятельского правого крыла, где самое было от неприятеля жестокое усиление на ретраншамент. И как скоро полк Севской начал к той долине подходить, то неприятель конницею и пехотою усиливался, производя жесточайшую ружейную и пушечную стрельбу, которою и препятствовал по трудной крутизне всходить нашей пехоте. Но означенной полковник князь Мачабелов, приметя сие, отрядил с резервом, состоящим из одной гранодерской и одной мушкатерской рот, одного ж полку премьер-майора Фаминцына и приказал ему, несмотря на сопротивление неприятеля и жестокую стрельбу, идти на гору вправо и ударить в штыки, которой, то исполняя, шел вперед с отличным мужеством и храбростию, подавая тем и подчиненным своим пример к преодолению трудностей и, получа еще в подкрепление две роты, неприятельскую пехоту опровергнув, привел в замешательство, а засим и сам полковник князь Мачабелов с полком пошел на гору влево, куда сильное неприятель нападение устремлял, чтоб тем поставить неприятеля: первое – между двух огней, а другое – чтоб можно было поскорее и полевую артиллерию взвести на гору, в чем артиллерии капитан Коцарев весьма и преуспел своим проворством и искусством. Сколь скоро означенной полк взошел, то не дал неприятелю, которой был уже на высоте и скрывался между кустов, подавая вид к атаке, нимало покушаться, а взвезши на гору полевую артиллерию, полковник Мачабелов приказал артиллерии капитану Коцареву по неприятеле стрелять и сбивать с высоты, который сие и исполнил с точностию. Сам же он, Мачабелов, с пехотою пошел штурмовать гору, где неприятель находился, и одного из ущелин выгнал и с высоты сбил и тем в такое привел замешательство, что легко можно было приметить его колебание, отчего на высоте оставил он и свою батарею с орудием. Майор же Ширков, командированной на другую сторону речки Баруя с стрелками и двумя пушками для прогнания неприятеля, покусившегося конницею переправляться чрез сию речку, тотчас одного атаковал и прогнал.

Полковнику князю Гагарину со вторым Московским полком приказал он, Мачабелов, неприятеля атаковать от берегу Дуная и заходить во фланг, почему он тотчас встретил неприятеля пушечными и ружейными выстрелами с особливою храбростию и расторопностию и, приведши в замешательство, не дал оному воспользоваться авантажами, и хотя неприятель и старался скрываться в долину, однако оную у него отрезал, и неприятель после того решился к бегству, которого, когда он выходить начал кучами из долины, стоящей в редуте майор Пасиет, открыв свою батарею, поразил много.

В таком превозможении неприятель несколько раз искал еще остановиться, но, будучи предупреждаем всегда храбростию наших войск, не мог исправиться, а более приходил в замешательство. Генерал-майор Суворов, обзря сие, велел Венгерских эскадронов подполковнику барону фон-Розену в неприятеля врубиться, который одного атаковав, и своим ударом понудил тем больше к беспорядочному бегству. А затем генерал-майор Суворов, взяв бригаду из упоминаемых двух полков, пошел неприятеля гнать, а гусарские эскадроны с подкреплением стрелков и охотников при майоре Ширкове и капитане Яновиче, при двух полковых орудиях, послал пред собою для поражения бегущих. Пехота наша хотя и была близко и делала вред, но не могли большего в преследовании иметь дела, по причине, что непри-

ятель наконец бежал во всю мочь и нигде не мог остановиться, бив сильно поражаем от подполковника и кавалера барона фон-Розена, которой с своими эскадронами рубил оного.

Сим образом гоним был неприятель до 30 верст, пехоту свою оставляя за собою острию меча...

Когда уже ночная темнота не позволила далее бегущих преследовать, то генерал-майор Суворов, свою пехоту остановя для отдохновения, велел, между тем, оставленному тут с казаками секунд-майору Завадовскому примечать неприятельское движение и сколь можно причинять ему вред и беспокойство, который точно сие и исполнил, поколов много бегущих, а он, генерал-майор Суворов, возвратился потом с войсками к Гирсовскому укреплению.

Засвидетельствовал он в своем рапорте к господину генерал-фельдмаршалу, что сия совершенно приобретенная над неприятелем победа приносит всем вверенным ему подчиненным справедливую похвалу за мужество и их храбрость, что каждой из штаб-, обер- и унтер-офицеров старался доказать прямую свою к отечеству ревность и усердие. В сие сражение побитых с неприятельской стороны около редутов и ретраншаментов 301 человек на месте оставлено, да в погоне побито пехотою более тысячи, гусарами порублено 800, кроме тех, коих по сторонам и в бурьянах перечесть не можно. В добычь получено пушек 6 и одна мортира с их снарядами и одним ящиком, премного обоза, шанцевого инструменту и провиант.

В плен взято до двухсот человек, но из них большая часть от ран тяжелых умерли, а 50 живых приведены. С нашей же стороны убиты: Венгерского гусарского полку капитан Крестьян Гартунг, вахмистр 1, капрал 1, гусар 6, мушкатер 1, лошадей строевых 25, казачьих 6; тяжело ранены поручики: Андрей Каширинов и Гаврила Зилов, прапорщики: Василей Ладович и Георгий фон-Блюм, полковой лекарь Штейдель; сержант 1, гранодер 9, мушкетер 31, бомбардир 1, гусар 18, сотник 1, козак 1. Легко ранены: подпоручик Федор Кусаков; прапорщики: Дмитрий Волженской и Алексей Исаков; гранодер 15, мушкатер 46, бомбардир 1, гусар 25, сотник 1, казаков 9, лошадей строевых 38, казачьих 8».

В укрепленном, обжитом Гирсове Суворов пребывал до зимы. Ретраншемент оставался неприступным для турок. После сражения, в конце сентября, снова были приняты меры к усовершенствованию укреплений. Неприятным эпизодом стал донос на Суворова, который-де оставил в Гирсове солдат без крова, сорвал постройку временных казарм. Характерно, что за гирсовскую победу Суворов не был награжден, хотя в Петербурге викторию отметили салютом...

Гирсов оставался для турок неприступным, а Суворов стал настоящим героем неудачной для России кампании 1773-го. В начале декабря Суворов получает отпуск: ему предстояла поездка в Москву, в родительский дом, и женитьба на княжне Варваре Ивановне Прозоровской. Сам фельдмаршал Румянцев стал родственником Суворова, он был женат на родной тётке Варвары Ивановны, урожденной княжне Екатерине Михайловне Голицыной. Впрочем, генеральное сражение личной жизни непобедимый полководец проиграет: брак окажется муторным, неудачным.

В новой кампании граф Задунайский намеревался перенести действия на противоположный берег Дуная, гнать турок до Балкан и добиться выгодного для Российской империи мира. В ведении Суворова оставался Гирсов, а также Силистрия. Предстояло действовать совместно с корпусом генерал-поручика Каменского – отчаянного и честолюбивого военного вождя.

Заслуги Суворова в кампании 1773-го были вознаграждены очередным запоздалым повышением по службе. Лишь в начале марта 1774 г. его производят в генерал-поручики. Теперь, находясь в одном звании с Каменским, Суворов всё же считался «младшим» в их тандеме, так как Михаил Федотович Каменский стал генерал-поручиком ещё в 1773-м. Суворов был на восемь лет старше Каменского, имело значение и то, что Каменский ещё не был

награждён орденом Св. Георгия второй степени, и то, что до злополучного производства Каменского в генерал-поручики он отставал от Суворова по генеральской иерархии. Но всё же более раннее произведение в генерал-поручики, по традиции, имело решающее значение. Эта полугодовая задержка в повышении (а Суворов, право слово, вполне заслужил его ещё польскими победами!) стала роковой в событиях вокруг Козлуджей.

Обманутый муж

Возвратимся к кратковременным радостям и постоянным мытарствам личной жизни Суворова. О желании Василия Ивановича породниться с Прозоровскими мы уже вспоминали. В конце 1773 г. эти слова в устах престарелого генерала звучали уже как последняя воля родителя. В отсутствие сына Василий Иванович долго выбирал для него невесту. Прозоровская подошла, главным образом, из-за титула...

Окутанный восторженными пересудами, победитель приезжает в Москву, в отцовский дом у Никитских – и, исполняя волю родителя, мечтавшего о продолжении рода, в январе 1774-го женится на Варваре Ивановне Прозоровской. Венчались они, предположительно, в московской Вознесенской церкви «что в Сторожах». Этот храм – Большое Вознесение у Никитских ворот – хорошо известен москвичам. Там венчался Пушкин, там отпевали актёров Малого театра Щепкина и Ермолову... Современное ампириное здание церкви построено в середине XIX в. А Суворов молился и венчался в храме, построенном в 1685 г. на средства царицы Натальи Петровны Нарышкиной, матери Петра Великого. От архитектуры суворовских времён осталась колокольня, восстановленная недавно по образцу XVII в. (отдадим должное современным архитекторам и строителям, восстановившим колокольню и уникальную церковную ограду во всём великолепии!). Предположение о том, что Суворовы венчались в Никольской церкви села Николо-Прозоровского, не кажется убедительным. Подмосковные экскурсоводы почему-то не любят вспоминать о том, что современный сельский храм с впечатляющей классицистической колоннадой был построен уже в 1792 г. по заказу нового хозяина, генерал-аншефа и будущего фельдмаршала Александра Александровича Прозоровского (не путать с генерал-аншефом И.А. Прозоровским, тестем Суворова!)... Прежняя деревянная церковь вряд ли вместила бы всех Суворовых и Прозоровских с их сановитыми гостями.

Союз с Прозоровскими породнил Суворовых и с Голицыными. Мать Варвары Ивановны была дочерью легендарного петровского фельдмаршала Михайлы Голицына-старшего, а её родной брат, дядя Варвары Ивановны Александр Голицын в 1770-е гг. занимал высокое положение при дворе, был аж вице-канцлером. Сразу после свадьбы А.В. Суворов обратился к новому родственнику с почтительным письмом, к которому его молодая жена сделала анекдотически безграмотную приписку: «астаюсь миластиваи гасударь дядюшка, пакорная и верная куслугам племянница варвара Суворова». Сделаем скидку на XVIII век, когда к формальной грамматике было принято относиться спустя рукава. Но Варвара Ивановна действительно не была интеллектуалкой, здесь и спорить-то не о чем.

Начались мытарства семейной жизни, о которой Суворов вспоминал в печально известной челобитной 1779 г. Этот печальный документ, составленный уязвлённым седым солдатом, я привожу без купюр: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьёт челом генерал-поручик Александр Васильевич сын Суворов, а о чём моя челобитная, тому следуют пункты:

1

Соединяясь браком 1774 года генваря 16 дня в городе Москве на дочери генерал-аншефа и кавалера князя Ивана Андреева сына Прозоровского, Варваре Ивановне, жил я без нарушения должности своей честно, почитая своей женой по 1779 г., чрез всё то время была плодом обременена три раза, и от первого бремени только дочь осталась в живых ныне, а от прочих ради безвременного рождения младенцы измерли.

2

Но когда в 1777 году по болезни находился в местечке Опошне, сперва она Варвара, отлучаясь своевольно от меня, употребляла тогда развратные и соблазнительные обхождения, неприличные чести её, почему со всякою пристойностью отводил я от таких поступков напоминанием страха Божия, закона и долга супружества, но, не уважая сего, наконец, презрев закон христианский и страх Божий, предалась неистовым беззакониям явно с двоюродным племянником моим С-Петербургского полка премьер-майором Николаем Сергеевым сыном Суворовым, таскаясь днём и ночью под видом якобы прогуливания, без служителей, а с одним означенным племянником одна по броворам, пустым садам и по другим глухим местам как в означенном местечке, равно и в Крыму в 1778 году, в небытность мою в квартире, тайно от неё был пускаем в спальню, а потом и сего года по приезде её в Полтаву оный же племянник жил при ней до 24 дней непозволительно, о каковых её поступках доказать и уличить свидетелями могу, а она Варвара за отъездом из города Полтавы пребывает в Москве.

3

И так таковым откровенным бесчестьем осквернила законное супружество, обесчестив брак позорно, напротив того я соблюдал и храню честно ложе, будучи при желаемом здоровье и силах своих, то по таким беззакониям с нею более жить не желаю.

И для того, дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие моё прошение в славянской духовной консистории принять и по изъяснённым причинам о разводе моём с вышепрописанною женою и о дозволении в другой брак поступить, на основании правил св. отцов и вашего величества указов учинить рассмотрение.

Всемиловитейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сём моём прошении решение учинить. Сентября дня 1779 года. К поданию подлежит в славянскую духовную консисторию. Челобитную писал, за неимением гербовой, на простой бумаге генеральный писарь Алексей Ефимов сын Щербаков. К сей челобитной генерал-поручик Александр Васильев сын Суворов руку приложил».

Эта тяжба была для Суворова мучительной. И она отнюдь не завершилась в 1779 г. В консистории Суворов получит отказ, а до окончательного разрыва с Варварой Ивановной его ждало ещё немало испытаний. На некоторое время императрица примирит супругов. Примирение произошло в Астрахани. Суворов потребовал, чтобы покаяние Варвары Ивановны закрепилось церковным обрядом возобновления брака. В бедной церквушке они появились, одетые по-простецки: Суворов – в солдатском мундире, Варвара – в худшем из своих платьев... После публичного покаяния супругов священник прочитал им разрешающую молитву и отслужил литургию.

Александр Васильевич попытается забыть измену «с премьер-майором Николаем Суворовым». Но очень скоро возникнут новые подозрения. Сына Аркадия Суворов долго не признавал за своего... Брак распадётся. Дочку, любимую Наташу, Суворов оставит при себе, оградит её от материнского влияния.

Александр Васильевич сохранит настороженное отношение к женщинам, станет говорить о них: «Они украли у нас рай!» Впрочем, мы забежали вперёд. В январе 1774 г., оставив молодую жену в Москве, Суворов отбыл в армию и продолжил придунайские подвиги. Вскоре, в марте, Суворов был произведён в генерал-поручики. Поздновато...

Сражение при Козлуджах

В кампании 1774 г. генералам Суворову и Каменскому предстояло взаимодействовать, совместно противостоять крупным силам турок. Первоначальная боевая задача была определена в румянцевском ордере Суворову о наблюдении за турецкими войсками у Гуробал – в краях, где погиб генерал Вейсман: «...Видя весьма великое несходство мест положения на карте, что я имею, воображаю себе, что ваше превосходительство имеете лучшие и потому желал бы я получить от вас оную с одной стороны, хотя по Гуробал, с другой по Карач и по линии вашей связи с г. генералом-порутчиком Каменским, начиная от Гирсова или от Черных вод».

Поклонник прусской системы, да ещё и горячий, необузданный Каменский был не лучшим соратником для Суворова. А Александр Васильевич стремился подкрепить новое воинское звание очередной победой. В конце мая войска Суворова вышли в поход совместно с армией строптивного генерал-поручика Каменского.

Граф Михаил Федотович Каменский (1738–1809) – личность во многих отношениях примечательная. Суворов уважал его за знание тактики, за солдатскую храбрость. Многие современники отмечали бесстрашие Каменского... Особенно – император Павел Первый, к возмущению многих произведший Каменского в графы и возвысивший над генералами. В кампанию 1806 г. император Александр Первый назначит престарелого фельдмаршала главнокомандующим, но помериться силами с Наполеоном Михаилу Федотовичу не довелось. Накануне Пултусского сражения фельдмаршал покинул армию, сославшись на болезнь. Вот уж конфуз! Император прекрасно понимал, что дело не в физических недомоганиях, а в болезненном самолюбии Каменского, но простил старика. Отставной фельдмаршал удалился в деревню, где нашёл свою гибель 12 августа 1809 г. Полководец, никогда не кланявшийся пулям, не уберётся от крестьянского топора... В заговоре против фельдмаршала участвовала его молодая любовница, которую тяготили отношения со стариком. На роль убийцы выбрали дворового, брат которого был забит розгами по приказу Каменского... Двум фореиторам и лакею, сопровождавшим фельдмаршала в поездках, было строго-настрого запрещено оборачиваться. Этот приказ стал для Каменского роковым самодурством: его слуги зорко смотрели вперёд, на дорогу, когда убийца со спины рассёк барину череп... Молодой поэт Василий Жуковский написал прочувствованные стихи «На смерть фельдмаршала графа Каменского»:

В сей таинственный лес, где страж твой обитал,
Где рыскал в тишине убийца сокровенный.
Где, избранный тобой, добычи грозно ждал
Топор разбойника презренный...

Но это в будущем, а будущее таится в тумане... В 1774 г. этот незаурядный генерал был ещё полон сил и амбиций. Суворов стал генерал-поручиком позже своего младшего по возрасту коллеги, это обстоятельство давало Каменскому формальное преимущество, право руководить операцией. Однако Суворов, отмахнувшись от правил, взял инициативу в свои руки и в нелёгкой битве разбил турок.

В жизни графа Каменского было немало контрастных взлётов и падений. Несмотря на несносный нрав, порой ему сопутствовало везение, и он попадал в фавор, узнав, между прочим, и милость графа Задунайского... Каменский в конечном итоге испортит отношения и с Румянцевым, и с Потёмкиным, и позже, с императором Александром Павловичем. Камен-

ский считался исправным офицером, был храбр и стоек, но к числу лучших русских фельд-маршалов историки его не относят, и это справедливо.

Итак, два генерал-поручика съехались на военный совет, на котором было решено начинать совместное наступление на Базарджик и к Козлуджам. Каменский начал марш на Базарджик, Суворов должен был прикрывать его наступление со стороны Силистрии. Но Суворов, под предлогом ожидания полков, задержал наступление на два дня и изменил маршрут. Каменский не преминул пожаловаться Румянцеву на неподчинение Суворова, который «неизвестно где находится». Румянцев занял двусмысленную позицию. Можно подозревать, что он рассчитывал на эффективность самостоятельных действий Суворова и потому не подчинил его напрямую Каменскому. В свою очередь, Каменскому Румянцев рекомендовал брать инициативу и руководство в свои руки, не обращаясь к посредству командования главной армией... Ордер Каменскому русский Нестор князь Задунайский составил с дипломатическим красноречием: «...Я удивляюсь, что ваше превосходительство, имея мой ордер от 30 мая, в конце коего власть ваша ознаменена выражением, чтобы вы предписывали исполнять г. генерал-поручику Суворову, да и прежде того в ордере моем от 21 мая сложил я на благоучреждение старшего предводителя по предстоящим случаям и по надобности разделить свои части из обоих корпусов, уменьшая или прибавляя от одного к другому, как действия и самоположение для которой части того востребуют, вопрошаете еще меня о подчинении вам реченного генерала с его частью. Можно ли вам при таких предписаниях и, зная обряд военной службы, считать его более независимым от себя?..

...Господин Суворов рапортовал, что он намерен напасть в Караче на стоящего там, по показанию пленных, с войском Осман Пашу. Если бы сие собылось, послужило бы, конечно, такое дело к умножению вящему наших успехов и на облегчение достижения оных; но когда ваше превосходительство в соединенных силах пойдете к Шумле, то часть некоторую войск из резервного корпуса для наблюдения Силистрии не безнужно оставить, которая бы сообщалась и свое подкрепление иметь могла от двух полков пехоты и одного кавалерийского, которые я сей день предписал генерал-поручику князю Репнину переправить за Дунай и расположить на сопотивном берегу при Гуробале, о чем он, я считаю, и сам вас уведомит, а между тем к достижению желаемых успехов и все полки, назначенные к операциям, переправятся у Гуробал...» Суворову Румянцев написал суровее: «Рекомендую вам вследствие того, по повелениям и учреждениям г. генерал-поручика Каменского точно поступать тем образом, как долженствует генерал, один другому подчиненный. Я ожидал быть уведомлену в сем рапорте вашем, датированном от 30 числа из Рисоваты, о перемене вторичной вашего предположения, по которому вы расположили свой марш, и что вы о неприятеле открыть уже могли, как при подобных отправлениях о сем, яко главном пункте, то есть ссылаясь на прежние известия, ежели сверх оных ничего не прибавилось бы, или же какие вновь об оном имеете, должно всегда уведомлять». Старшинство Каменского всё же было чётко определено.

При соединении 8 июля у деревни Юшанлы дивизия Каменского состояла из двух гренадерских и одного егерского батальона, пяти пехотных полков, двух конных, одного гусарского и шести казачьих. Резервный корпус Суворова состоял из двух егерских батальонов, четырех пехотных полков, одного гусарского, одного пикинерного, одного казачьего полка и двух тысяч запорожских казаков. Корпус Суворова изначально численно превосходил дивизию Каменского (14 000 и 14 орудий против 10 850 при 23 орудиях). К тому же значительная часть дивизии Каменского не примет участия в бою, отстав при переходах. Итак, в Юшанлах войскам был дан отдых, а лёгкие кавалеристы из корпуса Суворова под командованием секунд-майоров Фёдора Козлянинова и Василия Арцыбашева совершили разведку боем. Они столкнулись с турецким отрядом, завязался бой, о котором тут же было доложено Суворову. Генерал-поручик немедленно послал подкрепление – кавалерию, с приказом биться до под-

хода пехоты. Превосходящие силы турок потеснили русскую кавалерию. Отступление конницы затрудняло марш пехотных батальонов. Судьба сражения висела на волоске, следовало немедленно перехватывать у турок инициативу. Суворов знал, сколь важна в бою скорость, набрав которую войско становится непобедимым.

Умение действовать быстро, опережая и ошеломляя противника, проявилось в тот день – 12 июня 1774 г. – сполна. Сражение началось в полдень. Вскоре к месту сражения подошли три батальона – два егерских и гренадерский. Суворов с марша построил их в боевом порядке: в центре – гренадеры подполковника Х.И. Трейдена, на левом фланге – егеря подполковника И.Г. Рёка, на правом – егеря подполковника И.Е. Ферзена. Суворов отодвинул кавалерию под прикрытие батальонов. Турки попытались атаковать отступающую утомлённую боем кавалерию, но своевременный и точный огонь егерей Рёка остановил их. Русские пехотинцы отбили ещё две атаки, обратили турок в бегство. Тогда в атаку полетела кавалерия! Они преследовали и рубили отступавшего противника. В наступление пошла и пехота в четырёх каре: в первом – Суздальский и Севский полк под командованием бригадира Мачабелова, во втором – батальон Трейдена, в третьем и четвёртом – егеря Ферзена и Рёка. Испытанные суворовские чудо-богатыри. Батальон Рёка шёл во второй линии. Войско шло к турецкому лагерю, укрепленному на высоте у Козлуджей. Войска сближались. Турки открыли пушечный и ружейный огонь; русская полковая артиллерия ответила незамедлительно. Изучив расположение турецких войск, Суворов совершил неожиданный маневр: батальон Рёка из второго ряда был перемещён в первый, укрепив позицию между каре Трейдена и Ферзена. Турецкие атаки были отбиты шквальным трёхчасовым огнём. Когда же противник «приведён был в рассыпку», русские батальоны, при поддержке огня, начали организованную атаку. Новый бой окончательно обратил турок в бегство. Преследовать турок была отправлена кавалерия. Но эндшпиль выдался непростой – он не был похож на рубку за Гирсовом. Суворов писал: «Уже турки всюду бежали; но ещё дело кончено не было. За их лагерем усмотрел я высоту, которую одержать надлежало. Пошёл я сквозь оной с подполковником Любимовым и его эскадронами, кареи ж оной обходили и тем нечто замешкались; по занятию мною той высоты произошла с турецкой стороны вдруг на нас сильная стрельба из больших пушек, и, по продолжению, приметил я, что их немного, то приказал от себя майору Парфентьеву взять поспешнее и скорее три Суздальских роты, их отбить, что он с крайней быстротою марша и учинил; всё наше войско расположилось на сих высотах, против наступающей ночи». Восемичасовое сражение продолжалось до двадцати часов. Турки сражались не слишком упорно, избегали рукопашных столкновений – и потому убитых было сравнительно немного. Зато Суворов собрал богатые трофеи: знамёна, орудия, турецкий лагерь... Отмечалось, что среди трофеев были 23 «новые медные хорошие пушки». Такие отливались для турецкой армии усилиями французского барона Франсуа де Тотта.

Нет сомнений, что победы добились именно войска Суворова, ведомые своим генералом. Приказы Суворова, его вера в испытанных офицеров, наконец, суворовская тактика прицельного огня – вот причины славной победы при Козлуджах. Вся инициатива принадлежала Суворову: и первоначальная разведка Козлянинова и Арцыбашева, и брошенные им на помощь войска, в составе которых сам Суворов возглавил сражение. О каком же «равном» участии войск Каменского и Суворова можно говорить, если в восьмичасовом бою Каменский попросту не принял участия?

Из Шумлы навстречу русскому корпусу выступила сорокатысячная турецкая армия (в её составе было до 15 000 конницы) под командованием рейсэфенди Абдул-Резака. 25-тысячный пехотный корпус возглавлял Янычар-ага.

В реляциях заслуги Суворова преуменьшались. Как-никак редактировал документ «старший» генерал Каменский. Он отметил «ревностные труды и оказанное мужество гене-

рал-порутчика Суворова в сей победе, коим, яко бывшим впереди, управляема была атака и неприятель был трижды опрокинут».

Победа при Козлуджах оказалась решающей в кампании 1774 г. для всей нашей армии, наконец, для подписания славного Кючук-Кайнарджийского мира: для русской армии открывался путь к Шумле, к последнему турецкому бастиону. Но заслуги Суворова снова были недооценены, лишь с годами, в лучах новых побед Суворова, историческая справедливость восторжествовала. Итак, в июле 74-го был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, по которому Турция признала независимость Крыма, на который Россия уже имела виды – как дипломатические, так и военные. По договору Россия получала возможность свободного плавания по Чёрному морю, которое снова начинало оправдывать древнее прозвание «Русское море». Россия приобретала важные приморские крепости – Азов, Керчь, Кинбурн, ставшие оплотами империи на южных рубежах. В пределы империи были включены долины Кубани и Терека, пространство между Бугом и Днестром. Султану пришлось выплатить и немалую контрибуцию. На вновь приобретённых землях и в Крыму начинался этап ответственных фортификационных работ. Окончив одну войну с Портой, Россия не переставала напряжённо готовиться к грядущим сражениям на юге.

Главнокомандующий, фельдмаршал П.А. Румянцев писал императрице: «Удар пехоты и артиллерии нашей, учинённый наступательно, решил победу». Но за чёткими строками победной реляции был скрыт конфликт генералов. Войска Каменского не приняли участия ни в первоначальной атаке, ни в длительном бою, ни в преследовании отступавших турок... В автобиографии Суворов не забыл сообщить, что по болезни «не отвечает» за реляцию Каменского Румянцеву, в которой Михаил Федотович всё-таки отметил «ревностные труды и оказанное мужество генерал-порутчика Суворова в сей победе, коим, яко бывшим впереди, управляема была атака и неприятель трижды был опрокинут». Любопытный факт: нередко в канун самых важных баталий Суворов попадал в конфликтную ситуацию или же ему изменяло физическое здоровье. Полководец как будто намеренно превращал ситуацию в критическую – и преодолевал себя молитвой и полководческой триадой (быстрота, глазомер, натиск).

Против речёного Емельки

Иногда история прошлых веков нам кажется тихой заводью по сравнению с бурной современностью. Но и в счастливом, победном XVIII в., который был для России временем расцвета молодой энергии, временем энтузиазма просветителей и богатырской славы воинов, общество не раз оказывалось лицом к лицу со смертельной опасностью. Государство в лице военачальников и дипломатов было вынуждено идти на жёсткие меры, действовать чётко и предусмотрительно, чтобы сохранить единство империи и упрочить её международное влияние. И Суворов – гений натиска – был убеждённым защитником интересов централизованной империи.

Екатерининская империя не была монолитом ни в культурном, ни в идеологическом смысле. Императрице удалось установить прочную по тем временам вертикаль административного управления. Но единство элиты и народа окончательно распалось. После Петровских реформ элитарная часть европеизированного дворянства и так разительно отличалась от народных масс, прочно связанных с русской крестьянской традицией. А после Указа о вольности дворянства и Жалованной грамоты поколебалась петровская система равенства всех перед государем и государством. Дворяне получили возможность не служить, не заслуживать свои привилегии. Права аристократии увеличивались, а обязанности – сокращались. И хотя Екатерине удалось реализовать управленческие и полководческие способности лучшей аристократической плеяды, в которую входили Румянцев, Панин, Потёмкин, Суворов, Безбородко, – получился ослепительный расцвет перед закатом. Начиналось разложение дворянства. Теперь между дворянином и крепостным, между барчуком и солдатом пролегла непреодолимая пропасть, им всё труднее было ощущать себя по одну сторону баррикад. Сплачивало ли православие? Лишь отчасти. Аристократ и мужик, по существу, не были братьями во Христе. Церковь в XVIII в. должна была либо подчиниться интересам государства и элиты, либо терпеть репрессии, как это было в годы правления Анны Иоанновны, и секуляризацию собственности, как это происходило на протяжении всего столетия. Сам принцип существования крепостнической аристократии, замкнутой в мире сказочных усадеб и рафинированных увлечений, был глубоко антихристианским. Можно ли вообразить картину, более чуждую евангельской идее, чем роскошный бал столичного крепостника? Как много лицемерия и лжи таилось за золочёными фасадами золотого века Екатерины! Русский бунт, так ужасавший Пушкина, в этих условиях был неминуем. Так что же, вслед за историками школы Покровского, мы должны, не скрывая возмущения, наречь реакционной суворовскую миссию в борьбе с Пугачёвым? Нет! В XVIII в. интересы народного большинства в большей мере были связаны всё-таки с укреплением империи, а не с движением самозванного императора Петра III. Империя несла начатки Просвещения и защищала народ от иноземных поработителей. Крестьянская страна не могла сделать шаг к социализму. В России было недостаточно пролетариата для своего Бабефа... И Суворов был истинно народным вождём, защищавшим интересы народного большинства. Крестьянского и солдатского. Для их просвещения, для их существования в лоне родной культуры, русского языка была необходима рука империи, а не пугачёвская смута. Путь Пугачева – тупиковый, хотя и пользительный как предупреждение изнеженной и безответственной элите.

Борьба с пугачёвщиной. Схема боевых действий

Называть пугачёвщину крестьянской войной можно лишь условно: скорее это был казачий бунт, всколыхнувший малые народы Поволжья и Прикамья, привлёкший некоторых крестьян и солдат-дезертиров. Но и относиться к пугачёвщине как к обыкновенной уголовщине, как к беспорядкам – заблуждение. Это была гражданская война, в которой не существовало единого мятежного центра. Самозванец вскрыл недостаточную легитимность правления Екатерины и возродил в крестьянстве дух смуты, дремавший больше ста пятидесяти лет.

После ярких побед при Туртукае и Козлуджи имя Суворова стало весьма популярным в армии и хорошо известным в России – и в августе того же года победителя турок посылают на Волгу, а потом, как предполагалось, к Уралу, для подавления восстания «реченого Емельки», как называл Пугачева Суворов в тогдашних письмах. Самые точные сведения о том суворовском походе мы получаем из пушкинской «Истории Пугачева» – бесценного источника, в котором один наш гений, один отец Отечества говорит о другом:

«...Между тем новое, важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то время находился под стенами Силистрии: но граф Румянцов не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! По окончании же войны Суворов получил повеление немедленно ехать в Москву к князю Волконскому для принятия дальнейших препоручений. Он свиделся с графом Паниным в его деревне и явился в отряде Михельсона несколько дней после последней победы. Суворов имел от графа Панина предписание начальникам войск и губернаторам – исполнять все его приказания. Он принял начальство над Михельсоновым отрядом, посадил пехоту на лошадей, отбитых у Пугачева, и в Царицыне переправился через Волгу. В одной из бунтовавших деревень он взял под видом наказания пятьдесят

пар волов и с сим запасом углубился в пространную степь, где нет ни леса, ни воды и где днем должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездам. «...»

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и пошел на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек и между ими своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двуколенной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября.

«...» Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмирённых губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресеченного бунта».

Предусмотрительность, точность, умение быстро сориентироваться в незнакомой среде – вот качества, которые проявил Суворов в пугачевском деле. Неотразимые качества! Он был защитником России от бунтов и смуты, видевшим в их усмирении, в успокоении мятежного народа, свой долг перед Родиной. Как награда за такие труды, летом 1775 г. у Суворова родилась дочь, Наталья Александровна, его любимица, «Суворочка». Позже Суворов говаривал: «Смерть моя для Отечества, жизнь моя для Наташи».

Пугачёвская кампания в суворовской биографии – на особом счету. В советское время, даже в годы повышенного интереса к суворовскому наследию, историю участия национального героя России в борьбе с «крестьянской войной» предпочитали замалчивать. Да и в дореволюционные годы исследователи демократической направленности относились к подобным операциям со стыдливим чувством. На наш взгляд, в контексте суворовской биографии пугачёвщину следует воспринимать в комплексе с тогдашними дуновениями международной политики, с историей войн.

Именно во время Русско-турецкой войны начался пугачёвский мятеж на Яике – одно из труднейших испытаний на прочность для екатерининской системы. Под угрозой оказалась не только спокойная жизнь одной-двух губерний. Речь могла идти и о большой крестьянской войне, которой могли воспользоваться и французы, давно действовавшие в Польше против России, и шведы, и вечные противники османы. Под угрозой мог оказаться и государственный строй, утверждённый отцом империи Петром Великим, и пребывание на троне императрицы Екатерины... Чтобы спасти устои государства от таких угроз, потребовались опытные генералы, знавшие толк в усмирении смут. Суворов проявил себя таковым в Речи Посполитой, во время войны против конфедератов. Он быстро и решительно разбивал вооружённые отряды противников и в отличие от многих других действовавших в Польше русских и австрийских командиров умел ладить с местным населением.

С конца 1773 по апрель 1774 г. операции против Пугачёва возглавлял генерал Бибииков, также отменно проявивший себя во время борьбы с польскими конфедератами. Ему удаётся нанести мятежной армии несколько чувствительных ударов, но в апреле Бибииков умирает. Есть мнение, что именно от него исходила инициатива призыва Суворова на борьбу с мятежниками. В Польше Бибииков убедился в боевых качествах Суворова, в его способностях решать задачи быстро, выкорчёвывая «крамолу» в сложных условиях партизанской войны. На Яике и Волге предстояло столкнуться с чем-то похожим. Только служить там

Суворову довелось не под командованием проверенного Бибикова: до окончания войны с турками Румянцев не отпускал своего генерала, и Бибиков не дождался суворовского прибытия на Волгу.

Весной 1774-го Пугачев и не думал складывать оружия: у него выработалась собственная плодотворная тактика мобилизации новых сил. Волей, обещаниями привилегий он привлекал и казаков, и представителей приволжских национальностей, и беднейших крепостных. В Казани Пугачёву не удаётся штурм кремля, но в городе – а это был крупнейший форпост империи на Волге – его войска покуражились вволю. Под Казанью полковник Михельсон разбивает войско Пугачёва, но самозванный император переправляется на правый берег Волги и расширяет ареал мятежа, хозяйничая в обширных районах. В июле широкие полномочия по борьбе с пугачёвщиной получает генерал-аншеф граф П.И. Панин (под его началом хорунжий Емельян Пугачёв служил при осаде Бендер). В Петербурге уже нельзя было скрыть признаки паники, Пугачёва демонизировали, считали непобедимым, неуязвимым. После Кючук-Кайнарджийского мира Петербург получает возможность переправить в Поволжье проверенные в боях войска и, самое главное, решительного и авторитетного в войсках генерала. Выбор пал на Суворова.

Феномен Емельки, несомненно, занимал Суворова – и к этой миссии у генерал-поручика не могло быть механического отношения. Как и все современники, Суворов не мог отмахнуться от серьёзных размышлений о существовании пугачёвщины. Пугачёв замахнулся на основы тогдашнего мироздания. По указу самозванного императора Петра Третьего все крестьяне, находящиеся в собственности помещиков, «награждаются вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей». Эдак можно разрушить всю государственную систему, экономику страны и армию, в которую Суворов был влюблён. И с дворянством Пугачёв намеревался поступать круто, насаждая новые порядки: «кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах – оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, всячески стараясь ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея к себе ни малейшего христианства, чинили с вами, крестьянами». И Пугачёв не ограничивался декларациями и угрозами: на его совести было уже немало расправ.

С «открытым листом» Суворов мчался в Царицын через Арамас, Пензу и Саратов. «Открытый лист» означал широкие полномочия генерал-поручика Суворова, которому должны были подчиняться губернские и уездные администраторы и воинские начальники, действовавшие на территории восстания.

25 августа Михельсону в 120 верстах от Царицына удаётся наголову разбить войско Пугачёва. Из 15 тысяч повстанцев живыми ушли с поля боя не более тысячи. Сам «император» бежал на левый берег Волги в сопровождении ста пятидесяти соратников. Об этой победе Суворов узнаёт в Саратове. Лавры победителя пугачёвского воинства были упущены, но предстояла не менее щекотливая задача – поймать мятежника. Чуть позже Суворов спешно прибывает в Царицын. Реальность гражданской смуты впечатлила генерала, прошедшего войны: разорение, стихийные казни, кровь... Суворов в те дни стремился примирять, утихомиривать, действовал осторожно, больше пряником, нежели кнутом, чем отличался от брутальной манеры Панина. Трудно судить, что думал Суворов о социальных причинах пугачёвского движения. Самозванчество и смуту генерал, несомненно, считал опасным злом для государства, веры и народа. И боролся с мятежниками с чистой душой, без интеллигентских рефлексов, которые кое-где уже проклёвывались в екатерининское время. Душой и воспитанием как-никак Суворов был обязан семёновским казармам, а не типографии Новикова...

Суворов действует, как в Люблине и Кракове, быстро и решительно, хотя уже не успевает за событиями, а если успеваешь – то, увы, к шапочному разбору: поздно прибыл он на

этот театр... Взяв из команды Михельсона отряд кавалеристов графа Меллина, он ринулся на Узени. По приказу Суворова цепи отрядов несли дежурство на берегах Волги, перекрывая маневр для Пугачёва. Шёл по следам Пугачёва и лихой казачий отряд атамана Алексея Ивановича Иловайского (1736–1797), чьи пути в будущем не раз пересекутся с суворовскими. Здесь же оказался и другой «верный» отряд донских казаков – Мартемьяна Михайловича Бородина. Узнав, как пишет Пушкин, в Узени «от пустынников», что Пугачёв арестован и находится во власти яицкого коменданта подполковника И.Д. Симонова в Яицком городке, Суворов тут же пишет Панину: «Как-то кончитца? Однако призываю Бога! Беру смелость, поздравляю Ваше Высокографское Сиятельство! Рука дрожит от радости. На походе 60 верст от Яицкого городка. Спешу туда». По другим сведениям, весть об аресте Пугачева послал в Узень сам Симонов.

При походе в Яицк за 9 суток Суворов преодолевает 600 вёрст по разбитым дорогам.

В первые дни пребывания в бунтующих краях он получил сотни противоречивых сведений о последних сражениях с пугачёвцами. И сразу отметил расторопность поручика Державина, ранее Суворову неизвестного. 9 сентября, остановившись для краткого отдыха, Александр Васильевич написал рапорт Панину, в котором дважды упомянул будущего поэта: «Господин поручик лейб-гвардии Державин при реке Карамане киргизцев разбил». И – далее: «Сам же господин Державин уставясь отрядил 120 человек преследовать видимых людей на Карамане до Иргиза».

Суворов почувствовал в поручике родственную душу: гвардеец, задержавшийся в нижних чинах, судя по всему, остроумный и способный к быстрым, дерзким действиям. 10 сентября, с берегов речушки Таргуна Суворов обращался уже лично к Державину – в весьма уважительных тонах: «О усердии к службе ее Императорского Величества вашего благородия я уже много известен; тоже и о последнем от вас разбитии Киргизцев, как и о послании партии для преследования разбойника Емельки Пугачева от Карамана; по возможности и способности ожидаю от вашего благородия о пребывании, подвигах и успехах ваших частых уведомлений. Я ныне при детаашаменте графа Меллина следую к Узеням на речке Таргуне, до вершин его верст с 60-ть, оттуда до 1 Узеня верст с 40. Детаашамент полковника Михельсона за мною сутках в двух. Иду за реченым Емелькою, поспешно прорезывая степь. Иргиз важен, но как тут следует от Сосновки его сиятельство князь Голицын, то от Узеней не учиню ли или прикажу учинить подвиг к Яицкому городку.

Александр Суворов».

Знаменательный документ! Скорые переходы по бездорожью, в опасном бунташном крае – это подвиг.

Державин со своим отрядом тоже продвигался к Узени в поисках Пугачёва: лазутчики дали знать, что после поражения при Красном Яре самозванец скрылся в районе Узеней. Крестьянам из своего отряда Державин раздал по пять рублей и послал их врассыпную искать «злодея». Посланцы Державина увидели кострище, вокруг которого сидели сообщники Пугачёва, предавшие своего императора. Державин опоздал: самозванца уже передали Симонову, коменданту Яицкого городка. И всё-таки посланцы Державина явились к поручику с пленником – то был пугачёвский полковник Мельников. Гаврила Романович допросил его и под надёжной охраной направил к князю Голицыну. То был далёкий путь – более ста вёрст. Князь припишет поимку Мельникова своим личным стараниям.

Обстоятельства встречи с Паниным в Симбирске и передачи пленённого Пугачёва Пушкин записал по воспоминаниям премьер-майора Рунича, который был тогда начальником конвоя: «Панин, заметя, что дерзость Пугачёва поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и выдрал у него клоч борода». В Москву Пугачёва везли уже с внушительным конвоем без участия Суворова. Приметим ментальное раз-

личие: Панин не может удержаться от расправы над пленником. Он презирает мужика, бунтовщика, душегуба. А Суворов с любопытством разговаривает с Пугачёвым, интересуется военным искусством самозванца. Пополняет свои тактические знания! Для него Пугачев – преступник, бунтовщик. Но и казак, оступившийся, но боевой товарищ. Ведь хорунжий Пугачев служил в армии, храбро бился в армии Чернышова в Семилетней войне – возможно, сражался рядом с Суворовым... В 1764-м вместе со своим полком был направлен в Польшу – ещё до войны с конфедератами. Потом – война с турками, ранение, тяжкая болезнь. Путь простого солдата, казака, на таких держалась воинская империя. Для Суворова воинское братство значило больше, чем для Панина. И в мужике он видел человека.

Короткий отпуск в Москве с женой – и снова Суворов прибывает на Волгу. Продолжается его миссия по искоренению мятежа. Суворов энергично добивал «остатки пугачёвских шаек» и боролся с башкирской смутой. (Любопытно, что отец героя башкирского восстания Салавата Юлаева в 1772 г. участвовал в боевых действиях русской армии против польских повстанцев. И Салават, и его отец оказались в рядах бунтовщиков, а в конце ноября 1774 г. были арестованы отрядом поручика В.Лесковского.) В разорённых войной областях начался голод. Панин и Суворов приняли меры к смягчению последствий бойни: были устроены провиантские магазины. Для пострадавших губерний – Нижегородской и Казанской – Панин на казённые деньги закупает 90 000 четвертей хлеба. Торговцев, повышавших цены на хлеб, считали мародёрами и строго наказывали, как в военное время – вплоть до смертной казни. Крестьянам простили недоимки – и начали взимать с них подати с сентября 1774 г. «с чистого листа». Если бы не эта деятельность Панина и Суворова – вряд ли пугачёвщина была бы искоренена. Ведь на место одного самозванца мог прийти другой – как это случалось в Смутное время XVII в. О предпосылках смуты немало рассуждал и новый знакомец Суворова – гвардии поручик Гаврила Романович Державин. Суворов был доволен его активностью в деле поимки Пугачёва, и образ мыслей просвещённого офицера пришёлся генералу по душе. В письме казанскому губернатору Державин прямо называет причину пугачёвщины – «грабительство или, чтоб сказать яснее, безпрестанное взятничество, которое почти совершенно истощает людей».

Свидетелем того, с каким почётом Панин принимал в Симбирске Суворова, был генерал-майор Павел Сергеевич Потёмкин – троюродный брат будущего князя Таврического, к тому времени – влиятельного противника панинской партии. Потёмкин не подчинялся Панину, в бунтарных краях установилось двоевластие. Проводя следствие по делу Пугачёва, П.С. Потёмкин посчитал за благо интерпретировать Екатерине события тех дней в невыгодном для Суворова духе. И никакого Андреевского ордена!..

Наконец, было решено провозгласить победителем Пугачёва полковника Михельсона (действительно разгромившего войска самозванца). Ценивший Суворова Г.А. Потёмкин всё-таки предложил императрице наградить старательного генерал-поручика. Сохранившийся письменный ответ императрицы был резок: «Голубчик, Павел (Павел Потёмкин. – А.З.) прав: Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драк и по поимке злодея». Сравнение с Томасом – комнатной собачкой Екатерины – было обидным. Острота императрицы, конечно, была подхвачена столичными кругами. Так была нанесена Суворову одна из придворных ран, которые, по признанию полководца, болели сильнее боевых... То были годы возвышения Григория Александровича Потёмкина – суворовского соратника по первым кампаниям Русско-турецкой войны, который будет смело выдвигать Суворова для великих дел.

Наградой за поволжскую кампанию для Суворова стало только милостивое письмо императрицы от 3 сентября – когда она получила известие о спешном появлении героя Тур-

тукая в районе пугачёвского восстания. В письме Екатерина жаловала ему две тысячи червонцев. За службу верой и правдой в условиях гражданской войны это награда пустяковая...

Черета обидного непризнания заслуг Суворова продолжилась: Гирсов, Козлуджи, Пугачёв... И в 1781-м он будет вспоминать эти печальные обстоятельства в письме к одному из самых доверенных своих корреспондентов, П.И. Турчанинову:

«Подобно, как сей мальчик Кам[енский] на полном побеге обещает меня разстрелять, ежели я не побегу, и за его геройство получает то и то, а мне – ни доброго слова, как и за Гирсов, место первого классу, по статуту, хотя всюду стреляют мои победы, подобно донкишотским. Не могу, почтенный друг, утаить, что я, возвратясь в обществе разбойника с Уральской степи, по торжестве замирения, ожидал себе Св. Ан[дрея]. Шпаги даны многим, я тем доволен! Обаче не те награждения были многим, да что жалко – за мои труды».

Вписаться в виражи придворных партий боевому генералу было нелегко: на этот раз в борьбе Паниных и Потёмкиных проиграл Суворов. А удалился генерал-победитель с берегов Волги уже после кончины отца – генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова. Опасная и трудоёмкая работа в Поволжье была выполнена на совесть – и у Суворова снова осталось разочарование, что его обошли награды...

Крым, Кубань, Астрахань – на форпостах Российской империи. 1776–1783

Среди политических оценок Российской империи, увы, превалируют две крайности. Одни оценивают державу с позиций анархического морализаторства. «Тюрьма народов», «жандарм Европы», агрессор... Тёмная восточная сила, мешающая развитию европейской цивилизации, подавляющая всё свободное и живое. Другая крайность свойственна нашим патриотам. Многие из них искренне уверовали в исконный гуманизм России. Твердят, что Россия никогда не вела завоевательных войн, никого не притесняла, а все территориальные приобретения были последствием исключительно оборонительных действий. Оба стереотипа или откровенно лицемерны, или иллюзорны. Россия XVIII в. – воинская держава на пике пассионарности. Она стремилась на Запад и на Восток. Империи Петра Великого был чужд авантюризм мечтателей о мировом господстве. Сказывались старомосковские традиции: Россия умело рассчитывала силы и умела довольствоваться малым. Окажись на троне Екатерины Фридрих Великий или Наполеон – вряд ли в разделе Польши участвовал бы кто-либо, кроме России. И западные владения Ирана и Османской империи русский штык захватил бы без дипломатических маневров...

Россия медленно, но верно продвигалась к Закавказью, осваивала Сибирь, теснила Швецию, Польшу, Турцию. Сдержанно, но чётко стремилась к Константинополю, к заветным проливам. Империя стремилась к экспансии. Подчас провоцировала войны. Но никогда Россия не угнетала народы, не относилась с презрением к тем, кто присягал (пусть и под военным давлением!) империи. Не проводила, в отличие от Британской империи, истребительных карательных операций. Во многом благодаря имперской воле малые народы сохраняли самобытность, не исчезли в междоусобных распрях. Проводником именно такой политики был Суворов на Кубани.

Потёмкин доверял Суворову, видел в нём первую шпагу страны. Эту репутацию Суворову приходилось подтверждать там, где Российская империя нуждалась в твёрдой руке и неутомимой энергии.

Кючук-Кайнарджийский мир был великим достижением русской армии и потёмкинской дипломатии. Это – наша политическая классика золотого екатерининского века. Земли Северного Причерноморья уже получили название «Новороссия». Генерал-аншеф Г.А. Потёмкин стал генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний.

Турки осознавали опасность усиления России в Причерноморье – и, в нарушение договора, продолжали вершить свою политику в Крыму. Друга России, крымского хана Сагиб-Гирея, свергли. На штыках десяти тысячного турецкого отряда, который стоял в Феодосии, на бахчисарайский престол взошёл один из братьев отставленного Сагиба – Девлет-Гирей, ревностный сторонник Порты. Россия не могла оставаться безучастной. Петербург сделал ставку на другого брата Сагиба – Шагин-Гирея, которого следовало поддержать в борьбе за ханскую власть.

После службы в краях пугачёвского восстания, перед крымской экспедицией Суворов некоторое время командует 6-й Московской дивизией. Штаб командующего дивизией располагался в Коломне, но нередко Суворову приходилось бывать в Белокаменной, дышать её старосветским воздухом. Но на роль украшения столичных паркетов израненный генерал-поручик не годился. В ноябре 1776-го Военная коллегия принимает решение отправить полководца на юг империи, в Крым (туда уже были переброшены полки Московской дивизии), где стоял корпус князя А.А. Прозоровского, родственника Суворова со стороны жены.

Суворов незамедлительно прибывает в Перекоп, в штаб Прозоровского. Вскоре, по причине болезни князя, Суворов временно принял командование над всем крымским корпусом. Ожидалось прибытие в Крым хана Шагин-Гирея, в воздухе витала тревога близких столкновений между русскими войсками и татарами – и Прозоровский почёл за благо дипломатически приболеть. Суворову он оставил ласковый письменный наказ: «Об искусстве ж и храбрости вашей всякому уже известно, в чём и я удостоверен, только извольте поступать по выше предписанному: прогнав неприятеля, далеко за ним не преследовать, ибо на то будет от меня особое учреждение, смотря по обстоятельству дел. Но только как ваше превосходительство не имели никогда дела с татарами, то я за должность почитаю сделать вам описание о роде их войны». В корпусе состояли пехотные полки: первый и второй Московские, Смоленский, Рязский, Орловский и Днепровский. А также – понтонная команда с мастеровыми, 19 орудий и, наконец, шесть гренадерских батальонов.

Но военного конфликта не случилось, с появлением Шагин-Гирея боевые действия не начались. И выздоровевший Прозоровский вернулся к войскам. По планам Екатерины и Потёмкина, следовало утвердить дружественного России хана Шагин-Гирея на посту главы государства, уже не являвшегося вассалом Османской Порты и пока не вошедшего в Российскую империю.

Вооружённые отряды противников Шагин-Гирея сновали по Крыму. Это было своеобразное продолжение Русско-турецких войн. Стамбул стремился передать власть в Крыму Девлет-Гирею – брату ставленника России. Воцарение Шагин-Гирея было своеобразной военной операцией, в которой Суворов сыграл центральную роль. Прозоровский вверил Суворову крупное соединение – в него вошли Орловский и Рязский полки, Ахтырский гусарский и Чугуевский казачий полки, два гренадерских батальона, сотня казаков-донцов, четыре орудия. С этим войском Суворов выступил в утомительный, но по-суворовски скорый поход из Перекопа к Крымским горам.

Девлет-Гирей с войском стоял в районе Карасу-Базара. Суворов продемонстрировал противнику свою силу, выслав к Карасу-Базару небольшой кавалерийский отряд. Психологический ход возымел действие. Отряд Девлета был рассеян от одного вида русских конников, а сам хан, ставленник Стамбула, бежал в Кафу (современная Феодосия). Из Тамани, вместе с русским отрядом генерала де Бальмена, в Еникале прибыл Шагин-Гирей. Мурзы, один за другим, переходили на его сторону. Суворов на берегу Булзыка объявляет Шагин-Гирея ханом, а затем очищает от враждебных сил крепость Кафу. На штурм крепости Суворов отрядил Рязский пехотный полк под командованием полковника А.Я. Шамшева. Авангард майора Ушакова занял крепость 20 марта, действовали ряжцы быстро, проворно, выученно, с полуслова понимая своего командира. А на следующий день к двум ротам Ушакова присоединились другие части Рязского полка.

И на этот раз Суворов обходится без кровопролития: войска Девлета, завидев передовые русские части, морем бежали в Турцию. Бежал и сам хан Девлет-Гирей. Шагин-Гирей занял Бахчисарайский дворец, верховный диван провозгласил его правителем, лишив власти Девлет-Гирея. Как и требовалось России, Шагин-Гирей попросил оставить в Крыму русский гарнизон, имея в виду, в первую голову, полюбившегося ему Суворова. В июне 1777-го Суворов уже считал службу в Крыму видом бездеятельного прозябания и просил Потёмкина о перемене места службы, даже съездил в Полтаву, в отпуск, для встречи с женой. В отпуске Суворов приболел, для лечения на месяц поселился в Опошне. Между тем обстановка и в Крыму, и на кавказском побережье складывалась непростая: на полуострове сохранялась опасность выступления протурецки настроенных крымских мурз, а на Кавказе турки укрепляли крепости Анапу и Суджук-Кале.

29 ноября 1777 г. Суворов получает ордер Румянцева «ехать для принятия команды над корпусом на Кубани относительно дел татарских и взаимного сношения поступать».

Граница империи проходила на Кавказе по Кубани. Там, в Копыльском ретраншементе (позже – станица Славянская), он принял командование над Кубанским корпусом у генерал-майора И.Ф. Бринка, чьи неспешные действия вызывали ярость Румянцева. В Копыльском Суворов осмотрел войска и долго беседовал с Бринком о здешних делах.

На Кубани Суворов возьмёт за правило много ездить, перемещаться, изучая район, который прежние командиры знали главным образом по картам. Суворов лично, с небольшим казачьим отрядом, осмотрел границу по берегам Кубани и Азовского моря. Однажды отряд был обстрелян «закубанцами». Кочевавшие на Кубани орды ногайских татар в основном признавали власть Шагин-Гирея и относились к России дружелюбно. Заправляли в ногайских ордах братья бахчисарайского хана – Арслан-Гирей и Батыр-Гирей. Суворов встречался с ними и с другими вождями ногайцев, некоторые из них по личной инициативе являлись на поклон к русскому генералу. Суворов заметил двойную игру Батыр-Гирея, который ориентировался на Турцию, хотя в личных беседах уверял Суворова в приверженности России... В воздухе пахло порохом. В приграничных землях энергия Суворова нашла применение. Какое-то время Суворову пришлось бороться со слухами о смерти Шагин-Гирея. По требованию Суворова Шагин-Гирей прислал из Бахчисарая свои указы-фирманы в орды ногайских татар, удостоверяя свою власть.

Две укрепленные линии защищали границу – Моздокская (здесь стояли регулярные части) и Терская (на этой линии границу защищали казачьи войска). Суворов въедливо проинспектировал укрепления и пришёл к выводу о необходимости третьей линии – Кубанской, которая защищала бы границу к западу от Ставропольской крепости.

Весной 1778 г. в разгаре были фортификационные работы. Более энергичного строителя укреплений, чем Суворов, российское приграничье не знало. В двух «работных армиях» трудились 700 человек; они возвели десять крепостей и девятнадцать фельдшанцев. Ачуев, Темрюк, Тамань, Усть-Лабинский, Духовный – эти укрепления отныне защищали подходы к плодородной Кубани. Суворов – отец-основатель этих будущих городов и посёлков. Для эффективного управления укреплениями Суворов разделил линию на шесть дирекций. Лично объезжал объекты, въедливо инспектировал строительство, вникая в мелочи. Он писал Румянцеву о кубанских укреплениях – о реализованных и предполагаемых планах: «Крепости и фельдшанцы по Кубане прострились нечто и за Тамишберг с неожиданным успехом. Они столько неодолимы черкесским поколениям по их вооружению, что становились им совершенно уздою, были б они доведены в смычку Моздокской линии к Ташле к половине апреля. Коммуникационные ж полегче редуты внутрь земли кончились бы около половины мая и послужили б к содержанию ногайцев в приличности. Укрепления сил по Кубане, сильнее почти обыкновенных линейных, могли бы современем переименоваться в линию...». В каждой крепости, в каждом укреплении побывал Суворов, проверяя надёжность построек.

Тем временем в Крыму снова начались волнения. Татарские мурзы поднялись против Шагин-Гирея, желая заменить его Селим-Гиреем, сыном двуличного Батыр-Гирея, того самого, с которым Суворов познакомился на Кубани. Мятеж, с помощью Прозоровского, был подавлен. Но в Петербурге были недовольны нерасторопностью князя, которому присвоили очередное звание генерал-аншефа, и направили в спокойный Орёл генерал-губернатором. Такова была идея Потёмкина. 23 марта 1778 г. командующим Крымским корпусом был назначен генерал-поручик Суворов, который в то время уже пользовался безграничным доверием Потёмкина. Крым нужно было оборонять от турок: и Потёмкину требовался деятельный командующий, который бы объединил Крым и Кубань как единый оборонительный фронт. Строились крепости, ретраншементы, фельдшанцы. Обустраивались укрепленные казаками почтовые станции. Воинские посты располагались в трёх верстах один от другого.

Казачков в Крыму было уже немало, несколько тысяч. Крым обрусевал. Следовало укреплять Кинбурн, защищавший Крым со стороны сильнейшей турецкой крепости – Очакова.

В бухте Ахтиар стояла турецкая эскадра – 14 вымпелов, под командованием Гаджи-Мегмета-аги. На судах обосновался десантный отряд из семисот янычар. Они должны были поддержать Селим-Гирея. Эскадра не ушла и после провала мятежа. Время от времени турки совершали дерзкие вылазки в Крым. Под Херсонесом был убит выстрелом в спину и ограблен донской казак. Суворов ответил на это строгим письмом Гаджи-Мегмету. Одними угрозами и ультиматумами Суворов не ограничился. На берегах Ахтиарской бухты русские солдаты начали фортификационные работы. Теперь турецкой эскадре угрожали батареи. Гаджи-Мегмет поступил благоразумно: отплыл от крымских берегов и встал на якоря в трёх верстах от гавани. Началась переписка Суворова с Гаджи-Мегметом, в которой турецкий капудан-паша отстаивал право османского флота причаливать к берегам Крыма. Суворов был непреклонен, указывая на самостоятельность крымского ханства, которое при Шагин-Гирее фактически попало под власть Петербурга. В итоге Суворов перекрыл источник пресной воды турецкой эскадры – устье Бельбека. Вооружённый русский отряд теперь не пускал турок к источнику... Эскадра Гаджи-Мегмета ушла к турецким берегам, в Синоп.

Тем временем к Кафе приближалась более сильная эскадра во главе с Гассан-Газыпашой. Они намеревались высадить в Кафе немалый десант, напрямую занявшись присоединением Крыма к Порте. Гасан-Газы послал русскому сераскиру ультиматум, запрещавший русскому флоту ходить возле крымских берегов. В противном случае турки обещали топить русские суда. Суворов ответил резко и воинственно, запретив туркам сходить на берег даже для пополнения запасов питьевой воды. Турецкая армада не решилась на десант и вскоре удалилась в Босфор. Решительность Суворова сераскиры Блистательной Порты знали...

Вскоре турецкий флот вернулся к берегам Крыма. Сотня кораблей встала на якоря в кафской бухте. В письме Суворову паши просили указать место, где можно было бы взять пресную воду. Суворов ответил резким отказом, воспользовавшись известием о чумной эпидемии в Турции. Суворов объявил в Крыму карантин – и не позволил ни одному турку сойти на берег, хотя у тех было немало самых разнообразных предложений. Помня о сильном турецком десанте, Суворов привёл в боевой порядок укрепления. Русские войска демонстрировали туркам готовность дать отпор любой вылазке. И вторично турецкая армада отступила к Стамбулу.

Шагин-Гирей не внушал русским дипломатам серьёзного уважения. Было ясно, что это временный и зависимый союзник. Не раз презрительно отзывался о политических способностях Шагин-Гирея Потёмкин. Переселение христиан из Крыма в пределы Российской империи было первым шагом России против Шагин-Гирея, на перспективу аннексии Крыма. Эту операцию безупречно провёл Суворов. Местные христиане – в основном греки и армяне – занимались в Крыму торговлей и ремёслами, принося в казну Шагин-Гирея львиную долю доходов. Хан протестовал, но Суворов неумолимо выполнял волю Петербурга. Армян и греков переселяли в Приазовье. Греческое и армянское духовенство поддерживало эту операцию. Суворову помогали митрополит Игнатий и армянский архимандрит. И снова Суворов учит офицеров действовать убеждением, держать войска в строгом повиновении, избегая мародёрства. Среди переселённых греков и армян – даже тех, кто не хотел покидать крымских берегов, – остались уважительные воспоминания о Суворове. Самой многочисленной колонией переселенцев были армяне – около тринадцати тысяч человек. Это они обосновались в Приазовье, где был основан армянский городок Нахичевань, ныне вошедший в границы Ростова-на-Дону.

В знак протеста Шагин-Гирей со свитой покинул Бахчисарай. В переписке с Потёмкиным Суворов уже предлагал заменить Шагин-Гирея на Казы-Гирея – его «закубанского» брата. Выказал Суворов и мысль, которая наверняка уже родилась и в сознании Потём-

кина: о целесообразности присоединения Крыма к России. «Бесчисленные полезности таковая перемена при Божием благословении принесёт».

Выполняя деликатную крымскую миссию, Суворов находился в непосредственном подчинении у Румянцева, но идеологом мирной кампании был набравший небывалую силу Потёмкин. Суворов и Потёмкин поддерживали связь в обход Румянцева, который всё более неприязненно относился к будущему князю Таврическому. Так, к переселенческой операции Румянцев с самого начала относился скептически, обращая внимание на недовольство близкой Шагин-Гирею элиты и ропот крымских аборигенов. В письмах Потёмкину Суворов аллегорически жалуется то на Румянцева, то на собственное нездоровье. Душа полководца рвалась к более автономным действиям, но для этого нужно было капитально отличиться перед императрицей.

Весной 1779 г. Османская империя, наконец, признала независимый статус правителя Крыма, хана Шагин-Гирея. Миссия русских войск была окончена: Суворов оставил небольшие гарнизоны в крепостях Керчи и Еникале и вывел войска с Крыма. Суворов получает в командование Малороссийскую дивизию и лето 79-го проводит в Полтаве. А в конце года его вызывают в столицу. За крымскую и кубанскую службу императрица вручает Суворову орден Св. Александра Невского. Ожидаемого производства в генерал-аншефы Суворов в тот год не дождался. А ведь его выверенные действия в Крыму и на Кубани открыли для России путь к присоединению «полуострова чудес».

Новое поручение Потёмкина казалось многообещающим: речь шла о персидском походе, замысел которого держался в секрете. 11 января 1780 г. Потёмкин подписал тайный приказ Суворову с рекомендациями для подготовки похода на главный каспийский порт Персии – Рящу (Решт): «Вследствие сего немедленно должны вы отправиться в Астрахань осмотреть флотилию и партикулярные суда, могущие служить для транспорта, и о числе и годности оных отрапортовать меня с нарочным.

Осведомиться, какие ближайшие и выгоднейшие дороги к Ряще по набережью и как согласить марш посуху идущих войск с флотом, и где назначить приставать оному, ибо я полагаю провиант везть, большую часть, водою.

Обстоятельства Персии, Грузии, Армении должны вы, узнавши, меня уведомить...»

Суворов прибывает в Астрахань и начинает изучать состояние каспийской флотилии: три фрегата, бомбардирский корабль и 8 ботов. Достраивалось и пополнение флотилии, к тому же Суворов имел в виду лёгкие купеческие суда, которые предполагали использовать для транспортировки артиллерии. К июлю 1780-го флотилия была готова к походу. Суворов провёл успешные переговоры с Гадоет-ханом – правителем Гилянской провинции. Суворовская дипломатия – особая, не кабинетного происхождения. Она замешена на воинском опыте и на кипучей любознательности генерала, который в каждой местности изучал обычаи, диалекты, говорил на языках противников и соратников – то по-турецки, то по-польски, то по-немецки. При этом Суворов не относился к тем русским аристократам, для которых увлечение Европой и иностранными языками заслоняло русскую сердцевину. И с восточными вождями Суворов находил общий язык на основе взаимного уважения. И властитель Гилянской провинции Гадоет-хан почёл за благо декларировать приверженность Российской империи. Он готов был вместе со своей провинцией перейти под власть всемилостивейшей императрицы. Посредником Суворова в переговорах с Гадоетом был житель Гянджи Никита Яковлев – армянский слуга российского престола. Гадоет-хан уже готовился переселиться в Астрахань до полного присоединения Гиляна. Багаж хана уже погрузили на русское судно, когда его настигла бдительная рука Измаил-хана, который силой возвратил прорусски настроенного вельможу в Рящ. Тогда же Никиту Яковлева арестовали люди шамхала Али-Магомета – и помощник Суворова оказался в тюремных застенках. Суворову удалось освободить Яковлева: он умел настаивать на своём в переговорах.

Суворов пробыл в Астрахани до конца 1781 г. – то готовясь к активизации действий, то разувериваясь в реальности первоначальных амбициозных планов Потёмкина. Скепсис оказался оправданным: персидский поход не состоялся. «Обстоятельства одного дела приняли иной вид», – с сожалением написал Потёмкин, отзывая Суворова из Астрахани. В новом году Суворов принял командование дивизией в Казани. Снова – учения, снова разговоры с офицерами и солдатами, головоломные суворовские вопросы, на которые полагается быстро давать находчивые ответы. Но вскоре ему предстояло снова возвратиться на юг России, а именно – к берегам Кубани. На 28 июня 1783 г., в годовщину восшествия Екатерины на престол, планировалось подписание манифеста о вхождении Крымского ханства в состав Российской империи. Русские полки снова стояли в Крыму – на этот раз под командованием генерал-поручика де Бальмена. И Суворов, конечно, был там, где провокации османов, недвольных крымской политикой России, были особенно опасны. Сначала русские войска возвратили Шагин-Гирея на бахчисарайский престол, усмирив его мятежных братьев, которые в итоге обосновались в Турции и будут ещё воевать против России. Но трон Шагин-Гирея был шаток, ему так и не удалось стать сильным правителем, не удалось остаться зависимым партнёром, но не вассалом России. И хитроумный Потёмкин уже уговаривает его отказаться от престола в пользу матушки императрицы. В марте—апреле 1783-го Шагин-Гирей сдался под напором неутомимого Григория Александровича. Но до поры до времени договорённость держали в секрете – до знаменательного дня 28 июня.

Осенью 1782 г. Суворов снова принял командование Кубанским корпусом. Ставка Суворова находилась в крепости Св. Димитрия. В начале июня Суворов находился в Ейском укреплении, пробуя на вкус настроения местных жителей перед попаданием в железные объятия империи. Опорой Суворова среди местной элиты стал «особливо преданный империи Всероссийской» Джан-Мамбет-мурза. Помогал Суворову и Халил-эфенди-ага, чьё усердие, полезное России, Суворов благодарно отмечал. Нужно было так спланировать этот день – 28 июня, чтобы ничто не омрачило праздника империи, чтобы исключить возможность провокации. Офицеры перенимали суворовское усердие и осознавали высокое значение момента. Рядом с ними были тени павших при Кагуле и Козлуджах, тень Вейсмана – ведь южное расширение границ империи было следствием той, первой екатерининской Русско-турецкой войны.

28 июня в Ейском городке Суворов, тщательно подготовив ритуал, принимал присягу ногайцев, входивших в состав России. Было устроено даже «великолепное празднество по вкусу сих народов». Империалист Суворов приказывает солдатам обращаться с новыми подданными империи «как с истинными братьями». По замыслу Суворова, после принятия присяги особо преданные России ногайские чиновники вместе с русскими офицерами должны были отправиться в аулы, приводить к высочайшей присяге народные массы ногайцев. Зачитывались слова манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей стороны Кубанской под державу Российскую», подписанного Екатериной. Солдат империи исполнил свой долг.

Казалось бы, над Ейским городком установилась безоблачная летняя погода. Но очередной мятеж ногайских орд был неизбежен: столь крупные приобретения не могли обойтись империи дёшево. И турки, и вполне обоснованно обиженный старый приятель Суворова Шагин-Гирей просто обязаны были «мутить воду». Для Потёмкина и Суворова в этом не было ничего неожиданного.

Для политика и военачальника Г.А. Потёмкина Суворов был своим человеком – доверенным-проверенным. Потёмкин – управленец остроумный и проницательный – умел видеть в эксцентричном чудаке-генерале стойкого героя и своеобразную личность, хотя и не всегда понимал новаторской суворовской тактики. Суворовскому умению «воевать минутами» Потёмкин предпочитал осторожную стратегию медленной, но верной экспансии – не

минутами, но годами, шаг за шагом. Твёрдая рука Суворова всякий раз была ему нужна, когда для достижения цели всё-таки следовало действовать энергично.

С 1777 г. активизируется эпистолярное общение Суворова с набравшим силу новым «полудержавным властелином» Г.А. Потёмкиным. Граф (в то время – ещё не светлейший князь) видел Суворова одним из главных действующих лиц в предприятии, которое принесёт Потёмкину громкую славу и титул Таврического. Речь шла о присоединении Крыма.

Мы видели, что на полуострове Суворов оказывается в эпицентре многослойной политической борьбы, от которой доселе был далёк. Но приходилось выполнять и более близкие к армейской практике задачи – переселение христианских семей, наконец, подготовку к неизбежной новой войне с Османской Портой. Юг Российской империи был в те годы областью расширяющейся и перманентно прифронтовой. Суворов хорошо знал эти места и не упускал возможности лишней раз углубить свои знания Придунайских областей, Новороссии, Крыма, Кубани.

Войска Суворова с относительной лёгкостью громили многотысячные отряды ембукских всадников мурзы Канакая Нураддина. Заметим, что аналогичные бои нередко не приносили успеха ни российским, ни британским войскам – и не стоит недооценивать кубанских побед Суворова, припоминая и мучительно тяжёлые кавказские войны XIX в., и спецоперации в горячих точках века XX.

К новым подданным Российской империи следовало относиться бережно. Суворов распорядился переселить в Черкесск сотни ногайских семей, чьи отцы погибли в боях. Таким образом, были спасены от голодной смерти тысячи женщин и детей. Этого не вспоминают те, кто ныне обвиняет Суворова в истреблении ногайских семей. У сепаратистов длинные языки и хорошая фантазия на клевету...

За присоединение благодатной Кубани Суворов был награждён орденом Св. Владимира 1-й степени. Этот орден появился в годы расцвета суворовского военного гения.

Первыми кавалерами стали выдающиеся екатерининские «орлы» – самые могущественные вельможи, государственные мужи, фавориты. Они получили Св. Владимира в день учреждения награды: Потемкин, Безбородко, Панин, Бецкой, Репнин, Григорий Орлов... Суворов в то время, по обыкновению, был далек от высочайшего двора, находился при армии, поближе к приграничным очагам напряжения. Высокая награда во имя крестителя Руси, святого равноапостольного князя Владимира Святославича была учреждена к двадцатилетию правления императрицы Екатерины II. Девизом ордена были слова: «Полезьа, честь и слава».

В капитуле российских орденов 1892 г. статут ордена определялся так: «Императорский орден Св. Равноапостольного Князя Владимира установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых».

Известие о награждении Суворов получил в разгар боевых действий против ногайцев. В середине лета 1783 г. среди орд снова начались серьёзные волнения. Конники джанбулакской орды нападали на русские посты – на роту Бутырского пехотного полка, что стояла на Малой Ее, на команду подполковника Лешкевича... Вождь мятежа Мамбет Мурзабеков был арестован, его заточили в Азовскую крепость. Но Потёмкин предчувствовал, что от кочевий ногайских татар за Кубанью по-прежнему исходит опасность, – и приказал Суворову провести в тех краях военную экспедицию. Поход начинался от устья Лабы. С Суворовым выступили по пятнадцать пехотных рот и драгунских эскадронов с 16 полевыми орудиями. Привлёк Суворов и донские казацкие полки под предводительством А.И. Иловайского. Через Лабу переправлялись без наведения понтонов, перетягивая пушки тросами. 1 октября в Керменчике, на противоположных берегах Лабы русские войска разгромили ногайский лагерь. В тот

же день, продвинувшись дальше, Суворов громит ногайцев у урочища Сарычигир. Пленных Суворов отпустил, а некоторых бросивших кочевье ногайцев было разрешено записывать в казаки. Опасный для России степной союз распался. Суворов писал: «Были они нами за Кубанью и на реке Лабе на рассвете при Керменчике так супренированы, что потеряли множество народа и всех своих мурз, и того ж числа другой раз их и иные поколения равно сему разбиты были; одни сутки кончили всё дело». Закубанская операция завершилась блестящей и скорой победой. Турки, лишившись опоры на Кубани, 28 декабря 1783 г. в специальном соглашении с Россией признали линию реки Кубань границей между империями. Впрочем, Россия уже смотрела дальше на Кавказ, стремясь освободить христианские народы Закавказья от турецкого владычества. Кубанский плацдарм против турок был надёжно укреплен.

Расширение границ Российской империи Суворов всегда приветствовал и расчётливо продумывал имперскую тактику – на какой границе нынче уместнее дать волю экспансии? Заметим, что зрелое имперское сознание вовсе не было повсеместным явлением в российском дворянстве того времени. Суворов здесь воплощал одну из главных тенденций лучших екатерининских орлов – служить, дабы без ведома нашего ни одна пушка в Европе выстрелить не могла... Обыкновенно это высказывание связывают с именем Безбородко, но под ним могли бы подписаться и Румянцев, и Потёмкин, и Суворов. Охранители империи, умножившие её пространства и влияние. У могущественной империи, которая раскинулась от Дальнего Востока до Польши, всегда было немало горячих или тлеющих точек. В те годы, как известно, не было ни телефонов, ни радио, ни даже Интернета. И всё-таки Суворов и его современники всегда успевали подлатать там, где рвалось. Успевали, опережая скорости века.

С весны 1784-го до осени следующего года Суворов, командуя тихой Владимирской дивизией, вёл жизнь по преимуществу помещичью, объезжая свои имения. В сентябре 1785-го Военная коллегия публикует «Список нового генералитета Российской империи», в котором не нашлось место для знаменитого генерал-поручика. В «Росписи российских войск» Суворова не назначили ни в одну дивизию. Что это – случайность или опала? Суворов явился в Петербург. Его приглашали во дворец. Увидев императрицу, он повалился на колени: «Матушка, я прописной! Меня нигде не поместили с прочими генералами и ни одного капральства не дали в команду». Недоразумение исправили: Суворову вверили Первую – столичную – дивизию. Никакой опалы, напротив, Суворов – на виду и в чести.

Между тем Петербург уже намеревался удалить отставного хана Шагин-Гирея с некогда подвластных ему территорий. Екатерина составила письмо Шагин-Гирею, в котором предлагала ему переселиться в Воронеж с годовым пенсионом в 200 тысяч рублей. Суворову было поручено вручить письмо-ультиматум бывшему хану и провести с ним переговоры по этому поводу. Суворов, пребывавший в крепости Св. Димитрия Ростовского, считал невозможным провести эту операцию самолично: после переселения греков и армян из Крыма Шагин-Гирей затаил обиду на Суворова, и эмоциональный фон переговоров мог оказаться неблагоприятным. В Тамани Шагин-Гирей пытался войти в сношения с ногайцами, цепляясь за остатки ханской власти. В Тамань, к Шагин-Гирею Суворов послал подполковника Нижегородского пехотного полка С.А. Булгакова, которого снабдил «довольными деньгами и надлежащим наставлением». Суворов продумал даже маршрут, по которому бывший хан должен был добраться до Воронежа: через Крым, чтобы не ехать по Кубанской степи, чреватой «случайными препятствиями». Шагин-Гирей отреагировал на письмо Екатерины не без заносчивости: он потребовал высочайшей аудиенции в Петербурге, а сразу ехать в Воронеж отказался. В итоге его всё-таки вынудили спрятать гордость в карман и удалиться в воронежскую глушь. Судьба этого «слабого и лукавого властителя», которого Россия, по существу, задушила в объятьях, была печальна. Поселившись в Воронеже, он принялся просить императрицу отпустить его в Турцию, где пребывала его многочисленная родня. Но

османы не забыли Шагин-Гирею многолетнего сотрудничества с Россией. Только его нога ступила на землю Оттоманской Порты – бывшего крымского хана арестовали и сослали на остров Родос. А в 1787 г., по указанию из Стамбула, задушили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.